

VIP

Артур Таболов

Артур Таболов

VIP

Роман

Москва
2012

УДК 821.161.1-311.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т12

Таболов, А.Б.

Т12 VIP / Артур Борисович Таболов. — М.: Русь-Олимп, 2012. — 256 с.

ISBN 978-5-9648-0358-4

Артур Таболов, автор романов «Водяра» и «Кэш», всегда пишет о том, что хорошо знает — о российском бизнесе. Его романы напоминают детективы. Но ему нет нужды встраивать в них детективную составляющую, потому что бизнес в России полон такими крутыми поворотами сюжета, до каких ни один беллетрист не додумается. Чтобы писать такие книги, нужно обладать непростым опытом прожитой жизни. У Артура Таболова такой опыт есть. Еще на заре перестройки он занимался строительным и водочным бизнесом в Северной Осетии, сегодня он владелец многопрофильного холдинга в Москве.

Он знает о чем пишет.

УДК 821.161.1-311.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9648-0358-4

© ООО «ИД «Русь»-«Олимп», 2012

Часть первая

У БЕДЫ ГЛАЗА ЗЕЛЕНЫЕ

I

Даже спустя много времени, вспоминая эту историю, Михаил Юрьевич Панкратов все никак не мог освободиться от тягостного чувства. Все было правильно, он действовал правильно, люди, с которыми он работал, действовали правильно, но ощущение какой-то глубинной неправильности, уродливой искривленности жизни не проходило. Будь в этой истории задействованы крутые бизнесмены или даже олигархи, он бы скоро о ней забыл. Но в том-то и дело, что главную роль в этой драме играла женщина, да такая, каких Панкратов никогда не видел. Они существовали где-то там, на обложках глянцевых журналов, умело подретушированные. А эта была без ретуши, живая, с огромными зелеными глазами, с капризным ртом, с волосами, собранными на затылке золотым узлом. Не только молодежь, но и вполне солидные люди застывали столбом при виде ее, ошеломленные не красотой, вряд ли ее можно было назвать очень красивой, но обаянием необыкновенной, ядерной силы, от которой зашкаливали бы все дозиметры. Каждый видел в ней то, что хотел увидеть. Совершенно

непостижимым образом, не прилагая никаких усилий, она воплощалась для каждого мужчины в недостижимый идеал из забытого прошлого. Как японский нинзя сразу видит уязвимые точки в человеке, так и для этой женщины духовная анатомия любого мужчины была как раскрытая книга. Она была не из тех, в кого влюбляются. Она была из тех, по кому сходят с ума. И не мужчины выбирали ее, она сама выбирала мужчин, легко сходилась с ними и так же легко расставалась. Ее мужа и сожители воспринимали разрыв как неизбежность, словно понимая, что такая женщина не может долго принадлежать одному мужчине, но после этого как бы теряли волю к жизни. Ее первый муж, потомственный дипломат из старинного аристократического рода, первый секретарь французского посольства в Москве, тихо спивался в ЮАР в бесперспективной должности атташе по культуре. Второй муж, московский банкир, как-то нелепо разорился и скрывался от кредиторов в Лондоне. Модный художник, с которым она одно время жила, неожиданно отказался от участия в самых престижных выставках и исчез из художественной тусовки Москвы. Его телефоны не отвечали, на звонки в дверь его мастерской никто не отзывался. Она с сочувствием относилась к их неудачам, но не принимала их близко к сердцу. Это было прошлое, а прошлое не должно мешать настоящему.

Лишь однажды она сделала ошибку, остановив свой выбор на медиамагнате Григории Вознюке, владельце десятка таблоидов, сети кабельных телеканалов и нескольких радиостанций, вещающих в ФМ-диапазоне. В «Форбсе» его состояние оценивалось в полтора миллиарда долларов.

II

В Москве над безликими кварталами Новых Черемушек возвышается восемнадцатизэтажная башня из тусклого бетона с плохо промытыми стеклами. Никакой вывески на ней нет, подъезд охраняет полицейский с автоматом Калашникова, в тамбуре с местными телефонами висит объявление: «Справки о судимости выдаются с 14 до 18 часов». На вахте дежурит прапорщик, вооруженный пистолетом Макарова. У чужих он въедливо проверяет документы, своих пропускает, едва взглянув на удостоверения. Свои все в форме, лейтенанты и старшие лейтенанты, капитаны, реже майоры. Медлительные лифты развозят их по семнадцати этажам башни. На верхний, восемнадцатый этаж поднимаются все больше штатские, но с заметной военной выправкой. На семнадцати этажах располагается Зональный информационный центр МВД, а последний этаж выделен Российскому национальному бюро Интерпола.

По тому, какие машины съезжались по утрам к башне, можно было судить о благосостоянии сотрудников центра. Все больше «Лады»-девятки и даже «Жигули»-шестерки, неновые иномарки. Никаких «мерседесов» и «лексусов». Что говорило о том, что здешний служивый люд либо не умеет брать взятки, что, как было известно всем, прекрасно умела делать вся полиция, либо не знает, с кого их брать и потому вынужден жить на зарплату. Зато невдалеке, на парковке «Газпрома», выпершего из земли огромным сине-зеленым фаллосом, глаза разбегались от дорогих машин. Тут тебе и «бентли» и «майбахи» и экзотические «мазератти» и «ламборджини».

Старший оперуполномоченный Интерпола капитан Игорь Касаев, сын одного из самых крупных и амбициозных девелоперов Москвы, владельца группы компаний «Мегаполис» Аслана Касаева, ездил на «форд-фокусе» и каждое утро, подъезжая к башне, испытывал чувство неловкости. Очень уж отличался его «форд» от машин сослуживцев. «Форд» подарил ему отец по случаю успешного окончания МГИМО. Он хотел купить сыну «порше-кайен», но тот воспротивился: «Ну представь: генерал-лейтенант, начальник Интерпола, ездит на служебной «Волге», а я буду рассекать на «порше»? И как на меня будут смотреть?» Отец считал, что равняться нужно на богатых и успешных людей, а не на нищевродов, но спорить не стал. Сошлись на «форд-фокусе». Но и эта машина была слишком хороша для центра. Игорь поспешно загонял ее на служебную стоянку и уже с легким сердцем шел в башню.

Иногда, поднимаясь на лифте на восемнадцатый этаж, он представлял, что пересекает пласты криминальной российской истории. На нижних этажах хранились архивные документы о преступлениях давних, послереволюционных и довоенных времен, выше — агентурные донесения, следственные и судебные дела послевоенных банд, терроризировавших города, еще выше — громкие «хлопковые», «рыбные» и валютные дела времен застоя, а на самом верху — дела последних десятилетий российской истории, по сравнению с которыми блекли все преступления прошлых лет, даже самые дерзкие. Игорь не знал, в каком порядке и на каких этажах хранятся архивы центра, но ему было интересно думать, что они хранятся именно так, пластами, и лифт возносит его в самую что ни на есть жгучую

современность, когда преступность перестала быть внутренним делом каждого государства и способствовала лучше, чем даже ООН, укреплению международного сотрудничества. Эти мысли сообщали ему чувство причастности к мировым проблемам и как бы одухотворяли бюрократическую машину, чем в сути своей являлся Интерпол с Генеральным секретариатом в Лионе и с национальными центральными бюро в ста семидесяти девяти странах мира.

В холле восемнадцатого этажа были вывешены крупные цветные снимки всех руководителей российского Интерпола, как в театральных фойе развешивают портреты отцов-основателей. Их было много. СССР вступил в Международную уголовную полицию еще в 1990 году из соображений политических. При Горбачеве Советский Союз вступал во все, во что можно вступить, чтобы продемонстрировать Западу свою открытость. Открытость продемонстрировали, но что делать дальше, понятия не имели. Признать, что советская милиция сама не способна бороться с преступностью, было как-то неловко, идеологически совестно. Вот так взять и показать всему миру свое исподнее? Открытость открытостью, но не до такой же степени. А до какой? Этого не знал никто. Так поначалу и завис новоявленный Интерпол в состоянии организационной недоношенности. Даже не сразу решили, куда его прикнуть. Сначала пошли по пути Франции, где национальное центральное бюро возглавлял министр внутренних дел. Первым начальником российского НЦБ стал генерал-полковник, первый заместитель министра МВД, его сменил генерал-майор, потом были полковник, генерал-лейтенант, генерал-майор, еще один

генерал-майор и еще один полковник. И наконец, как долго колебавшаяся стрелка весов находит свое место, так определился и вес Интерпола в иерархии российского милицейского ведомства, его приравнивали к Главному управлению МВД, а начальником назначили генерал-лейтенанта Сибирцева, одного из руководителей Московского уголовного розыска. К тому времени уже пришло понимание, что Интерпол не горбачевская дурь, а серьезный инструмент, помогающий решать многие российские проблемы — терроризма, организованной преступности, наркотрафика. Но он должен соответствовать международным стандартам. А вот с этим новому руководителю пришлось поработать. Исполнительская дисциплина хромала во всех российских учреждениях, гражданских и военных. И если где-то с этим можно было мириться, для Интерпола это было недопустимо. Каждый невыполненный запрос, каждое не вовремя переданное сообщение разрывали ячейку в информационной сети, парализовали работу Интерпола, как тромб парализует функционирование участков мозга.

Портрет генерал-лейтенанта Сибирцева замыкал галерею в холле.

Кабинет встретил Игоря привычным гудением вентиляторов, охлаждающих электронные мозги мощных компьютеров, круглосуточно перерабатывающих огромные массивы информации, поступающей со всего мира. Он сунул плащ в шкаф, где в прозрачном целлофановом чехле висела его парадная форма, которую полагалось надевать на торжественные мероприятия, подкатил офисное кресло к монитору. Пора было за-

няться сортировкой поступивших документов. На служебном жаргоне это называлось «раскрашивать». Документы помечались разными цветами — от красного «Urgent» («Срочно») до зеленого «Non-urgent» («Не срочно»). Одновременно проставлялся код криминальной тематики:

- ST — незаконный оборот наркотиков,
- CA — похищенный автотранспорт,
- SA — кражи культурных ценностей и оружия,
- CF — фальшивомонетничество и подделка документов,
- OC — организованная преступность,
- EC — преступления в сфере экономики,
- AG — преступления против личности,
- TE — терроризм,
- PE — запросы о лицах,
- IO — идентификация лиц,
- OA — выполнение оперативно-розыскных действий,
- LX — выдача преступников, экстрадиция,
- FF — прочие преступления.

Но перед тем как запустить информационную ленту, он придвинул телефон и набрал номер, который знал наизусть. Каждое утро набирать этот номер и слышать длинные гудки уже стало для него ритуалом.

Возник этот ритуал вот почему. Недели три назад пришел запрос из следственного управления при Красногорской городской прокуратуре. Следователь Молчанов сообщал, что в ходе расследования уголовного дела номер такой-то им, следователем Молчановым, такого-то числа был сделан запрос в Российское НЦБ

Интерпола. Ответ, поступивший из НЦБ, вызывает у следователя Молчанова сомнения в достоверности его содержания. В связи с чем следователь Молчанов просит провести дополнительную проверку запроса и сообщить ему о результатах.

Запрос с указанным номером был зарегистрирован в секретариате НЦБ, была запись и о том, что ответ на запрос отправлен в прокуратуру. Но ни в бумагах, ни в компьютере почему-то не оказалось ни текста запроса, ни текста ответа. Начальник НЦБ генерал-лейтенант Сибирцев, не терпевший ни малейшей небрежности в делах, приказал Игорю Касаеву разобраться с этим запросом.

По документам установили, что исполнение ответа на запрос следователя Молчанова было расписано майору Сергею Старостину, сотруднику отдела криминальной аналитической разведки. Но Сергей уже не работал в Интерполе — уволился месяца четыре назад. Его мобильник не подавал никаких признаков жизни. Было известно, что он жил с родителями, в кадрах нашли их домашний телефон. По этому номеру каждое утро и звонил Игорь Касаев. И каждое утро телефон отвечал длинными гудками.

Можно было, конечно, попросить Красногорскую прокуратуру повторить запрос или даже позвонить следователю Молчанову. Но это значило признаться, что в Российском НЦБ Интерпола царит полный бардак. А этого как-то не хотелось. И если придется, то лучше с этим не торопиться. Поэтому Игорь продолжал звонить.

Длинные гудки были и на этот раз. На седьмом он повесил трубку. И тут же, как для подстраховки делал

всегда, повторил вызов. Длинные гудки — третий, четвертый, пятый. И вдруг ответили — женский голос:

— Вас слушают.

От неожиданности он даже растерялся:

— Это номер такой-то?

Женский голос — какой-то стертый, безжизненный — подтвердил:

— Да, такой.

— Здравствуйте. Как хорошо, что я до вас дозволился! Могу я поговорить с Сергеем Старостиным?

— Кто его спрашивает?

— Это из Интерпола, его коллега. Моя фамилия Касаев.

— Он был вашим другом?

— Можно сказать и так. У нас были очень хорошие отношения.

— О чем вы хотели с ним говорить?

— К нему возник небольшой вопрос. Не можем найти одну бумагу. Она проходила через него. И я подумал, что Сергей... Алло, вы меня слушаете?

— Да, я вас слушаю, — не сразу ответил женский голос.

— Простите, с кем я разговариваю?

— С его матерью, Ниной Яковлевной.

— Очень приятно, Нина Яковлевна. Извините за беспокойство. Так я могу поговорить с Сергеем?

— Нет.

— Нет? — удивился Игорь. — Почему?

— Потому что Сергей два месяца назад скончался.

Смысл ее слов не сразу дошел до сознания. Игорь только почувствовал, что солнечный день за окном померк, как если бы небо вдруг затянуло тучами.

— То есть как — скончался? — растерянно переспросил он. — Вы хотите сказать, что он...

— Да, он умер.

— Умер?! — поразился Игорь. — Не может быть! Ради Бога, простите, — спохватился он. — Я хотел сказать... Он болел?

— Нет.

— Но... Он же был... молодой... спортсмен!

— Он умер, — повторил женский голос. — Не звоните больше сюда.

— Простите великодушно, я ничего не знал... Только один вопрос: от чего он умер?

В трубке воцарилась тяжелая тишина. И хотя Игорь понимал, что не услышит ничего хуже того, что уже услышал, у него неприятно заныло сердце.

То, что он услышал, было страшным. Игорь почувствовал себя как человек, который вдруг провалился сквозь тонкий лед и вместо яркого зимнего дня оказался в черной глубине, населенной чудовищами.

Она сказала:

— Он застрелился.

III

Уроженец Владикавказа Аслан Касаев перебрался из Северной Осетии в Москву двадцать лет назад, в 1992 году, после кровопролитного осетино-ингушского конфликта. За эти годы он наладил надежные деловые связи с московскими властями, успешно реализовал масштабные строительные проекты, но так и не избавился от легкой кавказской гортанности, ко-

торая почти исчезала во время серьезных деловых переговоров и становилась заметной, когда он был среди своих и особенно когда бывал чем-то недоволен. Сохранил он и приверженность моде 90-х годов, носил пиджаки от Гуччи, черные рубашки апаш с расстегнутым воротом и золотой цепью на волосатой груди, любил дорогие машины и дорогие часы. И это ему, как ни странно, шло, придавало молоджавости и даже артистичности его погрузневшей к пятидесяти годам фигуре. Последние годы Аслан вкладывал все свободные средства в строительство небоскреба в офисном центре Москва-сити. Предполагалось, что башня будет самой высокой в центре, 365 метров. Те, кто знал о живом интересе Аслана к истории алан, древних осетин, завоевавших с Александром Македонским полмира, с усмешкой отмечали, что в нем пробудился зов предков. Еще со стародавних времен аланы строили в горах сторожевые башни, оберегавшие их поселения от немирных соседей. Построить такую башню в самом центре Москвы — это могло придти в голову только потомку аланов с их неутраченным стремлением первенствовать во всем — в ремеслах, торговле, в хозяйственных и военных делах.

Аслан Касаев входил в первую сотню самых богатых людей России, своего богатства не выпячивал, но и не скрывал. Центральный офис его холдинга «Мегаполис» на Садовом кольце производил впечатление даже на тех, кто часто бывал в представительствах богатых нефтяных и транснациональных компаний. Многоэтажный, основательной сталинской постройки дом был выпотрошен и полностью перестроен. При входе посетителя встречали двери из пуленепробивае-

мого стекла, вахта напоминала рецепшен пятизвездочного отеля. За десятком мониторов, связанных с видеокамерами наружного наблюдения, следили трое молодых людей в серой униформе частной охранной фирмы, еще двое дежурили возле рамок металлоискателей. В цоколе разместился итальянский ресторан с шеф-поваром из Неаполя. На стенах ресторана были прикреплены огромные аквариумы, в которых плавали сибас, дорада, лангусты. Посетитель показывал официанту на живность, которую хотел бы съесть, ее вылавливали и отправляли на кухню. К ресторану примыкал зал с двадцатиметровым бассейном и саунами, боулинг с тремя дорожками, отдельное помещение с всевозможными тренажерами.

^{*} Приемная Аслана была на втором этаже. В ней дежурили два офис-менеджера — сухопарая дама лет сорока и вторая, молоденькая, с фигурой фотомодели. Стены приемной украшали картины современных русских и осетинских художников. Выбор диктовался вкусами жены Аслана Лолы, владелицы арт-галереи «Лола-артуа».

Здесь же, на втором этаже, находились личные апартаменты Аслана. Иногда он не заходил в них неделями, но бывало, что жил в них, когда дела не оставляли времени для тяготной езды по Москве до квартиры в Строгино или до дачи в Жуковке. На остальных этажах были кабинеты топ-менеджеров «Мегаполиса», юристов и экономистов.

Панкратов подъехал на Садовое кольцо около двух часов дня, когда в офисе «Мегаполиса» кончился обеденный перерыв и у рамок металлоискателей образо-

валась небольшая очередь. Охранник сразу заметил чужого: и одет не так, и возраст не тот.

— Вы к кому?

— Мне назначил встречу господин Касаев. Моя фамилия Панкратов.

— Вас ждут.

По его знаку к вахте приблизился молодой человек в темном костюме, доброжелательно предложил:

— Проходите, Михаил Юрьевич. Шеф поручил мне вас встретить.

— А разве мне не нужно в эти, рамки? — спросил Панкратов.

— Вам не нужно. Если у вас есть оружие, лучше оставить его на вахте в сейфе.

— Оружия у меня нет.

— Тогда пойдете.

Стремительный лифт с прозрачной кабиной вознес их куда-то вверх и выпустил в просторном, метров в сто пятьдесят зале с таким количеством зелени, что зал напоминал ботанический сад. Самые разные растения перли из кадок и лотков с влажной землей, некоторые цвели, другие просто радовали глаз сочной зеленью. Зал был покрыт тонированным стеклом, приглушавшим яркий солнечный свет и сохранявшем в этом зимнем саду приятный полумрак.

— Панкратов, — доложил кому-то молодой человек.

— Спасибо, свободен, — послышалось в ответ.

Панкратов не сразу увидел того, кто это сказал. В углу зала, на фоне панорамного окна, за которым беззвучно жило Садовое кольцо, стоял письменный стол с черным офисным креслом. Откинувшись к спин-

ке кресла и положив на край стола ноги в остроносых мокасинах, сидел человек лет пятидесяти в черной, расстегнутой до пупа рубашке с золотой цепью на груди. Светлый пиджак в мелкую клетку висел на спинке кресла. Когда молодой человек, сопровождавший Панкратова, исчез, он поднялся, пожал Панкратову руку и сказал с заметным кавказским акцентом:

— Спасибо, что отозвались на мою просьбу о встрече. Располагайтесь, — показал он на белые кожаные кресла возле журнального стола с затейливой инкрустацией. — Выпьете что-нибудь? Виски, коньяк?

— Нет, спасибо, — отказался Панкратов. — Я на машине.

— Тогда кофе. У нас хороший кофе, мне его присылают с Кубы. Сейчас принесут.

— Шикарный у вас офис, — оценил Панкратов. — Надо же, зимний сад. В самом центре Москвы.

— В офисах мы проводим по десять, а то и по двенадцать часов. Половину жизни, больше чем дома. Но дом мы украшаем, а на офис не обращаем внимания. Сидим, как сычи, в пыльных конторах. Однажды я понял, что это неправильно. Я прихожу сюда, когда устаю от людей.

— А я всю жизнь просидел в пыльных конторах, — отозвался Панкратов. — И это простое рассуждение мне даже в голову не приходило. А если бы однажды пришло — что?

Появилась молоденькая секретарша, умело сервировала кофе с крошечными фарфоровыми чашками, спросила:

— Что-нибудь еще?

— Ничего не нужно. Игорь приехал?

— Приехал, ждет.

— Пусть ждет, он мне понадобится чуть позже. Это мой сын, — объяснил он Панкратову. — Насколько я знаю, Михаил Юрьевич, вы служили в КГБ и дослужились до полковника, — продолжил Аслан прерванный разговор. — Это так?

— Служил. В управлении по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности.

— Почему ушли?

— Так получилось.

— Не жалеете? Ваша контора сейчас в силе.

— Это давно уже не моя контора. Наши пути разошлись двадцать лет назад.

— Как называется ваша должность в Национальной алкогольной ассоциации?

— Советник по безопасности.

— Работы много?

— Я бы не сказал.

— Платят нормально?

— Мне хватает. Аслан, я чувствую, что-то мешает вам перейти к делу. Не для того же вы меня пригласили, чтобы показать зимний сад и угостить кубинским кофе?

— Да, не знаю, с чего начать, — признался Аслан. — Со мной это нечасто бывает.

— Начните с начала.

— О'кей. Вы знаете, что такое Интерпол?

— В общих чертах. Международная уголовная полиция. В российском МВД приравнен к Главному управлению.

— В Интерполе служит мой старший сын, Игорь Касаев. С красным дипломом закончил международно-правовой факультет МГИМО. Английский, француз-

ский и немецкий свободно. Это у него от матери. А у меня даже простой английский не идет, хоть ты что.

— С таким образованием в полицию? — удивился Панкратов. — А почему не в Министерство иностранных дел?

— Я предлагал, не захотел. Интерпол показался интереснее. Я согласился. Парень молодой, всего двадцать шесть лет, пусть попробует. А потом жизнь сама все подправит. Я, наверное, не очень хороший отец. Чтобы быть хорошим отцом, нужно много свободного времени, а у меня каждый день расписан по минутам. Но я все же заметил, что с сыном последние дни происходит что-то неладное. Вызвал на разговор. С трудом, он ничего не хотел говорить. И вот что он рассказал. Несколько дней назад он случайно узнал, что застрелился его товарищ по работе. Друг. Года на два старше сына. Сергей Старостин. Говорит вам что-нибудь эта фамилия?

— Нет.

— Сына что поразило? Что об этом в Интерполе никто не знал. Он пошел к начальнику, генерал-лейтенанту Сибирцеву. Жесткий мужик, я с ним пересекался, когда он служил в МУРе. Спросил: почему мы ничего не знаем о самоубийстве Сергея? Сибирцев ответил: а ты знаешь, почему он застрелился? Нет? И я не знаю. И вряд ли когда-нибудь узнаем. А тогда зачем будоражить коллектив? Тем более что Старостин уволился четыре месяца назад. Сибирцев по своему прав, но сына это взбеленило. Он пообещал себе выяснить, почему его друг застрелился. И это меня тревожит.

— Почему? — спросил Панкратов.

— Начнет копать. И до чего докопается? Отец Сергея — очень непростая фигура. Помните историю с коробкой из-под ксерокса, в которой вынесли из Белого дома полмиллиона долларов? Это было во время президентских выборов 96-го года.

— Как не помнить, — усмехнулся Панкратов. — Она стала фольклором.

— Тогда Ельцин отправил в отставку начальника своей охраны Коржакова и директора ФСБ. Заодно и генерала Старостина, он был заместителем Коржакова. Не знаю, по делу или попал под раздачу. Коржаков еще пытался дергаться, был депутатом Госдумы, а Старостин стал лютым ненавистником президента Ельцина, вступил в КПРФ, активно работал в какой-то их антикоррупционной комиссии. Последние годы о нем ничего не слышно, но кто знает, что варится на той кухне?

— Вы думаете, что самоубийство Сергея Старостина связано с деятельностью его отца?

— Я этого не исключаю. А влезать в такие дела, сами понимаете, себе дороже. Это и заставило меня обратиться к вам. Мне рекомендовали вас как человека, который умеет работать.

— В чем вы видите мою задачу? — не понял Панкратов. — Отговорить вашего сына от расследования?

— Не получится. Он завелся. И это благородное дело — выяснить, почему застрелился твой друг. Благородное мужское дело. Нет, ваша задача — подстраховать его, если увидите, что он полез не туда. Вы человек опытный, сразу это поймете. Что-то подсказать, дать совет. В расходах себя не ограничивайте. Это тот случай, когда деньги не имеют значения.

— Современная молодежь не очень-то склонна прислушиваться к советам старших, — заметил Панкратов.

— Это мы уладим. — Аслан подошел к письменному столу и нажал клавишу селекторной связи. — Скажите Игорю, пусть поднимется ко мне.

Через несколько минут лифт впустил в зимний сад молодого человека в приличном, как у банковского клерка, костюме, с лицом, в котором чувствовалось неувловимое сходство с отцом. Только у сына была густая черная шевелюра, а у Аслана волосы заметно поредели и были тронуты сединой. Создавалось впечатление, что скромный молодой администратор вызван к лидеру знаменитой рок-группы, золотые времена которой давно прошли, но она все еще на плаву.

— Познакомься, Игорь, — предложил Аслан. — Это Михаил Юрьевич Панкратов, полковник ФСБ в отставке. Я думал о нашем разговоре. Мне нравится твое решение разобраться в причинах смерти друга. Но мне было бы спокойнее, если бы твое расследование курировал человек, у которого побольше опыта, чем у тебя. Михаил Юрьевич согласился тебе помочь.

На молодом лице Игоря вспыхнул румянец.

— Мне не нужны кураторы и советчики, — резко ответил он. — Это мое дело, я справлюсь с ним сам. Спасибо, отец, за понимание, но если это все, что ты хотел мне сказать, я, пожалуй, пойду.

— Не задерживаю, — сухо отреагировал Аслан.

Прозрачная кабина лифта унесла Касаева-младшего из зимнего сада.

— А что я вам говорил? — спросил Панкратов. — Мне жаль, Аслан, что вы потратили столько времени впустую.

— Характер! — со вздохом согласился Аслан. — Не впустую, Михаил Юрьевич. Наш контракт остается в силе.

— Вот как? После того, что сказал вам сын?

— Да. Я с ним поговорю. И он со мной согласится. У русских молодежь ни во что не ставит старших. У них нечего им передать. Опыт? Разве что опыт выживания в страшных условиях. Кому он сейчас нужен? Наследство? Какое наследство? Приватизированная двушка, и это в лучшем случае. У нас, осетин, уважение к старшим традиционно. Корни этой традиции в глубине веков. Да, Игорь молодой, несдержанный. Но он осетин и прислушивается к отцу. Он вам позвонит.

IV

Игорь Касаев позвонил Панкратову через два дня. Голос его звучал смущенно.

— Извините меня, Михаил Юрьевич, за тот разговор. Отец прав, без советов опытного человека мне не обойтись. Я даже не знаю, с какого конца приступить к делу. Мы не могли бы встретиться и поговорить?

— Давайте встретимся, — согласился Панкратов. — Но чтобы наша встреча была содержательной... Где похоронен Сергей Старостин?

— На Троекуровском кладбище.

— Узнайте номер участка, навестим могилу вашего друга. Это способствует, как-то одушевляет умозрительные схемы. А потом поговорим.

— Сергей для меня не умозрительная схема.

— Не выступайте, Игорь. Я говорю про себя.

Когда Панкратов на своем «фольксвагене» подъехал к центральному входу Троекуровского кладбища, Игорь Касаев уже ждал его, прохаживался возле «форд-фокуса» с букетом красных гвоздик. Он был в джинсах и черной байкерской «косухе» с множеством заклепок, в надвинутой на лоб бейсболке.

— Вы со службы? — поинтересовался Панкратов.

— Нет, взял отгулы за ночные дежурства. Почему вы спросили?

— Дресс-код.

— Да, в таком виде у нас на работу не ходят. Еще хорошо, что не заставляют носить форму. Пойдемте. В конторе кладбища мне нарисовали, как найти участок.

^ День был будний, главная аллея почти безлюдна, редкие посетители обихаживали могилы близких, запущенные за зиму.

— Просветите меня, — попросил Панкратов. — Чем, собственно, занимается Интерпол? Как я понимаю, в штате у вас Джеймс Бондов нет?

— Кого нет, того нет, — с усмешкой подтвердил Игорь. — Мы скорее чиновники. Если совсем просто: участвуем в координации действий Международной уголовной полиции. Мы не ловим преступников, это не наша задача. Мы их вычисляем. Аналитическая криминальная разведка. Этим и занимался Сергей. Ну, и доставляем тех, кого поймали, на родину, когда есть решение об экстрадиции. Но это так, рутина.

— Есть у Интерпола какие-то права, которых нет у обычной полиции?

— Да как вам сказать. Мы можем вмешаться в любое уголовное дело, независимо от того, в какой оно

стадии. Можем вести допросы обвиняемых без согласия следователей, при необходимости встречаться с ними в СИЗО без санкции следствия и прокуратуры. Вот вроде и все.

— Вам нравится служба?

— Нравилась. До недавнего времени. Особенно нравилось, что на нас никак не влияет политика, мы не пересекаемся.

— Расскажите о Сергее, — попросил Панкратов. — Вы давно его знаете?

— Года четыре. Мы почти одновременно пришли в Интерпол. Он закончил юридический факультет МГУ и заочно Инъяз. Спокойный доброжелательный парень. Немного в себе, не закрытый, но и не нараспашку. Его отец был резко против того, что он пошел в Интерпол. Его это огорчало, он любил отца, но настоял на своем. Было в нем внутреннее упорство. Я бы даже сказал: упертость. Он был всего на два года старше меня, но я иногда чувствовал себя перед ним мальчишкой. Он был из тех, кого не очень замечаешь, когда они рядом, но остро чувствуешь, когда они исчезают. Здесь нам нужно свернуть, на эту аллею.

Они еще издали увидели свежую могилу с большим дубовым крестом. Ее подправляла какая-то пожилая дама и молодая девушка в темной косынке, в каких женщины ходят в церковь, косынка делала ее похожей на монашенку. На скамейке дремал грузный старик с властным костистым лицом, но как бы тронутым подступающей изнутри гнилью.

— Добрый день, Нина Яковлевна, — поздоровался Игорь. — Это я вам недавно звонил. Примите наши искренние соболезнования.

— Вы кто? — проснулся старик.

— Я из Интерпола. Мы с Сергеем вместе служили.

— Служили? — загремел старик. — Прислуживали воровской власти, которая довела страну до того, что честному молодому человеку жить в ней нельзя! Убирайтесь! Ему не нужны ваши цветы. Ему от вас уже ничего не нужно!

— Николай Степанович, успокойтесь, — поспешно вмешалась девушка. — Вам нельзя волноваться. Выпейте корвалол.

— Холуи! — продолжал греметь старик. — Подлая власть! Подлые прислужники власти! Разворовали Россию! Отстаньте от меня с вашим корвалолом!

— Не отстанем, — возразила Нина Яковлевна. — Выпей и не капризничай. Пожалуйста, уйдите, — обратилась она к Панкратову. — У него было уже три инфаркта.

— Ушли, ушли, — поспешно заверил ее Игорь. — Извините.

Словно истратив на проклятия подлой власти и ее подлых прислужников остатки энергии, Николай Степанович осел на скамейке, послушно осушил склянку с лекарством и снова словно бы задремал.

— Нехорошо получилось, — проговорил Игорь, когда они отошли от могилы, так и не положив на нее цветы. — О чем задумались, Михаил Юрьевич?

— Николаю Степановичу вроде бы не больше семидесяти?

— Около того. Сергей был поздним ребенком.

— Еще дети есть?

— Был старший брат. Служил в спецназе ВДВ, погиб в первую чеченскую войну.

— Уважаю. Заместителю Коржакова отмазать сына от Чечни — нечего делать.

— Не отмазал.

— Поэтому я и говорю: железный мужик. Был. Сейчас от него остались развалины. Аслан говорил вам, что самоубийство Сергея могло быть связано с деятельностью его отца?

— Намекал.

— Очень сомнительно. Кому может мешать этот старый больной человек? Нет, причину нужно искать в другом.

— В чем?

— Пока не знаю.

— У нас пошли разговоры, что у Сергея были какие-то неприятности по работе, и это подтолкнуло его к решению покончить с собой. Но я-то знаю, что никаких неприятностей не было. Он был на хорошем счету, досрочно получил майора. И из-за этого не стреляются.

— Сейчас не стреляются, — согласился Панкратов. — А было время — стрелялись. При Сталине. Когда ожидали ареста и хотели обезопасить своих близких. Чтобы они не стали ЧСИР, членами семьи изменника Родины, и не попали в лагерь.

— От чего стреляются сейчас?

— Это ты у меня спрашиваешь? — удивился Панкратов. Тут же спохватился: — Это ничего, что я на «ты»?

— Нормально.

— От белой горячки чаще вешаются. От наркотической ломки режут вены или выпрыгивают в окно. А от чего стреляются, понятия не имею. Это нам и предстоит выяснить.

Они дождались, когда родители Сергея уйдут с кладбища, положили на могилу цветы и молча постояли возле креста, обнажив головы. На кресте была укрепленна овальная фотография Сергея в парадной форме с майорскими погонами. Молодое лицо с правильными чертами, взгляд открытый и словно бы чуть насмешливый, как будто он знал то, чего еще не знали другие. Под фотографией надпись: «Сергей Николаевич Старостин, 1984—2012».

— Это я снимал. После того как ему дали майора, — объяснил Игорь. — Обмыли звездочки, было весело. Казалось, вся жизнь впереди.

— Что-то не то происходит в нашем возлюбленном отечестве, — проговорил Панкратов. — Трагично, когда молодые люди погибают в Афгане или в Чечне. Когда они добровольно уходят из жизни, это означает только одно, какую-то неправильность нашей жизни. Вроде и живем не так плохо, а вот...

Не договорив, он надел шляпу и пошел к выходу. Игорь последовал за ним.

У ворот кладбища к ним подошла девушка, сопровождавшая родителей Сергея. Попросила:

— Не сердитесь на Николая Степановича. Смерть сына его подкосила.

— Вы кто? — спросил Панкратов.

— Я была невестой Сергея. Уже назначили день свадьбы. Не случилось.

— Из-за его смерти?

— Нет, все расстроилось раньше. С полгода назад. Сергей начал избегать меня, не звонил, на звонки не отвечал. Ничего не объяснял, но я поняла, что у него появилась другая женщина.

— Кто?

— Не знаю. Он не сказал, а я не спрашивала. Спасибо, что пришли навестить Сергея.

С этими словами она повернулась и хотела уйти, но Панкратов ее остановил.

— Как вас зовут?

— Лена.

— Вы часто бывали в доме Сергея?

— Сначала часто. Сейчас иногда захожу, поддержать Нину Яковлевну и Николая Степановича. Они очень славные люди, ко мне всегда хорошо относились.

— У Сергея был дома компьютер? — продолжал Панкратов.

— Да, ноутбук.

— Вы не пытались заглянуть в его файлы?

— Однажды пыталась. Но они защищены паролем. Я не сумела его раскрыть. Почему вы об этом спрашиваете?

— Там может быть ответ на то, что с Сергеем произошло.

— Вы хотите, чтобы я принесла вам его ноутбук? — догадалась девушка. — Нет, я не могу. Нет, нет, что вы! Николай Степанович будет резко против.

— Поговорите с Ниной Яковлевной. Мне она показалась здравомыслящим человеком. И ей же важно узнать, почему застрелился ее сын.

— Ну, не знаю... Попробую. Как с вами связаться?

Панкратов дал ее визитную карточку, она спрятала ее и ушла, не оглядываясь.

— Ну вот, теперь можно поговорить, — сказал Панкратов. — Где бы нам устроиться, чтобы никто не мешал?

— Здесь недалеко есть «Старбакс», — припомнил Игорь. — В это время там немного народа.

— По-моему, я знаю, с какого конца нам приступить к делу, — проговорил он, когда они получили свой кофе.

— Интересно, рассказывай, — кивнул Панкратов.

Рассказ не занял много времени. С полгода назад Сергей и еще одна сотрудница вылетали в Рим, чтобы доставить в Россию женщину, арестованную по ордеру Интерпола. Ночной рейс опоздал на час и сел не в Домодедово, а в Шереметьево. Гонять дежурную машину через всю Москву не было смысла, Сергей позвонил Игорю и попросил их встретить. Игорь дождался, когда арестованную сдадут оперативникам, и повез сослуживцев домой. Он обратил внимание, что Сергей был необычно молчалив. На расспросы не отвечал, только возле дома, выходя из машины, убежденно сказал:

— Я не верю, что она преступница. Она не может быть преступницей. Не верю!

Позже Игорь расспросил сотрудницу, как проходила экстрадиция. Арестованный обычно сидит в самолете между интерполовцами в наручниках, прикрытых одеждой, чтобы не вызывать ненужного любопытства пассажиров. Так было и на этот раз. Сергей и арестованная оживленно разговаривали по-французски, читали стихи. Как поняла сотрудница, Верлена.

— У меня тоже большие сомнения, что ее обвиняют по делу, — сказала она. — Тут что-то другое. Возможно, политика.

— Я тогда еще подумал: что же это за женщина, которая за четыре с половиной часа полета сумела охмурить не только молодого офицера, но и немолодую и очень опытную сотрудницу Интерпола, — закончил Игорь свой рассказ.

— Кто она? — спросил Панкратов.

— Ирина Керженцева.

— В чем ее обвиняли?

— В организации убийства мужа, медиамагната Григория Вознюка.

V

Григорий Вознюк погиб два года назад в автокатастрофе. Его «мерседес» на скорости сто тридцать километров ночью врезался в нож бульдозера, оставленного строителями на обочине Ново-Рижского шоссе. Водитель получил сотрясение мозга, множественные телесные повреждения, но остался жив. Возможно, его спасли ремни безопасности. Вознюк никогда не пристегивался и погиб мгновенно. По факту дорожно-транспортного происшествия со смертельным исходом в Красногорской прокуратуре возбудили уголовное дело, но быстро его закрыли в связи с отсутствием события преступления. Тело погибшего в закрытом гробу доставили самолетом в Иркутск, откуда он был родом, и похоронили на семейном участке. Через полгода с небольшим, которые потребовались для улаживания всех формальностей, молодая вдова Вознюка вступила в права наследия и стала одной из самых богатых бизнес-вумен Москвы.

В свое время роман пятидесятилетнего Григория Вознюка с Ириной Керженцевой, которая была на двадцать пять лет моложе его, вызвал немало пересудов в Москве. Такие истории иногда случались. Серьезные люди, которых ну никак не упрекнешь в легкомыслии, вдруг разводились с женами, с которыми прожили не один десяток лет, и женились на молодых женщинах, сумевших что-то разбередить в их душах, заскорузлых от занятий серьезным бизнесом. И это было не совсем то, что происходит с лейтенантами, дослужившимися до генерала. Жена, которая хороша для молодого офицера, не всегда хороша для генерала. Тут срабатывал какой-то другой механизм.

Григорий Вознюк к началу горбачевской перестройки окончил лесотехнический институт и начинал с кооперативной лесопилки. Потом выхлопотал лицензию на лесозаготовки в верховьях Ангары с сосновыми борами. Сосну продавали китайцам в режиме приграничной торговли. Предприятие оказалось довольно прибыльным, но Вознюк понимал, что это не те деньги, которые могло дать дело. В начале 90-х, набрав кредитов в коммерческих банках, он купил целлюлозно-бумажный комбинат в Карелии, бездействующий из-за взаимных неплатежей и разрушенных хозяйственных связей. Бумагу он отправлял в Москву. В те годы в России был книжный бум, возникли сотни издательств, больших и малых, выходили сотни газет, спрос на бумагу намного превышал предложение. Расплатившись с долгами, Вознюк купил еще два комбината, в Воло-

годской области и в Твери, практически стал монополистом на этом рынке.

Приобрел он и несколько многотиражных еженедельных изданий, адресованных обывателям, которых не интересует политика, а интересует мода, здоровье, скандалы в мире звезд шоу-бизнеса, сад и огород, охота и рыболовство, НЛО и всяческая эзотерика. Они хорошо расходились по подписке и в розницу, привлекали рекламодателей. Уже через несколько лет медиахолдинг Вознюка контролировал почти четверть рекламного рынка Москвы. Он первым начал публиковать в своих таблоидах видеоролики, газету уже можно было не только читать, но и смотреть на компьютерах, что подняло популярность изданий.

Массивный, с грубоватым малоподвижным лицом, Григорий Вознюк обладал острым чутьем на все новое. На него произвели впечатление расчеты аналитиков, предсказывавших, что нынешние тридцать миллионов активных пользователей Интернета в России лет через пять превратятся в сто миллионов. Сто миллионов — это была уже аудитория, соразмерная числу зрителей федерального телевидения. Вознюк начал скупать кабельные телеканалы, имея в виду объединить их, когда придет время, и превратить во всероссийское Интернет-ТВ, которое переведет на себя многомиллионные рекламные финансовые потоки. Это было неблизкая перспектива, но он умел ждать.

Трудно даже представить, в каких разных мирах жили Григорий Вознюк и Ирина Керженцева. Она была единственной дочерью известного советского дипломата, который вовремя перестроился и стал россий-

ским дипломатом. Одно время был представителем России в ООН, послом во Франции. Семья никогда ни в чем не нуждалась. Ирина закончила колледж в Нью-Йорке, училась в институте театра, музыки и кино в Париже. Когда министром иностранных дел стал Примаков, отца Ирины вернули в Москву и назначили первым заместителем Примакова. Говорили, что после назначения Примакова председателем правительства он прочил отца Ирины на свое место. Но в 1999-м году президент Ельцин отправил Примакова в отставку, в МИД пришла другая команда, отца Ирины сначала передвинули на малозначительную должность, а потом выпроводили на пенсию.

Жизнь семьи сразу переменялась, перестали приглашать на приемы в посольства, выселили из государственной дачи в Архангельском, стало не хватать денег, даже пришлось уволить домработницу. Сбережения быстро кончились, отец Ирины почти ничего не накопил на черный день в полной уверенности, что для дипломата его ранга черный день никогда не наступит. Ирина даже не сразу поняла, что произошло: всегда были деньги и вдруг их не стало. К тому времени она разошлась со вторым мужем, банкиром, и жила с модным молодым художником, портреты которому за большие деньги заказывали очень известные люди. На всех художественно-артистических тусовках они были в центре внимания. Тем болезненнее она ощущала, приезжая домой, убогость их огромной квартиры в сталинском доме с запахом нищеты, выползавшим из углов, как запах помойки. Она отнесла в ломбард бриллиантовое кольцо и жемчужное ожерелье, подар-

ки банкира, но понимала, что это не выход, нужно как-то перестраивать жизнь.

И тут на ее горизонте появился Григорий Вознюк.

Никто не знал, когда и как они познакомились. Возможно, на премьере нашумевшего спектакля или на вернисаже, на которые Вознюк иногда ходил, без особой охоты, скорее — чтобы быть в курсе того, чем живет художественная элита Москвы. Никто уже не сможет сказать, намеренно ли Ирина обрушила на него дьявольскую радиацию своего обаяния или так получилось само собой. Вознюк был ошеломлен. Он понял, что до этого дня не жил, а все годы просидел в темной камере, даже не подозревая, что за стенами ее идет совсем другая жизнь — с серебристыми грибными дождями, с ветром, поющим в соснах, с буйным весенним цветением трав, с чистыми, как Ангара, холодными реками. И вот дверь камеры приоткрылась, и эта жизнь ворвалась в нее, победительная в своем полнокровии.

Вознюк был человеком основательной сибирской закваски и все дела делал основательно. Неизвестно, как он завоевывал расположение Ирины. Говорили, что он купил ей студию в Париже на Елисейских полях, нанимал чартер, чтобы слетать с ней на открытие кинофестиваля в Каннах или на карнавал в Венеции. Через некоторое время он объявил жене, с которой прожил тридцать лет и в браке с которой родил двух дочерей, что хочет с ней развестись. Она восприняла это на удивление спокойно, только предупредила:

— Смотри, Григорий, летишь на огонь. Сгоришь.

Но согласие на развод дала. После этого Вознюк зарегистрировал в ЗАГСе брак с Ириной и обвенчался с ней в храме Воскресения Христова в Сокольниках, как бы надеясь, что этот акт свяжет его с Ириной вечными узами.

На меньшее он был не согласен.

На свадьбу он подарил ей контрольный пакет акций одной из своих музыкальных радиостанций и угадал. Ирина возглавила станцию и сразу поняла, что вот это дело ей по душе. Ее расположения искали известные певцы и певицы, перед ней заискивали еще не признанные дарования. Она определяла, какие хиты пустить в эфир и раскручивать, а какие придержать или вовсе отвергнуть. Этим она сразу нажила себе кучу недоброжелателей, но полностью их игнорировала. На всех тусовках она всегда была в центре внимания, и это ей нравилось.

Вечность кончилась через четыре года.

VI

Уголовное дело, возбужденное Красногорской прокуратурой по факту ДТП со смертельным исходом и закрытое в связи с отсутствием признаков преступления, пролежало в архиве около года и было извлечено оттуда следователем Молчановым при необычных обстоятельствах. В следственное управление пришло письмо, подписанное так неразборчиво, что было по-

нятно: автор хочет остаться неузнанным. В письме говорилось, что смерть Вознюка в ночном ДТП кажется трагической случайностью до тех пор, пока не задан вопрос «Qui prodest?» — «Кому выгодно?» Ответ очевиден: молодой жене Вознюка Ирине Керженцевой. Став вдовой, она получила в наследство счета в российских и зарубежных банках и 37 процентов акций медиахолдинга Вознюка с капитализацией не в одну сотню миллионов долларов.

Следователя Молчанова письмо заинтересовало. Он знал, что такие письма обычно пишут люди, чьи интересы ущемлены новым руководством. Он поехал в центральный офис холдинга, который занимал два этажа в старом здании издательского комплекса «Правды». В советские времена там располагались редакции «Комсомольской правды», «Советской России», «Сельской жизни». В отделе кадров ему показали список людей, уволенных после того, как генеральным директором холдинга стала Ирина Керженцева. Молчанов сразу увидел того, кто был ему нужен. Им оказался финансовый директор Ефим Маркович Файнберг, проработавший с Вознюком больше десяти лет. Молчанов не стал вызывать его повесткой в прокуратуру, он созвонился с Файнбергом и встретился с ним на нейтральной территории, на Пушкинской площади возле кинотеатра «Россия». Сначала устроились на одной из свободных скамеек, но в Новопушкинском сквере шел многолюдный митинг «За честные выборы», обрывки выступлений ораторов разносились далеко окрест, поэтому они прошли на Страстной бульвар, где было потише.

Файнберг оказался энергичным жилистым человеком лет шестидесяти. Он не стал отрицать авторства письма. На вопрос Молчанова, почему он уволился, ответил:

— Предложила мадам.

— Почему? Должна же быть какая-то причина.

— Причина была. Мне принадлежало двенадцать процентов акций холдинга. У других топ-менеджеров было у кого пять процентов, у кого семь. Григорий считал правильным материально поощрять сотрудников, поэтому холдинг так успешно работал. Мадам предложила мне продать свой пакет. Я отказался. Зачем? Акции приносили неплохие дивиденды. Другие тоже отказались. Тогда она решила провести дополнительную эмиссию. Холдинг выпускает миллион акций, мадам сама их скупает, и наши доли размываются до одного и меньше процентов. А она получает полный контроль над холдингом. Операция вполне законная, но по сути жульничество. Я резко возражал. Мадам сказала: «Тогда нам придется расстаться».

— Вы обвинили Ирину Керженцеву в очень серьезном преступлении, но никаких доказательств не привели. Только подозрения. Можете подтвердить их какими-то фактами?

— Кто здесь следователь — вы или я? — парировал Файнберг. — Поинтересуйтесь личностью водителя Вознюка. Некто Павел Лежнёв. Григорий взял его на работу по настоятельной просьбе мадам, я это точно знаю. Он не мог ей ни в чем отказать.

— И что? — не понял Молчанов.

— Лежнёва с мадам связывали какие-то непростые отношения. Возможно, они были любовниками. Но это

их личное дело. Интересно другое. Лежнёв — гражданин Франции, вы это знали? Из семьи эмигрантов еще первой волны. И вот мадам привозит его в Москву, получает для него разрешение на работу и устраивает водителем к мужу. За год до его гибели. Это не вызывает у вас подозрений?

— Пока нет.

— Хорошо, дам еще одну наводку. На Кипре зарегистрирована фирма «Ай-ти интернейшнл». За два месяца до катастрофы на Ново-Рижском шоссе радиостанция «Весна», которой в то время руководила мадам, заключила с ней договор на поставку нового оборудования для студии и перевела на ее счет 800 тысяч евро. Причем таких денег на счету станции не было, мадам получила кредит в «Альфа-банке» под залог своих акций. Под довольно высокий процент. Никакого оборудования не поступило до сих пор. Я предполагал, что у нас об этом пойдет разговор и захватил для вас копию платежки. Вот, возьмите. Не кажется ли вам, что эти 800 тысяч евро — плата вовсе не за мифическое оборудование, а совсем за другое?

— За что? — спросил Молчанов.

— За убийство Григория Вознюка.

— Очень смелое предположение!

— А вы поинтересуйтесь еще раз обстоятельствами автокатастрофы. Возможно, мое предположение не покажется вам слишком смелым.

— Кому принадлежит кипрская фирма?

— Ключевой вопрос, — кивнул Файнберг. — Ответ на него придется искать вам. У меня есть кое-какие предположения, но я не буду ими с вами делиться, чтобы вы не посчитали меня сумасшедшим.

Он еще немного посидел и поднялся.

— Мне больше нечего вам сказать. Я буду счастлив, если мои домыслы окажутся бредом. Очень неприятно жить в мире, населенном ядовитыми гадами. Даже если они принимают обличье прелестных женщин.

Разговор с Файнбергом заставил следователя Молчанова вернуться к архивному делу. Он подготовил официальные запросы в Счетную палату и в комиссию по борьбе с отмыванием денег Министерства финансов с просьбой выяснить, кто является владельцем фирмы «Ай-ти интернейшнл», зарегистрированной на Кипре, и принес на подпись прокурору. В то время следствие еще не выделили из состава прокуратуры, что произошло позже и сделало Генпрокуратуру и Следственный комитет непримиримыми врагами. Тогда же следователи напрямую подчинялись прокурору и без его санкции не могли ничего предпринимать. Прокурор недовольно поморщился: «Ерундой занимаешься. Будут они искать, разогнался». Но запросы все-таки подписал. Потом Молчанов перечитал заключения экспертов и долго рассматривал снимки с места аварии. «Мерседес» Вознюка врезался в нож бульдозера точно правой половиной радиатора. Чуть левее, и Вознюк остался бы жив, нож бульдозера выдрал бы правую боковину машины. Чуть правее — никакие ремни безопасности не спасли бы водителя.

Через несколько дней Молчанов взял из архивного дела снимки разбитой машины, сделанные с разных ракурсов на месте происшествия, и поехал с ними в Дмитров на автодром НАМИ. Опытные водители-

испытатели в один голос сказали, что специально совершить такой наезд невозможно. Разве что за рулем «мерседеса» был такой ас, каких в России просто нет. Да и в мире единицы, Михаэль Шумахер, Мика Хаккенен и еще, может быть, Жак Вильнёв. Это должен быть не меньше, чем пилот международного класса, выступающий на «Формуле-1». И прежде, чем на такое решиться, он должен был изучить место до последнего сантиметра.

В списке свидетелей аварии был отставной подполковник, работавший ночным сторожем дорожной строительной техники. В деле было его описание аварии — то, что он увидел из своей будки, проснувшись от грохота. Молчанов встретился с ним и попросил вспомнить, не видел ли он «мерседес» черного цвета за день или больше до ДТП. Тот подтвердил: видел, дважды. Оба раза водитель был один, оставлял тачку в стороне, а сам ходил по обочине, осматриваясь и двигаясь так, словно бы считал шаги. Судя по описанию, это был Павел Лежнёв.

И еще одно заинтересовало следователя Молчанова. Что заставило Вознюка гнать с такой скоростью по ночной дороге? Ирина Керженцева, допрошенная сразу после ДТП, показала, что в ту ночь она почувствовала себя плохо, вызвала «скорую», но та все не ехала, и она позвонила мужу, вовсе не рассчитывая, что он все бросит и помчится в их загородный дом в элитном коттеджном поселке Княжье озеро на Ново-Рижском шоссе. Но на подстанции «скорой помощи» вызов был не зарегистрирован, а диспетчер заверила Молчанова, что машины они всегда посылают, хотя, бывает, не сразу. Вызовов много, а скорых мало.

Лежнёва найти не удалось. Выписавшись после аварии из больницы, он вернулся во Францию. Молчанов запросил Международную федерацию автогонщиков, состоит ли в ней гражданин Франции Павел Лежнёв. Оттуда ответили, что такого человека в их списках нет и никогда не было.

Минфин молчал, Счетная палата молчала. Следователь понял, что прокурор прав, будут они реагировать на запросы какой-то городской прокуратуры. Он вернулся к текущим делам — квартирным кражам, угнам машин, бытовому членовредительству, — чем каждый день были вынуждены заниматься следователи, работающие на земле. В душе осталось легкое сожаление, что ничем кончилось интересное дело, которое могло дать толчок его карьере. Молчанову было тридцать два года и еще не все иллюзии молодости заглушила проза жизни.

И вдруг, месяца через два, когда он и ждать перестал, пришел ответ из Минфина: «На ваш запрос сообщаем: фирма «Ай-ти интернейшнл», зарегистрированная в офшорной зоне на Кипре, принадлежит гражданину Франции Полю Леже. За все время ее существования зафиксирована только одна транзакция, на счет фирмы поступило 800 тысяч евро от московской радиостанции «Весна». В настоящее время никакой деятельности не ведет».

Молчанов не сразу понял: кто такой Поль Леже? Потом догадался: да это же Павел Лежнёв, переделавший свое имя на французский манер. Значит, и в списках Международной федерации автогонщиков он может быть под таким именем? Ответ на повторный запрос подтвердил его предположение. Да, Поль Леже

был пилотом «Формулы-1» и выступал за команду «Рено». Первых мест не завоевывал, но считался перспективным молодым гонщиком. Но в 2003-м году, находясь в состоянии алкогольного опьянения, посадил в «феррари» свою любовницу Люсьену Дюруа, которая была на тридцать лет старше его, и устроил гонку на загородном шоссе. Машина принадлежала мадам Дюруа. На одном из поворотов не справился с управлением и врезался в асфальтовый каток. Об этом случае писали многие французские газеты. Пассажирка погибла. Следствие установило, что незадолго до этого мадам Дюруа изменила завещание в пользу Леже, но на суде преступный умысел доказать не удалось. Он был приговорен к лишению свободы на два года и пожизненно дисквалифицирован. Через год его освободили за примерное поведение.

В Международной федерации автогонщиков работали добросовестные люди. К ответу была приложена фотография Лежнёва, сканированная из какой-то газеты. Черные волосы до плеч, щегольские, казавшиеся фатоватыми усы, высокомерное лицо.

Все сложилось. Молчанов получил постановление прокурора о возобновлении уголовного дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Прокурор по-прежнему не одобрял его прыти, но постановление подписал. Он понимал: сказать «нет» молодому следователю легко, но потом поди-ка добейся от него проявления инициативы.

Молчанов вызвал Ирину Керженцеву на допрос в качестве свидетеля. Она не явилась. Вторую повестку тоже проигнорировала. Молчанов послал третью повестку и предупредил, что в случае неявки она может

быть доставлена на допрос в принудительном порядке. Она приехала на «бентли» с водителем и охранником, переполошив всех следователей своим видом, на допросе держалась сухо, на многие вопросы отвечала «Не знаю», «Не помню». Она не помнила, когда и при каких обстоятельствах познакомилась с Павлом Лежнёвым, не знала, как он оказался водителем ее мужа. Это была ложь, в консульском отделе МИДа сохранилось ее заявление с просьбой дать Лежнёву разрешение на работу в России. Она не знала ни о какой кипрской фирме и никогда не имела с ней никаких дел. Это тоже была ложь, на договоре с фирмой стояла ее подпись. Но Молчанов не стал припирать ее к стенке. Он завершил допрос, дал ей подписать протокол и взял с нее подписку о невыезде, предупредив, что вызовет ее еще.

Новую повестку он послал ей через неделю. Из холдинга позвонили и сообщили, что Ирина Керженцева улетела за границу. Куда — этого в холдинге не знали. Зато знали в пограничной службе. Она вылетела в Париж. Молчанов перевел ее из свидетелей в обвиняемые и подготовил документы для объявления ее и Павла Лежнёва в международный розыск.

Ирину арестовала итальянская полиция в Риме. На суде, решавшим вопрос о ее экстрадицию в Россию, ее адвокат настаивал, что дело политически мотивировано, так как кабельные телеканалы медиахолдинга проводили антиправительственную политику, транслировали в прямом эфире митинги оппозиции на Болотной площади и проспекте Сахарова. Суд не счел эти доводы основательными, решение об экстрадиции было принято. В Рим вылетел майор Российского национального бюро Интерпола Сергей Старостин.

VII

— Ты говорил, что сотрудники Интерпола имеют право подключаться к уголовным делам на любой стадии и встречаться с обвиняемыми в СИЗО без санкции прокуратуры, — напомнил Панкратов Игорю Касаеву, когда они встретились, чтобы обсудить то небольшое, что за эти дни успели узнать. — Это так?

— Да.

— Разрешение начальника Интерпола нужно?

— Нет.

— Протоколы допросов ведутся?

— Не всегда. Часто это не допросы, а беседы.

— Отчеты о них составляются?

— Очень краткие. Когда подробные не нужны по делу.

— Где сидела Ирина после экстрадиции? — продолжал Панкратов.

— В Лефортово.

— Мог Сергей с ней там встречаться?

— Думаю, да.

— Хорошо бы узнать, сколько раз и о чем они говорили.

— Я думал об этом. У меня есть допуск ко всей нашей базе данных. Я проверил. Нет ни одного упоминания о том, что Сергей с ней встречался. Ни одного отчета, даже самого короткого.

— О чем это говорит?

— О чем?

— Он не хотел, чтобы об этих встречах кто-нибудь знал. И это наводит на размышления.

Они сидели в двухкомнатной квартире Панкратова на Тверском бульваре. Квартира была небольшая, обставленная не то чтобы скудно, но без изысков, похолостячки. Во всяком случае, женской руки в ней не чувствовалось.

— Вы женаты, Михаил Юрьевич? — поллюбопытствовал Игорь.

— Больше двадцати лет. Ты хочешь спросить, где жена? Она живет в другом месте. Так вышло. Однажды мы разошлись, потом сошлись, да так и осталось: она у себя, я у себя. Иногда встречаемся. Она все таскает меня на выставки и в театры, приобщает к искусству.

— Приобщаетесь?

— Честно сказать, не очень. Чего в юности не заложено, с возрастом не восполнишь.

— Дети у вас есть?

— Дочь. Она уже взрослая, живет с матерью. Недавно родила внука. Так что я уже дед. Давай вернемся к нашим делам. Мы вряд ли узнаем, о чем говорил Сергей с Ириной в Лефортово. Но сколько раз он с ней встречался, узнать можем. Во всех СИЗО ведут журналы посещений, фиксируют, кто, когда и к кому приходил. Адвокаты, следователи, родственники, когда им разрешают свидания. Было бы очень любопытно взглянуть на такой журнал. Удостоверение Интерпола дает тебе это право?

— Нет. Разве что будет официальная бумага от начальства.

— Сможешь ее получить?

— Вряд ли. Генерал-лейтенант Сибирцев не подпишет. Для него эта тема закрыта.

— Ладно, — подумав, сказал Панкратов. — Этот вопрос я решу. Придется поднять старые связи. Это будет стоить денег, но Аслан сказал, что в расходах мы себя можем не ограничивать.

— Что нам даст, если мы узнаем, сколько раз Сергей встречался с Ириной в СИЗО?

— Не скажи. Если за четыре с половиной часа полета из Рима она сумела обратить его в свою веру, как ты сказал — охмурить, на этом она не остановилась. Трудно даже представить, что она произвела в его душе.

— Вы думаете, что Сергей в нее влюбился?

— Хуже. Думаю, он потерял голову. Это крайнее проявление помешательства, которое принято называть любовью.

— Помешательства? — озадаченно переспросил Игорь. — Вы считаете любовь помешательством?

— А что же это? Когда человек делает то, что в нормальном состоянии ему бы и в голову не пришло? Когда у него сносит крышу?

— У вас сносило?

— Бог миловал. Но я видел это у других.

Звонок городского телефона прервал их разговор. Панкратов взял трубку:

— Слушаю.

— Михаил Юрьевич, это Лена, — прозвучал в динамике женский голос. — Я поговорила с Ниной Яковлевной. Она разрешила взять ноутбук Сергея и передать вам. Вы произвели на нее впечатление человека, которому можно доверять. Ноутбук сейчас у меня. Как вам его отдать?

— Вы сейчас где?

— Возле метро «Чеховская».

— Выходите к памятнику Пушкину и ждите. Минут через десять подъедет молодой человек на синем «форде». Это друг Сергея, мы с ним были на кладбище. Отдадите ему компьютер.

— Там пароль, я вам говорила.

— С этим мы разберемся.

— Все понял? — спросил Панкратов, положив трубку. — Не теряй времени, не заставляй девушку ждать.

Игорь выскочил из квартиры, на ходу натягивая байкеровскую «косуху», проклепанную, как самолет. Панкратов постоял у окна, посмотрел, как от дома отъехал синий «форд-фокус». Похоже, что-то начало подвигаться в этом странном деле, на которое он подписался неизвестно почему. Боялся выпасть из жизни и раньше времени превратиться в пенсионера, прогуливающего внука? Хотел сохранить ощущение своей востребованности, к которому за многие годы привык, как привыкают к удобной рабочей одежде?

Через неделю у него была выписка из журнала посещений СИЗО «Лефортово». Сотрудник Интерпола майор Старостин встречался с Ириной Керженцевой шесть раз. Начальник СИЗО поинтересовался у него, чем вызвано такое внимание к подследственной, но Старостин уклонился от ответа, сославшись на закрытую служебную информацию.

К этому времени компьютерные умельцы Интерпола раскрыли пароль, которым были защищены файлы в ноутбуке Сергея. Среди его заметок была запись, сделанная за четыре месяца до его смерти:

«Я не понимаю, что со мной происходит. Если это и есть любовь, то я даже понятия не имел, что в действительности означает это слово. И никогда бы этого не узнал, если бы не встретил ее. Ее обвиняют в убийстве. Она не убийца, она не может быть убийцей, это противоречило бы всем законам природы. Я пообещал ей, что вытащу ее из тюрьмы, чего бы мне это ни стоило».

— И он это сделал, — сказал Игорь, внимательно прочитав и еще раз перечитав запись.

— Да, сделал, — согласился Панкратов. — Но между тем временем, когда он это написал, и ее выходом из тюрьмы произошло что-то настолько серьезное, что он не смог жить.

VIII

Дело Ирины Керженцевой рассматривал суд присяжных. Оно стало разваливаться с первых же заседаний. Главная причина была в том, что на скамье подсудимых отсутствовал сообщник обвиняемой Павел Лежнёв. Французская полиция, получив ордер Российского НЦБ Интерпола, явилась в отель в пригороде Парижа, где он жил, но застала его номер пустым. Портье объяснил, что месье Леже поспешно уехал за день до появления полицейских. Обнаружить его местонахождение не удалось.

Вызванные в суд свидетели отказались от показаний, данных на следствии. Диспетчер подстанции «скорой помощи» заявила, что подсудимая действительно вызывала в ту ночь «скорую», но она не стала регист-

рировать вызов, так как машин все равно не было. Отставник-подполковник, сторож строительной техники на Ново-Рижском шоссе, не подтвердил своих показаний, что он узнал Лежнёва в человеке, который накануне ДТП осматривал место происшествия. Он и видел-то его мельком, а на сходство с Лежнёвым указал по подсказке следователя Молчанова.

Защищал Ирину один из самых опытных и дорогих адвокатов Москвы Илья Иосифович Захаров, владелец юридической фирмы «Захаров и сын», член президиума Московской гильдии адвокатов, лауреат премии имени Плевако. Он едко высмеял утверждение обвинения о том, что авария со смертельным исходом, совершенная Лежнёвым в 2003 году под Парижем, имеет какое-то отношение к гибели Григория Вознюка. Что же касается перевода в 800 тысяч евро кипрской фирме, принадлежащей Лежнёву, который обвинение считает платой за убийство Вознюка, тому есть другое, очень простое объяснение. Его подзащитная, руководившая в то время радиостанцией «Весна», не имела достаточного делового опыта и стала жертвой афериста.

— Все это дело производит очень странное впечатление, — закончил адвокат. — Если бы я не был абсолютно уверен в отсутствии у следствия и прокуратуры какой-либо заинтересованности, то мог бы предположить, что кто-то пытается этим процессом достичь своих целей, политических или материальных.

Присяжные признали Ирину Керженцеву невиновной по всем пунктам предъявленных ей обвинений. Она была освобождена из-под стражи в зале суда.

На выходе из суда ее ждал лимузин. Топ-менеджеры медиахолдинга с букетами роз встретили ее появление аплодисментами. Она искала в толпе Сергея, но не увидела его. Он стоял в стороне с веточками мимозы. Рядом со следователем Молчановым, тяжело переживавшим свой позор.

— Все кончилось, Серж, — сказала она, опаяя его нестерпимой зеленью глаз, особенно пронзительной на бледном от многомесячного пребывания в СИЗО лице. — Поехали со мной. Сегодня мы будем вместе.

— Ты устала, тебе нужно отдохнуть, — ответил Сергей. — Мы встретимся потом.

— Потом? — переспросила она. — Когда потом?

— Потом, потом, — неопределенно повторил он.

— Где?

— Я тебя люблю, — сказал он, отдал ей мимозы и повернулся, чтобы уйти.

— Когда мы встретимся? — с недоумением повторила она. — Где?

Он оглянулся и ответил с невеселой улыбкой:

— В аду, любимая.

Свидетелем этого странного разговора был только следователь Молчанов. Позже он пересказал его Панкратову и Игорю Касаеву.

В тот день Сергей рано вернулся домой, разговаривал с матерью и отцом так мягко, как не разговаривал уже давно. Потом сказал, что хочет поехать на дачу и побродить по весеннему лесу. На даче написал прощальную записку и пустил себе пулю в висок из наградного пистолета отца.

IX

Еще в юности Панкратов понял, что не понимает и боится женщин, особенно красивых. Он считал, что ему повезло, что в ту пору, когда поступками молодых людей руководят будоражащие кровь гормоны, он был слишком занят, чтобы вовлекаться в бесконечные любовные похождения, как многие его сверстники. Трудно давалась учеба на юридическом факультете МГУ, куда он поступил после армии вне конкурса. Школу он оканчивал самую обычную, на Тишинке, не самым уважаемым районом Москвы, и никакими успехами не блистал, за три года в армии вообще забыл, что значит учиться. Пришлось наверстывать, до ночи просиживать над учебниками и конспектами. На летние каникулы он всегда уезжал со студенческими строительными отрядами в Сибирь или в Казахстан, чтобы заработать денег на зиму. Мать, проводница поездов дальнего следования на Казанском направлении, помогала, но ему было неловко брать у нее деньги. Строили зернохранилища и коровники, работали по двенадцать часов без выходных, сил оставалось только на то, чтобы дойти до палатки и рухнуть на раскладушку. Гормоны, конечно, иногда брали свое, но все связи были мимолетными и не имели последствий.

Позже, когда Панкратов уже служил в КГБ, он случайно познакомился с милой молодой женщиной и неожиданно для себя легко сошелся с ней. Возможно, неожиданно и для нее. Она была из семьи потомственных московских интеллигентов, научных сотрудников Института мировой литературы, сама по образованию искусствовед, немного избалованная, немного взбал-

мошная. Она уже была замужем за поэтом, которому в узком кругу его почитателей прочили большое будущее. Но большое будущее все не наступало, она устала от богемной жизни и бесконечного выяснения отношений, которыми поэт пытался вызвать в себе мощный творческий импульс. В Панкратове ее привлекла надежность и душевная бесхитрость. Отношения между ними сложились ровные, доверительные, без бурных проявлений чувств, не предвещавшие никаких осложнений.

Несколько лет он был уверен, что его жизнь идет по естественному руслу, а отношения с женой вполне укладываются в библейскую формулу «жена да прилепится к мужу». Родилась дочь. Он много работал и заботился, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Даже когда в Москве начались перебои с продуктами, выручало знакомство с директорами гастрономов, которое образовалось, когда он расследовал крупные злоупотребления в московской торговле. Но однажды, вернувшись из трудной командировки на Север, он нашел квартиру пустой, а на столе в кухне записку. Жена писала, что забирает дочь и возвращается к родителям, потому что не может больше жить с угрюмым нелюдем, как в тюрьме.

«С угрюмым нелюдем». Вот так и узнаешь, что думают о тебе близкие люди.

Панкратов был оглушен. Достал из холодильника бутылку водки, выпил ее машинально, не чувствуя вкуса. Тут же, в кухне за столом, заснул, уронив на столешницу свинцовую голову. Наутро с похмелья голова раскалывалась, но уже через день, отоспавшись, ощутил необычный прилив сил. Все, что вчера казалось

катастрофой, выглядело не так уж страшно. Ну, ушла жена. Не он первый, не он последний. Если она чувствовала себя с ним, как в тюрьме, все равно бы ушла. Так лучше пусть раньше. А жизнь что же? Жизнь продолжается.

Позже он где-то прочитал, что такой алкогольный удар полностью разгружает подкорку мозга, а энергия, заключенная в водке, переходит в организм. Одно время он даже практиковал этот способ психологический разгрузки. Когда чувствовал, что все дела начинают вызывать непреодолимое отвращение, брал отпуск за свой счет, покупал водки, отключал телефон и выпадал из жизни.

В обычные дни он пил мало, предпочитал коньяк, и первая бутылка шла трудно, с усилием. Потом время исчезало, алкоголь брал свое. День за окном сменялся ночью, ночь днем. Время определялось не часами, а количеством пустых бутылок под столом. В голове шла своя жизнь, не контролируемая сознанием. Всплывали эпизоды из прошлого — по большей части почему-то мелкие, стыдные. Детская трусость, ненаходчивость или неловкость в юности, невольные предательства, несправедливые, нечаянно причиненные близким людям обиды. Странно, но всегда вспоминалось и переживалось остро, болезненно только плохое и никогда поступки благородные, питающие чувство самоуважения, каких в его жизни, как и в жизни любого человека, тоже было немало. Пил до тех пор, пока организм не пресыщался и водка не переставала лезть в горло. Иногда это случалось на пятый день, иногда на седьмой. После этого переходил на кефир, глотал снотворное и начинал мучительное возвращение к жизни. Снача-

ла был не сон, а чередование зыбкого бодрствования и тяжелого забытья. Лишь день на третий алкоголь выходил с обильным горячим потом. И наступал наконец момент, когда внешний мир врывается в сознание ярким многоцветьем дня, шумом города, воробьиными сварами и гуканьем голубей. Панкратов залезал под душ, с удовольствием брился, наводил к квартире порядок. Он был, как медный пятак, очищенный кислотой от окиси и грязи. Да так оно, пожалуй, и было.

После 1991-го года, когда монстр КГБ превратился в Федеральную службу контрразведки, а Управление по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности скукожилось до размеров отдела экономической безопасности, Панкратова вывели за штат. Не успел он подумать, как жить дальше, как получил неожиданное предложение от московской ассоциации «Росалко». Ему поручили купить в Киеве две цистерны спирта, отогнать их во Владикавказ и там продать. Целью операции было выяснить, как украинский спирт попадает в Осетию и превращается там в осетинскую водку, теснившую на рынке московских производителей. На этом деле Панкратов заработал больше двадцати тысяч долларов, огромную по тем временам сумму. Добавив к ней свои сбережения и взяв кредит, он купил для жены и дочери трехкомнатную квартиру на Таганке. Переезд и хлопоты по обустройству незаметно сблизили их с женой, они снова стали жить вместе, но уже на два дома.

Через несколько лет, когда «Росалко» самоликвидировалась, Панкратов стал советником по безопасности Национальной алкогольной ассоциации, участвовал в подготовке документов, направляемых в правитель-

ство и Госдуму, консультировал водкозаводчиков, попавших в трудное положение из-за неудачных попыток обойти налоговое законодательство. За помощью к нему обращались и бизнесмены, не связанные с водкой. У него была репутация человека, который не обещает лишнего, но то, что обещает, всегда выполняет.

Все преступления, даже самые сложные и запутанные, которыми приходилось заниматься Панкратову, укладывались в несколько стандартных схем. Детали могли быть самыми разными, но главным мотивом всегда было стремление завладеть чужой собственностью, государственной, как в советские времена, или частной, как во времена постсоветские. Дело о самоубийстве молодого офицера Интерпола Сергея Старостина, напрямую связанное с убийством медиамагната Вознюка, никаких аналогов не имело. Не были понятны даже мотивы преступления, если имело место преступление, в чем были уверены следователь Молчанов и Красногорская прокуратура.

Панкратов поехал в Красногорск и целый день просидел в архиве суда, читая протоколы процесса над Ириной Керженцевой, который закончился ее оправданием. Его удивила слабость доказательной базы обвинения. Все улики были косвенные, их можно было трактовать и так, и так — и как подготовку к преступлению, и как случайное стечение обстоятельств. Панкратов встретился со следователем Молчановым и поинтересовался, как это прокуратура вышла на суд с таким сырым делом.

— Лажанулись, — признал Молчанов. — Мы были уверены, что удастся заполучить Павла Лежнёва.

Французская полиция сообщила, что его адрес установлен и он будет арестован в ближайшие дни. Не успели, он скрылся. Очень похоже, что его кто-то предупредил.

— Кто?

— Понятия не имею. Мобильника у подследственной не было, никакой связи с внешним миром она не имела. Только через адвоката.

— Не мог предупредить адвокат?

— Вряд ли, они в такие дела не лезут, даже за большие деньги. Слишком стремно.

— Если бы вы получили Лежнёва, что бы это изменило? Вы уверены, что он дал бы признательные показания? Заказное убийство — это двадцать пять лет или пожизненное заключение.

— Дал бы, куда бы он делся. В наших СИЗО быстро вправляют мозги. Особенно иностранцам. Они там привыкли — демократия, права человека. Посидит полгода в Бутырке — все эти слова забудет. На Западе есть такое понятие — сделка с правосудием. Подсудимый признает себя виновным и получает год-два вместо десятки. В нашем уголовно-процессуальном кодексе такой статьи нет, только идут разговоры, что неплохо бы ее ввести. Но есть статья, позволяющая назначить наказание меньше минимального, если подсудимый деятельно раскаялся и активно сотрудничал со следствием. Получить лет десять вместо пожизненного — есть разница? Это любого заставит задуматься.

— Какое впечатление произвела на вас Ирина Керженцева? — поинтересовался Панкратов.

— Так сразу и не скажешь. Очень необычная женщина. Не красавица в том смысле, как мы обычно по-

нимаем. Но есть в ней что-то такое, даже не знаю, как назвать. При виде ее почему-то приходит мысль, что чем-то главным ты обделен в жизни. Если бы не факты, никогда бы не поверил, что она способна на преступление. Не тот психотип, не тот характер.

— Почему свидетели изменили показания, которые дали на предварительном следствии? — продолжал Панкратов. — Чего-то боялись?

Молчанов неопределенно пожал плечами.

— Чего им бояться? Все проще. Думаю, им заплатили. Только не спрашивайте кто. Даже думать об этом не хочу.

— И все-таки, — вернулся Панкратов к прежней теме. — Лежнёва вы не получили. И все же передали дело в суд. Почему?

— Так вышло. Как-то само собой, по инерции. Все сроки следствия прошли, нужно было или закрывать дело или выходить на суд. Решили рискнуть. И вот, рискнули. Такого позорища я не испытывал никогда в жизни. Надеюсь, что никогда больше не придется.

— Не зарекайтесь, — усмехнулся Панкратов. — Кстати, какой запрос вы направляли в Интерпол?

— Просил проверить, не проходил ли Лежнёв, он же Леже, по другим криминальным делам. Ответили, что такого в их базе данных нет. Я удивился: как это нет? А ДТП со смертельным исходом под Парижем в 2003-м году? Послал новый запрос, на него вообще не ответили.

— Кто подписал ответ на первый запрос?

— Какой-то майор Старостин.

Х

Судя по содержанию файлов в его компьютере, Сергей Старостин был не очень активным пользователем Интернета. Книги скачивал в основном серьезные, по философии и современные мемуары, в «Одноклассниках» переписывался с несколькими однокурсниками по МГУ. Некоторые заметки, которые он делал для себя, были на русском языке, но большинство записей на английском, французском и немецком. Ни английского, ни французского Панкратов не знал, а от немецкого, который он много лет учил в школе, а потом сдавал «тысячи» в университете, в памяти осталось всего несколько слов — «ауфвидерзеен», «видерхолен» и подпись под рисунком, на котором был изображен котенок под шляпой: «Мютце, мютце, вохин гейтс ду аляйн?» — «Шляпа, шляпа, куда идешь ты одна?» Поэтому изучением ноутбука занимался Игорь Касаев с его тремя языками, которыми он свободно владел, а Панкратов решил встретиться со свидетелями, изменившими на суде свои показания.

Подполковник-отставник по фамилии Клямкин, ночной сторож строительной техники на Ново-Рижском шоссе, жил в собственном доме в деревне километрах в пяти от шоссе. По вечерам он садился на велосипед и добирался до своего вагончика-бытовки. По утрам, когда приходили строители, возвращался домой. Дом у него был основательный, двор обнесен крепким забором. И сам он был крепкий, как гриб-боровик, не намного старше пятидесяти лет, с большой лысоватой головой, в армейском камуфляже, сохранившимся,

вероятно, со времен службы. Панкратова он встретил с любопытством, с каким люди с небольшим кругом общения встречают незнакомых. Но когда узнал, что того интересуется, помрачнел.

— Ваши показания на суде могли быть переломными, — сказал Панкратов. — Если бы вы подтвердили, как на предварительном следствии, что узнали Лежнёва в человеке, которого накануне видели на месте ДТП, приговор, возможно, был бы другим. Не обязательно, но не исключено. Дело прошлое, меня интересует, что было на самом деле. Узнали вы Лежнёва или не узнали?

— Не узнал, — отрезал подполковник. — Ну суде я сказал что было. А на следствии — то, что хотел услышать следователь Молчанов.

— Лежнёва трудно спутать с кем-то другим. Прическа, усы.

— Я его не разглядывал.

— Вы видели его два раза.

— Ну и что? Мало ли людей останавливается на обочине? Передохнуть, отлить. С какой стати мне к ним приглядываться?

— Еще вопрос. К вам кто-нибудь приезжал перед судом? Может быть, угрожали?

— Угрожали? Чем? Чего мне бояться?

— Предлагали деньги?

— За кого вы меня принимаете? — возмутился подполковник. — Я русский офицер. То, что меня отправили в отставку, хотя я мог еще служить и служить, не отменяет для меня понятия офицерской чести. Русские офицеры не продаются. И вот что я вам, любезный, скажу. Я не знаю, на кого вы работаете и знать не хочу.

Я сказал на суде то, что сказал. И не жалею об этом. Адвокат прав: дело заказное. Эта девочка не могла быть организатором убийства мужа. Вряд ли здесь политика, но бизнес точно. Кто-то очень хотел прибрать к рукам медиахолдинг. Про такие истории мы слышим каждый день. Во что превратилась Россия? Многомиллионные аферы, рейдерство. В Советском Союзе такого не было. Много чего было, но такого не было. На этот раз обломилось. И я этому рад. А теперь извините, мне нужно заняться хозяйством.

Так Панкратов и уехал, ничего не узнав. Он был почти уверен, что ничего не даст и встреча с диспетчером подстанции «скорой помощи», на суде тоже отказавшейся от своих показаний, данных на следствии, но все же решил поехать. Хуже не будет. Не даст — значит, не даст. А вдруг даст? По опыту он знал, что нужная информация иногда всплывает совершенно неожиданно.

Подстанция, обслуживавшая поселки по Новорижскому шоссе, в их числе и Княжье озеро, занимала крыло в одном из старых корпусов городской больницы. К нему одна за другой подъезжали машины «скорой помощи», хмурые врачи в синей униформе получали направления и уезжали на вызовы. На телефонах в диспетчерской дежурили две женщины в белых халатах, одна молодая, другая постарше, лет сорока. На ее бейджике значилось: «Зоя Николаевна Смирнова». Она и была свидетельницей на суде. На звонки отвечала всегда одинаково, не то чтобы раздраженно, но тоном, не располагающим к разговорам:

— «Скорая», слушаю... Что с вами?.. Сколько вам лет?.. Диктуйте адрес... Записала. Вышлем бригаду, ждите. Пусть кто-нибудь повесит на калитку газету... Обыкновенную газету, чтобы водителю не искать... Когда ждать? Как только освободится машина...

Дождавшись паузы в телефонных звонках, Панкратов наклонился к ней.

— Зоя Николаевна, мне нужно с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

Она настороженно оглянулась.

— Вообще-то посторонним здесь находиться нельзя.

Но вид Панкратова ее успокоил. Серый плащ, черный свитерок под горло, Немного сонное, но спокойное доброжелательное лицо. Приличный человек.

— Ладно, пойдемте. — Попросила напарницу: — Возьми мою линию, я недолго.

На крыльце закурила, пожаловалась:

— Сумасшедший дом. И так каждую смену, чаю некогда попить. И хоть бы платили нормально.

— Платят мало? — посочувствовал Панкратов.

— Пятнадцать тысяч. Это что, много? О чем вы хотите говорить?

Накануне Панкратов долго думал, как ему построить разговор со свидетельницей. На прямые вопросы она не ответит, будет повторять то, что говорила на суде, и встреча окажется такой же безрезультатной, как с подполковником Клямкиным. Нужно было что-то придумать, чтобы вызвать ее на откровенность. То, что ему удалось придумать, ему самому не понравилось, но ничего лучшего в голову не пришло. Он положил в конверт тридцать тысяч рублей пятитысячными ку-

пюрами и сунул конверт в карман, вовсе не уверенный, что реализует свою идею. Что ни говори, а это очень походило на провокацию, а провокаций Панкратов не любил, хотя иногда приходилось к ним прибегать. Но теперь, угадав в Зое Николаевне человека, заматанного жизнью с мужем-неудачником или вообще без мужа, с отбивающимися от рук детьми, с небольшой зарплатой и большими тарифами ЖКХ, понял, что стоит рискнуть. Ошибся — ну, извинится.

Он достал конверт и протянул его Зое Николаевне.

— Меня попросили передать вам это.

Она заглянула в конверт, увидела деньги и испуганно сказала:

— Зачем? Мне уже заплатили.

— Считайте, что это бонус, — успокоил ее Панкратов. — Вы хорошо выступили на суде.

Она оглянулась по сторонам и быстро спрятала конверт в карман халата.

— А теперь расскажите, что с этим вызовом «скорой» было на самом деле, — попросил Панкратов. — Вызов был?

— Нет. Все звонки записываются и обязательно регистрируются. У нас с этим строго. В ту ночь никто из Княжьего озера не звонил и «скорую» не вызывал.

— Почему вы показали на суде, что забыли зарегистрировать вызов?

— Мне сказали, что это мелочь, но она может привести к осуждению невинного человека. Я тоже не поверила, что эта женщина способна на такое. Я не люблю таких дамочек, с жиру бесятся, не знают, чего им еще нужно. Но организовать убийство мужа — нет, не верю.

— Кто вам это сказал?

— Приезжал какой-то молодой человек. Он не назвался.

Панкратов показал ей фотографию Сергея Старостина — такую же, какая была в овальной рамке на кресте на Троекуровском кладбище.

— Посмотрите внимательно. Это он?

— Он. Только он был не в форме.

XI

Игорь Касаев позвонил Панкратову поздно вечером. По голосу чувствовалось, что он чем-то взволнован.

— Михаил Юрьевич, нашел кое-что очень интересное. Можно к вам приехать?

— Сейчас?

— Сейчас.

— Ну, приезжай. Ты откуда звонишь?

— Со службы. Буду у вас минут через сорок.

Он ввалился в квартиру с ноутбуком Сергея Старостина. Не раздеваясь, пристроил его на письменном столе, включил и только потом оставил в прихожей куртку. На этот раз не «косуху» с заклепками, а обычную кожаную куртку какой-то хорошей фирмы. Панкратов с интересом смотрел, как на мониторе появляется рабочий стол с десятком иконок.

— Ну-ну, что ты нашел? — поторопил он Игоря.

— Сейчас покажу. Но сначала — вот.

Он открыл текстовый файл и выделил две строчки, которые затерялись в заметках на английском и французском. Панкратов прочитал:

«Клямкину — \$5000.

Смирновой — \$3000».

— Я не понял, что это значит. Кто такие эти Смирнова и Клямкин?

— Это свидетели, которые изменили на суде свои показания. Теперь мы знаем, за сколько.

— Какое отношение к ним мог иметь Сергей?

— Он передал им деньги.

— Что вы такое говорите, Михаил Юрьевич? — возмутился Игорь. — Сергей подкупал свидетелей?

— Чему ты удивляешься? Он пообещал Ирине, что вытащит ее из тюрьмы. И делал для этого все. Все, что мог.

— Откуда у него такие деньги? На наше жалованье даже тысячи долларов не накопишь. В семье денег тоже не было, жили на пенсию.

— Вряд ли это его деньги.

— Ее? Но все ее счета были арестованы.

— Значит, не все. Это такое дело, что все не контролируешь.

— Да нет, Сергей не мог этого сделать! — повторил Игорь уже с меньшей уверенностью.

— Мог, — возразил Панкратов. — И сделал.

Он рассказал о своих встречах с подполковником Клямкиным и диспетчером Смирновой.

— Теперь мы знаем, сколько стоит честь русского офицера. Пять тысяч долларов. Не очень дорого, как считаешь? А Смирнова уверенно опознала Сергея по снимку. Это он передал ей деньги. Только он был в штатском. Ладно, показывай, что еще ты нашел.

На экране появились несколько строк на французском.

— Это из электронной почты Сергея, — объяснил Игорь. — Два письма. Вот первое, отправленное Сергеем: «Ваш мейл мне дала Ирэн. Нужно встретиться, очень срочно. Чрезвычайно важно для нее и для вас. Серж».

— Кому письмо? — заинтересовался Панкратов.

— По электронному адресу не определишь. «Тулон83». Так обычно пишут те, кто хочет остаться неузнанным. В мейле после точки «fg», это Франция.

— Ответ есть?

— Есть. Получен в тот же день. Вот он: «Монмартр, бар «Парадиз» на рю Стейнкерт. Бармен знает, как со мной связаться». Без подписи. Но я, кажется, знаю, кто это.

— Кто?

— Павел Лежнёв. Он же Поль Леже.

— Почему ты так думаешь?

— Я сопоставляю события и вывод напрашивается сам собой. Через три дня после этого письма Сергей улетел в Париж. Эту информацию мне дали в погранслужбе. Вернулся через день. И в это же время Лежнёв поспешно выезжает из своего отеля и скрывается в неизвестном направлении. Буквально за день до появления полиции с ордером Интерпола на его арест. Причем это был не просто ордер, а красный угол...

— Что такое красный угол?

— Так выделяются запросы на особо опасных преступников, обвиняемых и осужденных. Бывает еще белый угол — розыск пропавших без вести. Черный угол — идентификация неопознанных трупов. Желтый угол — похищенные дети. Синий угол — слежка за подозреваемым. Зеленый угол — предупреждение

о готовящемся преступлении. Красный угол требует самого быстрого реагирования. Значит, что? Значит, Леже кто-то предупредил. И этот кто-то — Сергей Старостин.

— Логично, — кивнул Панкратов.

— Что же это, Михаил Юрьевич? — растерянно спросил Игорь. — Неужели любовь способна так ослепить человека, что он теряет все представления о долге, о порядочности? Ведь это предательство. Мы ставим на уши международную полицию, а наш товарищ предупреждает преступника об аресте. Я не могу в это поверить.

— Ты забываешь, в каком состоянии он находился. Сергей был уверен, что его возлюбленная ни в чем не виновата, а уголовное дело возбуждено для того, чтобы оттягать у нее бизнес. Так думал не только он. В это легко поверить, когда слышишь о таких историях на каждом шагу. Не вижу, Игорь, причин очень сильно расстраиваться. Это жизнь. А в жизни и не такое бывает.

— Да я не расстраиваюсь, — хмуро отозвался Игорь. — Просто немного не по себе. Я вот о чем подумал. В Париж он летал уже после того, как уволился. Как частное лицо, а не как офицер Интерпола. Может, это не было таким уж предательством? — Он немного подумал и возразил сам себе. — Нет, все равно было. И он это знал.

— Кстати, почему он уволился? — спросил Панкратов.

— По семейным обстоятельствам. В рапорте написал, что отец очень тяжело болен. Сибирцев подписал рапорт.

— Из полиции так легко уволиться?

— Если бы Сергей окончил Высшую школу милиции, его так просто не отпустили бы. На твое обучение потратили немалые государственные деньги, так что служи. Но Сергей пришел в Интерпол после МГУ, это другое дело.

— Вы были друзьями. Тебе он что-нибудь говорил?

— Нет, он замкнулся, был уже в своих делах. Теперь мы знаем в каких. Лучше бы мы этого не знали.

Игорь еще немного посидел и пошел в прихожую. Панкратов посмотрел, как он надевает куртку, и снял с вешалки плащ.

— Вы хотите меня проводить? — удивился Игорь. — Мне до машины идти пятьдесят метров.

— Нет, — ответил Панкратов. — Хочу немного погулять. Нужно кое о чем подумать.

— Ночь.

— Ну и что? Ночью хорошо думается.

Тверской бульвар был безлюден, лишь редкие парочки целовались на скамейках. Потоки машин, обтекавшие бульвар, к ночи поредели и не досаждали гулом моторов. Панкратов медленно дошел до памятника Тимирязеву, потом поднялся к Пушкинской площади. Здесь бурлила праздничная ночная жизнь, возле памятника Пушкину тусовалась молодежь, звучала музыка из кафе и баров. Панкратов зашел в какой-то бар, заказал сто граммов коньяка.

— То есть, двойной коньяк? — уточнил бармен.

— А сколько это?

— Восемьдесят четыре грамма.

— Пусть будет двойной.

Бармен зачем-то нагрел пузатый фужер под струей горячей воды, ловко отмерил в него восемьдесят четыре грамма и поставил фужер на стойку перед Панкратовым. «Вот так можно прожить всю жизнь и не узнать, как полагается пить коньяк», — с усмешкой подумал он.

Одна мысль не давала ему покоя. Она появилась еще тогда, когда он только знакомился с делом, но лежала в сознании без движения, как в анабиозе. То, что адвокат Ирины Керженцевой не верил в ее виновность и умело это доказывал, понятно, ему за это платили. Но в это не верили и подполковник Клямкин, и диспетчер Смирнова при всей ее нелюбви к таким дамочкам. Даже молодой следователь Молчанов не усомнился бы в ее невиновности, если бы не факты. Не тот психотип, не тот характер. А если все факты лишь случайное стечение обстоятельств и она оказалась его жертвой? В жизни бывают и не такие случайности.

Панкратов никогда не видел Ирину Керженцеву, и это мешало ему составить свое представление о ней. Он даже съездил на улицу Правды в центральный офис медиахолдинга, но там сказали, что госпожа Керженцева уехала лечиться за границу и никто не знает, когда она вернется. И сейчас Панкратов задумался, кто из людей, хорошо знавших Ирину, мог бы его просветить. Никого в голову не приходило. Миры, в которых они жили, никак между собой не соприкасались. И только когда он возвращался домой по темному Тверскому бульвару, вспомнил: художник, с которым она жила до замужества с Вознюком и который после разрыва с ней заперся отшельником в своей мастерской. Панкратов однажды видел этого художника на откры-

тии его выставки в галерее Гельмана, куда вытащила его жена, страстная поклонница современного искусства. Фамилия художника была Ермаков, а звали его Артем. Это Панкратов выяснил уже дома, не без труда отыскав в старых бумагах каталог его выставки.

XII

Мастерская Артема Ермакова находилась в мансарде старого пятиэтажного дома на Новослободской улице. Звонок работал, из-за двери приглушенно доносились его трели, но никакого движения не происходило. Понажимав кнопку минут пять, Панкратов понял, что этим ничего не добьется. Он осмотрелся. На лестничную площадку было выставлено с десятков пустых водочных бутылок. Пыли на них не было, запах не выветрился. Значит, вынесены недавно. Панкратов спустился вниз, проехал к ближнему универсаму и купил литровую бутылку водки «Абсолют». Прибавив к ней пару нарезок из семги и ветчины, попросил положить покупки в фирменный пакет магазина. Вернувшись к мастерской художника, снова принялся звонить и стучать ногой в дверь. Это продолжалось довольно долго. Наконец внутри что-то зашевелилось, недовольный голос спросил:

— Кто?

— Из универсама, — ответил Панкратов. — Доставка заказов.

Дверь приоткрылась, высунулась голова с густой запущенной шевелюрой и черной бородой, кое-как обкорнанной ножницами.

— Я ничего не заказывал.

— Квартира 35-а?

— Ну?

— Извините, что-то напутали в столе заказов.

— Погоди, мужик, — сказала голова. — Покажи, что привез.

Панкратов продемонстрировал бутылку. Голова проявила интерес.

— Годится. Давай.

— Но это не ваш заказ?

— Может, и мой. Не помню. Заходи.

Художник провел Панкратова по темному коридору в просторную мастерскую. В центре ее стоял мольберт с холстом, закрытым темной тряпицей, а все стены и простенки увешены портретами. И на всех портретах была Ирина Керженцева. Панкратов понял, что попал куда надо.

Художник выгрузил все из пакета на захламленный стол, на котором выдавленные тюбики краски валялись вперемежку с грязными стаканами и окурками. Нарезки с рыбой и ветчиной он равнодушно отложил в сторону, а водку открыл, понюхал, повторил:

— Годится. Сколько с меня?

— Заказ оплачен.

— Как это?

— Вы уже заплатили.

— Да? — удивился художник. — Блядь, ничего не помню.

Только сейчас Панкратов его рассмотрел. Он помнил, каким Ермаков был на открытии его выставки в галерее Гельмана: в черном фраке, с ухоженной бородкой, высокий, представительный, с породистым

лицом. Сейчас это был совсем другой человек: в синем халате, перемазанном красками, от водки не опухший, а как бы усохший, ставший даже меньше ростом, с лицом какой-то нездоровой смуглоты, на котором горели желтые сумасшедшие глаза. Он налил себе водки в первый попавшийся стакан, другой стакан протер полый халата, предложил Панкратову:

— Посиди, мужик. Набегался небось за день. Прими.

— Не могу, я на машине.

— А я приму.

Раздвинув пальцами бороду, чтобы не мешала, влил в себя водку, как воду, закурил и внимательно посмотрел на Панкратова.

— А ты не похож на посыльного. Надо же, на машине. Ты кто, мужик?

— Пенсионер. Пенсия небольшая, приходится подрабатывать.

— Ну, не хочешь, не говори.

— Давно пьете? — поинтересовался Панкратов.

— Не помню. С месяц. У меня другим голова занята.

— Завидное здоровье. А меня хватало дней на пять. Иногда на семь. Можно посмотреть картины? Никогда не был в мастерской художника.

— Ну, посмотри, — разрешил Ермаков.

Портретов Ирины Керженцевой оказалось не меньше тридцати. И развешены они были не случайно, а в определенном порядке. Как если бы, закончив одну работу, художник принимался за новую, а законченный портрет, чем-то его не устроивший, вешал на стену. Модель всегда одна и та же, в зеленом шелковом платье с бретельками, с золотистыми волосами, соб-

ранными узлом на затылке, с капризным ртом и большими зелеными глазами, затененными длинными ресницами. От картины к картине менялось лишь ее лицо. Первые портреты словно бы пронизаны легким радостным светом, светом юности и весны. И Ирина на них еще сама юность и весна, прелестная в ангельской непорочности. При виде ее Панкратов почувствовал что-то вроде тоски по тому, чего в его жизни не было и уже никогда не будет. Это было то, о чем говорил следователь Молчанов. Сама мысль, что эта юная женщина может быть причастна к преступлению, казалась кощунственной.

На других портретах менялось лицо, изгиб губ, выражение глаз. Радостный свет сменялся тревожным, даже мрачным. Казалось, что художник мучительно старается передать на холсте то, чего не понимает сам, но видит, что снова не получилось, и берется за новую работу.

— Сколько времени вы рисовали эти картины? — спросил Панкратов.

— Картины не рисуют, их пишут. Не знаю. Всю жизнь.

— И будете писать до конца жизни?

— Нет, я сделал то, что хотел, — ответил художник. — Я это сделал! — повторил он, и его желтые глаза сверкнули сатанинской гордостью. — Показать?

— Покажите.

Он снял с холста на мольберте закрывавшую его тряпицу и отступил в сторону.

— Смотри!

Панкратов не разбирался в живописи, в молодости она прошла мимо него, а все старания жены при-

общить его к этому виду искусства никаких результатов не дали. Но он сразу понял, над чем так долго и мучительно бился художник Ермаков. Портрет Ирины Керженцевой был насыщен тем же радостным светом, что и на ранних работах, таким же прелестным и ангельски непорочным было ее лицо, но каким-то непостижимым образом сквозь него словно бы проступало лицо совсем другой женщины — холодной, жестокой, равнодушной ко всему, что ее не касалось. Если в первых портретах кистью художника двигала юношеская влюбленность, то в этом от нее не осталось и следа.

Ермаков вернулся в столу, глотнул еще водки, поинтересовался:

— Ну как?

— Ничего в этом не понимаю, — признался Панкратов. — Но портрет достал. До мурашек по спине. Хотя я человек не сентиментальный.

— Это моя лучшая работа, другой такой уже не будет. И слава Богу.

— Почему?

— Слишком дорого за это платишь. Своей жизнью. Все искусство не стоит того. Но нас не спрашивают. Что выпало на твою долю, то и будет.

— Вы знаете, что Ирину Керженцеву судили за убийство мужа? — спросил Панкратов.

— Слышал, — равнодушно отозвался художник.

— От кого?

— Приходил тут один парень. Ее посадили?

— Нет, суд присяжных ее оправдал. Мосгорсуд оставил приговор в силе. Сейчас кассацию рассматривают в Верховном суде.

— Выкрутится. Она всегда умела добиваться своего.
— Вы ее хорошо знали. Способна она на преступление?

— Мужик, ты видел мою работу. Я в ней все сказал. Ты ничего не понял?

— Кое-что понял.

— А тогда зачем спрашиваешь?

— Вы сказали, что приходил какой-то парень. Кто?

— Не знаю. Сказал, что его зовут Сергей.

— Когда приходил?

— С месяц назад.

Панкратов показал художнику снимок майора Старостина.

— Он?

— Он.

— Он видел этот портрет?

— Видел, я его только закончил.

— Что сказал?

— Ничего. Он растерялся.

XIII

Он растерялся, увидев портрет Ирины, совсем другой женщины, чем та, в которую был по уши, как мальчишка, влюблен. Зачем он пошел к художнику Ермакову? Не за тем ли, что и Панкратов? Он верил, что она ни в чем не виновата, но какие-то сомнения, вероятно, все-таки были. Все же он был не мальчишка, с маленьким милицейским опытом и умел анализировать факты.

Панкратов не стал рассказывать Игорю о разговоре с художником, но понял, что примерно такие же мысли приходят в голову и ему.

— Сергей работал в отделе аналитической криминальной разведки, — сказал он при очередной встрече. — Это вот что такое. Каждый преступник имеет свой почерк. Каждое преступление попадает в центральную базу данных Интерпола в Лионе. Не мелочь, конечно, серьезные дела — заказные убийства, ограбления банков, теракты и все такое. По особенностям почерка иногда удается вычислить преступника и даже предотвратить преступление. Сергей не мог не запросить данные по Полю Леже. Просто не мог, это его работа. То, что он сообщил следователю Молчанову, что таких данных нет, это понятно, хотел отвести подозрения от Ирины. Но сам-то он получил всю информацию. И знал, что автокатастрофа под Парижем в 2003 году и ДТП на Ново-Рижском шоссе имеют слишком много общего, чтобы это можно было объяснить случайным совпадением. Неужели у него не появилось никаких подозрений?

— Возможно, появились, — согласился Панкратов. — Но он запрещал себе об этом думать.

— Но все-таки думал! Не мог не думать! — горячо возразил Игорь. — По себе знаю, неприятные мысли никакими запретами не отгонишь. Чем больше запрещаешь, тем больше думаешь.

— Может, и думал. О чем он думал, мы никогда не узнаем. Нам бы узнать, что произошло накануне суда. Помнишь, что он сказал Ирине? «Встретимся в аду». Он уже тогда знал, что сделает.

Ответ нашелся совершенно неожиданно в ноутбуке Сергея. В текстовом файле, в котором он делал заметки, Игорь наткнулся на запись по-французски, которая начиналась фразой: «Анри Мольро писал, что человек, попавший в безвыходное положение, сначала лихорадочно ищет выход, потом опускает руки в надежде, что все устроится само собой и в конце концов находит тот единственный выход, который для него всегда открыт». Игорь сначала пропустил этот текст, решив, что он о философии, которой серьезно интересовался Сергей, но потом снова наткнулся на него, прочитал до конца и понял, что здесь ответ на вопрос, что случилось с его другом накануне суда.

«Но все по порядку, — писал Сергей. — Бар «Парадиз» на Монмартре — довольно заурядное заведение с десятком столиков. Бармен долго делал вид, что не может сообщить, о ком я его спрашиваю, потом все-таки позвонил. Леже появился в баре через час. Скользкий тип с сальными волосами, наглыми глазами и пошлыми усами на помятом лице. Одет дорого, массивное золотое кольцо с печаткой. Я сказал, что ему нужно срочно исчезнуть, если он не хочет оказаться в российской тюрьме и получить срок за убийство мужа Ирэн. «Я не понимаю, о чем ты говоришь, малыш», — заявил он. Этот «малыш» меня взбеленил. «Поймешь, когда за тобой придет полиция с ордером Интерпола, — ответил я. — Ирэн в тюрьме. Для суда не хватает тебя. Твоя судьба мне до фонаря, я делаю это для нее». Упоминание Интерпола его встревожило. «О'кей, — сказал он. — Я, пожалуй, последую твоему совету. Это ведь дружеский совет, не так ли, малыш?» Я сказал: «Если

ты еще раз назовешь меня малышом, я набью тебе морду». «Ну-ну, Серж, зачем так нервничать? Я уже исчез. Мерси за предупреждение». Он вышел из бара, тут же вернулся и сказал мне на ухо: «Напомни Ирэн, что она должна мне 200 тысяч евро».

В Москве я передал ей, что все сделано и спросил, о каких деньгах он говорил. Она ответила: «Это наши дела». Какие дела могут быть у нее с этим типом?»

И была еще одна запись:

«Сегодня я спросил у наших специалистов по убийствам, какие нынче расценки на этом рынке. Ответили: смотря какая фигура. Крупная, из VIPов, не меньше мйллиона евро. Я поинтересовался: а за восемьсот тысяч не подпишутся? Посмеялись: там не торгуются. А мне было не до смеха. Похоже, я тот человек, о котором писал Мольро...»

— Ну вот, Игорь, мы все узнали, — сказал Панкратов, прочитав перевод записей. — Эти двести тысяч евро и были той соломинкой, которая переломила хребет верблюда. Можно долго обманывать себя, не видеть того, чего не хочешь видеть. Но вечно жить иллюзиями не получается, жизнь всегда берет свое.

— Откуда возникли эти двести тысяч евро? — спросил Игорь. — Вы понимаете?

— В общих чертах. Исхожу из того, что такой заказ стоит миллион евро. За три месяца до аварии Ирина перевела Лежнёву на Кипр восемьсот тысяч. Таких денег на счету радиостанции не было, Ирина взяла кредит под большие проценты под залог своих акций.

Об этом мне рассказал следователь Молчанов, а ему бывший финансовый директор медиахолдинга. Больше банк не дал. Лежнёву пришлось согласиться, иначе сделка не состоялась бы. 200 тысяч она обещала отдать позже.

— Насколько я знаю, за заказные убийства никогда не платят вперед. Сначала аванс, а остальное потом, когда дело сделано.

— Ты забываешь, каким способом было сделано это дело. Лежнёв сильно рисковал. Одно неверное движение, и он погиб бы вместе с Вознюком. Вероятно, он хотел быть уверенным, что по крайней мере получит все. Сочувствую, Игорь. Твоему другу очень не повезло.

— Да, не повезло. Узнать, что ты защищаешь убийцу — врагу такого не пожелаешь.

— Хуже, — возразил Панкратов. — Гораздо хуже.

— Что может быть хуже?

— Узнать, что ты любишь убийцу.

XIV

В картине происшедшего, как она сложилась в голове Панкратова, не хватало важного звена, чтобы она обрела завершенность. Для чего Ирине Керженцевой понадобилось это затевать, если у нее и без того было все? Григорий Вознюк не ограничивал ее в расходах, не возражал против ее образа жизни с многолюдными сборищами в модных ночных клубах или в особняке в поселке Князьё озеро. Он и сам появлялся с ней на людях, о чем всегда сообщалось в светских хрониках его таблоидов. Она одевалась у знаменитых кутюрье,

отдыхала на лучших курортах в компании звезд шоу-бизнеса. Что еще нужно молодой женщине, обожающей быть в центре внимания?

После того, как суд присяжных оправдал Ирину Керженцеву, а Мосгорсуд оставил приговор в силе, эта неясность никакого значения не имела, ни на что уже не могла повлиять, но Панкратов все никак не мог избавиться от смутного чувства незаконченности дела. Оно было как недолеченный зуб, который обычно не дает о себе знать, но иногда напоминает о себе легкой ноющей болью. Это рождало у Панкраторова ощущение дискомфорта. Он не любил незавершенных дел. Все дела, которыми ему приходилось заниматься, всегда доводил до конца, до полной определенности. В свое время это и было причиной того, что Панкраторова вывели за штат Федеральной службы контрразведки. Руководство ФСК больше всего боялось, что его расследованиями будут задеты высокопоставленные чиновники в правительстве и в Кремле, а это приведет к дальнейшему уменьшению финансирования ФСК. Панкраторову давали понять, что туда лучше не лезть, он понимать не хотел. В конце концов начальству это надоело, от неудобного сотрудника избавились под благовидным предлогом.

Панкраторов встретился с бывшим финансовым директором медиахолдинга Ефимом Марковичем Файнбергом, который проработал с Григорием Вознюком больше десяти лет и был с ним в дружеских отношениях. Он мог рассказать о необычном браке Вознюка, вызвавшем оживленные пересуды в Москве.

— Кто вам дал мой телефон? — спросил Файнберг, когда они устроились за столиком кафе на Тверской.

— Следователь Молчанов.

— Дело закрыто, суд мадам оправдал. Что вы хотите узнать?

— В деле остались неясности, — объяснил Панкратов. — Меня попросили разобраться в них.

— Кто попросил?

— Аслан Касаев, группа компаний «Мегаполис». Слышали о таком?

— Знаю. Кавказский джигит, но человек серьезный. Он давал рекламу в наши издания. Самая большая неясность в том, что мадам оправдали. Да и нет никакой неясности. То, что нельзя сделать за деньги, можно сделать за большие деньги. То, что нельзя сделать за большие деньги, можно за очень большие деньги.

— Откуда у нее очень большие деньги?

— У Григория были личные номерные счета в нескольких банках, наших и зарубежных. Она имела к ним доступ, он ей во всем доверял. При том что был человеком очень недоверчивым.

— Но Вознюк погиб.

— Не имеет значения. Номерным счетом распоряжается тот, кто знает пароли.

— Она сидела в Лефортово, — напомнил Панкратов.

— И что? Зато ее адвокат был на свободе.

«И Сергей Старостин тоже был на свободе, — подумал Панкратов. — Теперь понятно, откуда у него деньги. И, возможно, не только те, что он передал свидетелям».

— Вот что делает с людьми половодье чувств, — заключил Файнберг. — Особенно когда оно приходит

с запозданием лет на тридцать. О чем вы хотели меня спросить?

— О половодье чувств. Роман Григория Вознюка проходил на ваших глазах. Как он проходил?

— Хороший вопрос. Первые года три я ему даже немного завидовал. Кто из нас не мечтает вернуться в молодость? Ему удалось. Ездил с мадам по модным курортам, по ночным клубам, отплясывал на дискотеках. Представляете Вознюка, отплясывающего на дискотеке с отвязанной молодежью? Я еще тогда подумал, что надолго его не хватит. И оказался прав. Однажды он пожаловался: «Живу как на птичьем базаре. Совсем оглох. От многолюдья, от болтовни». После этого предоставил мадам развлекаться одной, занялся делами, которые одно время совсем забросил. Я был рад, что он выздоравливает. Окончательно выздороветь не успел.

— Он поддерживал отношения с первой женой, с дочерьми?

— Да, особенно в последний год. Старшая дочь родила внука, он был очень рад. Всегда хотел сына, но с сыном не получилось, зато появился внук, продолжатель рода. Это было у него больное место. Вы знаете, что он рано остался без родителей и воспитывался в детском доме?

— Нет. Что случилось с его родителями?

— Утонули при сплаве на плотках по Верхней Тунгуске. Они были заядлыми туристами. Как и многие в те годы. Даже я однажды прошел с рюкзаком от Новгорода до Пскова. Это была свобода, которую никто не мог запретить. Но о его семейных делах вам лучше поговорить с Дарьей Степановной, его первой женой.

Она никого не принимает, но вас примет, я позвоню.
Не знаю, правда, что вам этот разговор даст.

— Я тоже не знаю, — сказал Панкратов.

Но он уже знал.

У Вознюка была квартира в Олимпийской деревне и дача в Кратово, где когда-то нарезали по гектару крупным военачальникам и знаменитым ученым. В московской квартире обитала его младшая дочь, студентка Института иностранных языков. На выходные она приезжала на дачу, где безвыездно жили ее мать и старшая сестра с маленьким сыном. Квартиру Панкратов не видел, только поговорил со студенткой по телефону, а дача произвела на него впечатление. Огромный участок с сумрачными елями и светлыми мачтовыми соснами был обнесен высоким забором из красного финского кирпича, фигурной кладки, с короткими коваными пиками поверху. В глубине участка стоял просторный двухэтажный дом из такого же кирпича под крышей с зеленой черепицей из стеклокерамики. Дом был основательный, под стать самому Вознюку, как его воспринимал Панкратов, медиамагната никогда не видевший.

Он остановил свой «фольксваген» возле высоких ворот, украшенных затейливой железной ковкой, нажал кнопку домофона.

— Кто? — раздался из динамика мужской голос.

— К Дарье Степановне, — ответил Панкратов.

В калитке появился охранник лет сорока в спортивном костюме «Пума», недружелюбно поинтересовался:

— Вам чего?

— Могу объяснить. Но не лучше объяснить Дарье Степановне?

— Мы ничего не покупаем.

— Я ничего не продаю.

— Пойду спрошу.

Минут через двадцать охранник неохотно впустил Панкратова внутрь усадьбы. От ворот к высокому крыльцу вела широкая дорожка, выложенная красноватой плиткой. По сторонам от нее был ухоженный газон с кустами роз, подвязанными на зиму. Чувствовалось, что за участком заботливо ухаживают. Вряд ли хозяйка. Скорее всего садовник.

Дарья Степановна встретила незваного гостя на открытой веранде, обставленной легкой плетеной мебелью, как в дворянских усадьбах начала прошлого века. Она оказалась рослой, крепко сбитой женщиной, хорошо сохранившей в свои пятьдесят лет. Про таких говорят: об асфальт не расшибешь. Лицо простое, без косметики. В дубленке, наброшенной поверх фланелевого халата, она была похожа на домработницу или экономку, но никак не на хозяйку богатого дома.

— Садитесь, — предложила она Панкратову. — В дом не приглашаю, внук приболел. К нам сейчас не часто приезжают гости. Вы кто? Ефим Маркович Файберг мне звонил, но я так и не поняла.

— Советник по безопасности Национальной алкогольной ассоциации, — представился Панкратов и подкрепил свои слова визиткой.

— При чем тут безопасность алкогольной ассоциации? — удивилась она. — Я могу ей угрожать?

— Нет. Иногда я выполняю поручения разных людей. В гибели вашего мужа есть непроясненные моменты. Хотелось бы разобраться.

— О Господи, когда же это кончится! — вырвалось у Дарьи Степановны. — Я не могу больше об этом думать. Дело закрыто. Эту тварь оправдали, потому что все были куплены. Свидетели, присяжные, судьи, все! Что теперь могут изменить частности?

— Скорее всего ничего, — согласился Панкратов. — Но как знать. Иногда случается то, что предугадать невозможно. Редко, но случается. Жизнь непредсказуема.

— Ладно, спрашивайте. Вы все равно вернули меня в ту жуть, которую я всеми силами старалась забыть. Что вас интересует?

— Насколько я знаю, вы дали согласие Григорию Вознюку на развод. Почему?

— А что я могла сделать? Я слишком хорошо его знала. Он же упертый, как буйвол. Что решил, обязательно сделает. Зачем давать повод для сплетен?

— Но вы не подали и на раздел совместно нажитого имущества, хотя имели на это право, — напомнил Панкратов. — Почему?

— А то вы не знаете, на что способны современные бизнесмены. Его юристы нашли бы столько закорючек, что я осталась бы в том, в чем пришла к нему в общежитие тридцать лет назад. Он бы, конечно, так не сделал, но мог. Да и не в этом главное, совсем не в этом.

— В чем?

— Я не верила, что это у него надолго. Не тот человек. Я оказалась права, его хватило года на три. Потом

стал уставать. Чаше приезжал в Кратово, работал в своем кабинете. Здесь ему было хорошо, спокойно. Потом родился внук, это еще больше вернуло его к нам. Он бы совсем вернулся, да вот, не успел.

— Его молодая жена знала, что он бывает у вас?

— Могла знать.

— Откуда?

— Возможно, рассказал водитель, Лежнёв, она рекомендовала его Григорию. И был еще один случай. Однажды Саша, охранник, рассказал, что вокруг дома крутится какой-то совсем молодой парень с видеокamerой. Снимал, как Григорий приезжает. А потом поймал его возле дома, он пытался залезть в мою спальню. Обыскал, нашел у него три жучка. Эти, подслушивающие устройства. Устроил допрос с пристрастием. Парень клялся, что не знает, кто его нанял, кто-то по телефону. Так и не сказал. Возможно, и в самом деле не знал. Саша пообещал переломать руки и ноги, если еще раз увидит его возле дома.

— Почему его не сдали в полицию?

— Не хотелось связываться. Пойдут следователи, допросы. Ни к чему. Я сначала подумала, что этот недоумок перепутал спальню и кабинет Григория. Кого может интересовать то, что происходит в моей спальне? В кабинете — другое дело, там идут деловые переговоры, это может интересовать многих.

— Когда это было? — спросил Панкратов.

— Примерно за год до гибели Григория.

— Вы не помните, как звали того парня? Может быть, у него были какие-то документы?

Дарья Степановна поднялась из скрипнувшего кресла и с высоты веранды оглядела двор. Охранник

покуривал невдалеке, готовый придти на помощь хозяйке по первому зову.

— Саша, иди-ка сюда, — окликнула она.

— Что, Дарья Степановна? Выпроводить гостя?

— Нет. Помнишь того придурка, который лез в дом?

Ты его обыскивал. Были у него документы?

— Только визитная карточка. Я ее забрал.

— Она у тебя сохранилась?

— Где-то есть, сейчас поищу.

Охранник поднялся по наружной железной лестнице в надстройку над гаражом, служившую ему жильем, через некоторое время вернулся.

— Нашел. Вот.

На визитке значилось:

«Ярослав Жук, конфиденциальные услуги».

Номер мобильного. И все.

XV

Визитная карточка Ярослава Жука была напечатана на дорогой бумаге, украшена красивой виньеткой. Но Панкратов был почти уверен, что виньетка призвана скрыть пустоту. Вряд ли этот Жук имел лицензию частного детектива, которые выдавались только тем, кто имел юридическое образование и трехлетний опыт работы в правоохранительных органах. Вероятно, любитель, решивший попробовать себя в частном сыске. Мобильный телефон позволял ему легко блокировать контакты с нежелательными клиентами, а никаких других координат не было. Но «почти» — это было не из

лексикона Панкратова. Он решил навести справки, чтобы никаких вопросов не оставалось.

За годы службы в КГБ и за двадцать лет работы в «Росалко» и в Национальной алкогольной ассоциации Панкратов накопил целую библиотечку записных книжек с тысячами телефонов и фамилий. И это было все, что он накопил. Но накопленное не обесценилось, как вклады в советских сберкассах после либерализации цен. Обширнейший круг знакомств позволял ему узнавать все, что его интересовало. Если его знакомый не располагал нужной информацией, у него находился другой знакомый. Панкратов иногда думал, что Москва, в сущности, маленький город, в ней все знали всех, через цепочку знакомых и знакомых знакомых можно было выйти на самые серьезные фигуры.

Через несколько дней после поездки в Кратово Панкратов заехал на Житную, где в Главном управлении общественной безопасности МВД служил знакомый полковник. Тот отвел его к другому полковнику из лицензионно-разрешительного управления, отрекомендовав как своего человека. В базе данных отыскался Ярослав Жук, что Панкратова слегка удивило. Но лицензия у него была и выдана с соблюдением всех требований закона об оперативно-розыскной деятельности. Двадцать пять лет, заочно окончил Юридическую академию, во время учебы работал секретарем суда и помощником прокурора, на учете в неврологическом диспансере не состоял, к уголовной ответственности не привлекался. Проживал в Гольяново, по тому же адресу был его офис.

— С ним что-то не так? — поинтересовался полковник.

— Да нет, все в порядке, — ответил Панкратов. — Просто у меня не было его адреса.

Они обменялись телефонами и распрощались. Многомиллионная Москва стала на одного незнакомого человека меньше.

В Гольяново Панкратов приехал во второй половине дня, ближе к вечеру. Частный детектив Жук жил в панельном девятиэтажном доме, какими был застроен весь квартал. Кодового замка в подъезде не было, из мусоропровода воняло, кнопки лифта были обожжены любознательными подростками, интересующими узнать, как горит пластмасса. На звонок в двери появилась девушка с фиолетовыми волосами в коротеньком халатике.

— Вам кого?

— Мне нужен частный детектив Жук.

— Ярик, кончай бухать, к тебе пришли, — крикнула она и ушла в комнату, примыкавшую к тесной прихожей. Из другой комнаты высунулся долговязый парень в майке и драных джинсах, весь какой-то встрепанный, уставился на Панкратова.

— Кто пришел? Вы ко мне?

— Если вы частный детектив Жук, к вам.

— Минутку, я сейчас.

Он скрылся в комнате, появился в футболке, с приглаженными волосами.

— Заходите.

В комнате был наведен относительный порядок, бутылок на журнальном столе у телевизора не наблюдалось, зато их было полно под столом. Судя по всему, частный детектив отдыхал.

— Как вы меня нашли? — спросил он. — Я никому не даю своего адреса. Вы кто?

Панкратов усмехнулся.

— Я тот, кто вас нашел. Хотя вы никому не даете своего адреса. Так кто я?

— Извините, — смешался Жук. — Какие ко мне вопросы? Я ничего не нарушал.

— Это вы так думаете, — возразил Панкратов. — Года полтора назад вы вели видеосъемку в Кратово, следили за хозяином дома Григорием Вознюком. Он был поставлен об этом в известность, дал согласие? Нет, не так ли? А это вмешательство в частную жизнь, что запрещено законом об оперативно-розыскной деятельности. Одного этого хватит, чтобы аннулировать вашу лицензию.

— Я ни за кем не следил! — запротестовал Жук. — Просто снимал красивые места.

— И это еще не все, — продолжал Панкратов. — Охранник поймал вас, когда вы пытались залезть в дом и поставить там жучки. А это уже тянет на уголовную статью. Вам повезло, что хозяйка не захотела связываться с полицией. Кто заказал вам слежку?

— Не знаю. Честное слово, не знаю. Заказ был сделан по телефону. Я ее никогда не видел.

— Ее?

— Да, это была женщина. Я подумал: подозревает мужа в измене. Обычное дело, мне часто приходится заниматься такими делами.

— Хватит врать. Заплатила она вам тоже по телефону? Или вы работаете бесплатно, из сострадания к обманутым женам?

— Ну, видел ее, — неохотно признался Жук. — Всего один раз. Она назначила встречу на Гоголевс-

ком бульваре. Я отдал ей кассеты с записями. Она заплатила.

— Сколько?

— Тысячу долларов, как и договаривались. Я сказал, что при выполнении ее заказа мне сломали нос и выбили два зуба. Нужно бы добавить. Она ответила, что это мои профессиональные риски. Села в такси и уехала.

— Как она выглядела?

— Сначала не разглядел. Молодая, в темных очках, жгучая брюнетка. Но это у нее был парик. В такси она его сняла. Я заснял, как она уезжала.

— Фотографии сохранились?

— Где-то есть. Найти?

— Сделайте одолжение.

Минут двадцать Жук рылся в своих архивах. Наконец, вывел на экран смартфона снимки таинственной заказчицы.

Это была Ирина Керженцева.

Этого Панкратов и ожидал. Последний пазл занял свое место, картина обрела завершенность. Вероятно, Ирина поняла, чем ей может грозить охлаждение отношений с мужем. Он стал уставать от сумасшедшего ритма жизни, который она задала. Его потянуло назад, к привычной и нетребовательной жене, к дочерям и внуку. Первый раз в жизни она встретила мужчину, который не поддался ее неотразимому обаянию. Григорий Вознюк оказался ей не по зубам, слишком сильный характер. За три года она хорошо изучила мужа и знала, что решения в нем вызревают медленно, но

когда решение принято, ничто не может его остановить. Как женился, так и разведется. А к этому шло. И это было бы для нее катастрофой. При разводе она не получала ничего, не могла претендовать на половину совместно нажитого имущества, потому что все имущество было нажито Григорием до брака. Даже московскую квартиру и особняк в Князьем озере он купил перед свадьбой и оформил на свое имя. Принадлежавший ей контрольный пакет акций радиостанции «Весна» стоил немалых денег, но ей не деньги были нужны, а прежнее положение в обществе, которое давали деньги. Проблему могло решить только одно — скоропостижная смерть мужа. Вдова и две его дочери становились наследницами первой очереди. А это треть его полуторамиллиардного состояния, каждой по пятьсот миллионов долларов.

Судьба Григория Вознюка была решена.

Панкратов уже подъезжал к дому, когда его мобильник пискнул, сообщая о полученной СМС-ке. Сообщение было от Игоря:

«Отец просит заехать к нему в удобное для вас время».

XVI

Панкратов всего один раз был в офисе Аслана Касеева, но встретили его так, будто сразу узнали. Едва он назвал охраннику свою фамилию, как на вахте появился молодой человек, похожий на банковского клерка, референт Аслана, приветливо предложил:

— Проходите, Михаил Юрьевич, шеф вас ждет. Вы удачно приехали, через десять минут у него переговоры с немецкими инвесторами.

На этот раз лифт доставил их не в зимний сад, а остановился на втором этаже. Они проследовали через просторную приемную, референт открыл дубовую дверь с массивными медными ручками, похожими на дворцовые, пропустил Панкратова вперед, а сам остался в приемной.

Кабинет Аслана Касаева был обставлен антикварной мебелью, тщательно отреставрированной, у окна стоял необъятных размеров стол на львиных лапах, с массивным мраморным письменным прибором, с чернильницами, закрытыми бронзовыми крышками затейливого литья, со столешницей, затянутой зеленым сукном. Со всем этим канцелярским великолепием стародавних времен не очень-то сочетались большая плазменная панель и черное кожаное кресло «Boss» с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Но самого Аслана, судя по всему, это несоответствие не смущало. Он поднялся из-за стола навстречу Панкратову, пожал ему руку и сразу предупредил:

— Кофе не предлагаю, нет времени. Игорь рассказал мне о вашем расследовании. Хорошая работа, Михаил Юрьевич. Результат, конечно, неожиданный и тяжелый. Но есть в нем и оптимистичный момент. Небольшой, но есть. Вот говорят, что молодежь бездуховная, забыла, что такое долг и честь, что ее ничего не интересует, кроме собственных удовольствий. Но это смотря какая молодежь.

Он открыл вмонтированный в стену сейф, извлек из него несколько пачек банкнот в банковской упаковке, спросил:

— У вас есть куда положить? Сумка, кейс?

— Нет.

Аслан открыл дверь в приемную.

— Девочки, какой-нибудь пакет, быстро. Самый обыкновенный.

Сложил деньги в полиэтиленовый пакет с надписью «Благодарим за покупку» и положил его перед Панкратовым.

— Ваш гонорар.

В пакете поместилось пять пачек долларов по десять тысяч каждая.

— Аслан, я на столько не поработал, — самокритично заметил Панкратов.

— Еще поработаете. Я вот о чем хочу сказать. Наши недруги говорят, что осетины мстительны. Нет, мы не мстительны, мы справедливы. Каждое зло должно быть наказано, так мы понимаем справедливость. Прекрасный молодой человек в могиле, а та, из-за кого это произошло, на свободе и разъезжает по заграницам. Это чудовищная, дьявольская несправедливость. С этим нельзя мириться.

Панкратов усмехнулся.

— Проще всего ее пристрелить.

Но Аслан не поддержал шутку.

— Нет, мы не в средневековье. Она должна сесть и сидеть столько, сколько отмерит ей суд.

— А как вы это себе представляете? — поинтересовался Панкратов. — Присяжные ее оправдали, Мосгорсуд оставил приговор в силе. Кассацию будет рас-

сматривать Верховный суд. Вряд ли его решение будет другим.

— Это мы еще посмотрим. Как фамилия этой суки?

— Керженцева.

— Где ее судили?

— В Красногорске.

Аслан сделал пометку в еженедельнике.

— Я этим займусь. А вы подумайте, как подойти к делу.

— Вы говорите со мной по просьбе Игоря?

— И да, и нет. Это история пригнула его к земле, лишила воли. Я пришел в ярость, когда это понял. Я ему сказал: ты потомок аланов, которые никогда не сдавались. Нет безнадежных дел. Есть безвольные люди. Если ты смиришься с этой несправедливостью, ты мне не сын.

— Сурово, — оценил Панкратов.

— А как иначе? Я люблю сына и хочу, чтобы он стал настоящим мужчиной. А сейчас извините, меня уже ждут в переговорной.

Через месяц, рассмотрев кассационную жалобу, Верховный суд постановил: оправдательный приговор Красногорского городского суда отменить, дело вернуть на доследование.

Часть вторая

«КРАСНЫЙ УГОЛ»

I

Будущему историку, который займется Россией начала двадцать первого века, придется поломать голову над многими загадками. Самая загадочная из них: как могло случиться, что никому не известный чиновник питерской мэрии, которому не нашлось места даже в изданном в 1994 году справочнике «Кто есть кто в России» между журналистом Пумпянским и эстрадной певицей Пьехой, как этот человек всего через шесть лет стал президентом России? Что могло произойти, чтобы население, последними словами костерившее пьяницу Ельцина, с энтузиазмом восприняло его преемника, бывшего офицера КГБ, что для демократической России тех лет казалось совершенно невозможным? Говорили, что во власть его продвинул злой гений российской политики Березовский, которому пришлось поспешно улетать от своего назначенца в Лондон, чтобы не оказаться в тюрьме. Говорили, что это фигура компромиссная, временная и будет заменена на кого-нибудь из политических тяжеловесов вроде министра атомной энергетики Адамова, который

тоже попал под суд и был рад, что отделался условным сроком. Много чего говорили.

У Панкратова был свой ответ на эти вопросы, не претендующий на научность. Он застал позднего Брежнева, пожил при Черненко, Андропове, Горбачеве, Ельцине. Наблюдая за перемещениями фигур в верхах, он пришел к выводу, что ошибаются те, кто считает, что власть это приз, который достается самому сильному, самому умному или самому ловкому. Нет, власть — это что-то вроде плазмы, живущей по своим законам. Она всегда ищет себе вместилище. Когда вместилище прочное, власть еще больше укрепляет его и сообщает ему энергию ядерной силы. Когда прежнее вместилище ветшает, плазма власти перетекает в другое. Так от Николая Второго она перетекла в Ленина, а от него не в яркого харизматичного Троцкого, а в невзрачного канцеляриста Сталина. Надежным вместилищем плазмы власти оказался Брежнев, которого поначалу тоже считали временной, компромиссной фигурой. А вот, восемнадцать лет просидел в Кремле. Горбачева хватило всего на шесть лет, плазма власти перетекла в Ельцина, а от него в президента Путина. В нем она нашла надежное вместилище.

Да, ему повезло с ценами на нефть. Но он и сам умело укреплял свою власть.

Бизнесмены, с которыми Панкратов постоянно имел дело, поначалу с одобрением восприняли то, как молодой президент наводит в стране порядок. Все устали от неразберихи 90-х годов и предпочитали не вспоминать, что именно в мутной воде «лихих девяностых» многие сколотили свои состояния. Но по мере того как укреплялась вертикаль власти и набирали силу

чиновники, а силовики из правоохранительных структур сначала приспособились крышевать доходные бизнесы, а потом начали их присваивать, предприниматели забеспокоились. Это было не по понятиям. Политики могут сколько угодно душить свободную прессу и независимое телевидение, отменять выборы губернаторов, превращать Госдуму в послушный придаток исполнительной власти, но бизнесу они мешать не должны. Бизнес вытащил страну из разрухи начала 90-х годов, бизнес давал работу и средства к существованию десяткам миллионов людей. А как можно вести дела, если не знаешь, когда в твой офис ворвутся вооруженные люди в масках и положат всех на пол?

За восемь лет президентства Путина и четыре года правления его назначенца Медведева российская политика утратила всякую содержательность. Панкратов однажды поймал себя на том, что перестал читать газетные статьи — достаточно посмотреть на фамилию автора, чтобы узнать, что он скажет. К зиме 2012 года что-то начало меняться. Обратная рокировка, которую с обескураживающей непринужденностью произвели президент Медведев и премьер Путин, и небывалые фальсификации на выборах в Госдуму вывели на улицы Москвы сначала тысячи, а потом десятки тысяч людей. При всей своей нелюбви к массовым мероприятиям, Панкратов пошел на митинг на проспекте Сахарова, потолкался в благодушно настроенной толпе, послушал ораторов и понял, что ни к чему эти протесты не приведут. Власть меняют не сытые, хорошо одетые люди, а голодные и злые, как в 91-м году. Митинговая активность родила у либерально настроенных публицистов совершенно неоправданные, по мнению

Панкратова, ожидания: что Путин проиграет президентские выборы 2012 года, а если выиграет, то не в первом туре. Он оказался прав, Путин получил в первом туре 63 процента голосов избирателей.

Что это за избиратели, Панкратов хорошо себе представлял. Глухая российская провинция с тысячами вымороченных деревень, населенных стариками и старухами, больше всего боявшимися, что новая власть урежет их жалкие пенсии. Жители рабочих поселков и небольших городов с зашкаливавшей безработицей. Да и в городах-миллионниках и в самой Москве большинство населения составляли бюджетники, полностью зависящие от начальства. Здесь жили получше и тем более не хотели никаких перемен. Без малого столет Россия жила в ужасающей нищете, в бараках и коммуналках, с постоянными заботами, как накормить и одеть детей. Призрак голода неистребимо сидел в самих генах народа. Впервые за многие десятилетия в России не давились в очередях, все что нужно покупали, а не доставали, некоторым даже удавалось приобретать квартиры. Как долго голодавший человек набрасывается на хлеб, так и люди жадно покупали жилье, машины, одежду, еду. А кто там сидит наверху — Путин, Медведев или оба вместе? Да какая разница, лишь бы не мешали жить. Они тоже не хотели никаких перемен. Хватит с нас перемен, плавали, знаем. Путин обещает стабильность? Мы «за».

Панкратов их понимал. Его тоже не очень волновало, кто там сидит наверху. Больше волновало другое. За двадцать постсоветских лет в обществе произошли какие-то глубинные изменения. Они касались не внешних обстоятельств жизни, а вещей более тонких,

нематериальных. Как невидимые нервные волокна пронизывают мозг и определяют его деятельность, так и моральные основы, заложенные природой, воспитанием и условиями жизни, влияют на поступки людей. Если молодая женщина, ни в чем не испытывавшая нужды, хладнокровно задумывает и осуществляет убийство мужа, значит что-то в ее голове не так. И не очень понятно, это индивидуальный моральный вывих или следствие тех самых глубинных перемен в обществе. Если молодой офицер, сохранивший в душе понятия о долге и чести, пускает пулю в висок — это аномалия или норма?

Никогда Панкратов не предполагал, что ему придется задумываться о таких тонких материях.

II

Постановление Верховного суда, отменившего оправдательный приговор Ирине Керженцевой и таким образом поддержавшего сторону обвинения, в Красногорской прокуратуре и следственном управлении никого не обрадовало, как можно было бы ожидать. Напротив — вызвало резкое недовольство, какое всегда вызывает бессмысленная работа, свалившаяся по воле начальства. Почему эта работа бессмысленная, Панкратову объяснил следователь Молчанов:

— Что мы можем доследовать, когда обвиняемых нет? Лежнёва нет, Керженцевой нет. Адвокат уже наверняка сообщил ей о решении Верховного суда, в Россию ее теперь ничем не заманишь. Даже если

вдруг сдуру придет — что? Ну, арестуем, посадим в Лефортово. А с чем выходить на суд? Лежнёва нет. А без него суд кончится так же. И снова будем сидеть по уши в говне. Мне это надо? Прокурор и так на меня волком смотрит.

— Ордер Интерпола на Лежнёва не отменен, — напомнил Панкратов.

— А толку? Ордер есть, а человека нет. Где его искать? Он может сидеть в любой стране, хоть в Швейцарии, хоть в Греции. И пока не сунется за пределы Шенгенской зоны, никакой Интерпол его не найдет. И он это знает.

— Что же вы намерены делать?

— Как что? Проводить следствие. Через некоторое время вынесу постановление: «Следствие приостановить в связи с ненахождением обвиняемых». И дело будет лежать, пока мыши его не съедят.

— Слабое решение, — оценил Панкратов. — Не бойтесь, что вас обвинят в саботировании решения Верховного суда?

— Какое сильное?

— Ну, не знаю. Знаю только, что всегда полезно иметь побольше бумаг. Почему бы вам не вызывать Керженцеву на допрос?

— Куда я пошлю повестку? — удивился Молчанов. — Она за границей.

— А вы не обязаны это знать. Она вам сообщила об этом? Нет. Повестку пошлете на домашний адрес. Или на адрес офиса.

— И она сразу примчится? Вот она я?

— Не примчится. Вы пошлете вторую повестку. И третью. А потом объявите ее в международный ро-

зыск. И никто не сможет обвинить вас в бездействии. Вы действуете. И очень активно, вон сколько у вас бумаг.

Следователь с уважением посмотрел на Панкратова.

— Сечете фишку, Михаил Юрьевич. Чувствуется школа. Где вы изучали правила бюрократических игр?

— Везде. Они всегда одинаковые, во все времена. Если не можешь сделать дело, создай видимость деятельности. Вот и все.

— Спасибо за совет, так я и сделаю. У меня только один вопрос. У вас-то какой интерес в этом деле?

— Да как вам сказать? Еще сидит где-то внутри понятие справедливости. Зло должно быть наказано. Безнаказанное зло разбухает, как раковая опухоль и отравляет весь организм. И человека, и государства. Понимаю, что это выглядит атавизмом, но ничего не могу с собой сделать.

Уважение во взгляде Молчанова сменилось недоумением. Молодому следователю непросто было понять, как это человек с таким опытом, много чего повидавший на своем веку, может оставаться таким наивным. Справедливость. Какая справедливость? Что такое справедливость? Есть целесообразность. И больше нет ничего.

Через две недели документы, подготовленные следователем Молчановым, дошли до Российского национального бюро Интерпола. Старший оперуполномоченный Игорь Касаев подготовил запрос в Центральное бюро Интерпола в Лионе на объявление Ирины

Керженцевой в международный розыск и передал запрос и ордер на подпись генерал-лейтенанту Сибирцеву. Такой порядок, его подпись была обязательной. На следующий день Сибирцев вызвал его к себе.

Кабинет начальника Интерпола располагался в такой же пятнадцатиметровой клетушке, как и все помещения НЦБ. От массивной фигуры Сибирцева кабинет казался еще меньше. Как и все в Интерполе, он был в штатском, короткая стальная стрижка делала его похожим на взъерошенного ежа.

— Садись, — кивнул он Игорю. По старой милицеевской привычке Сибирцев ко всем обращался на «ты». К тем, кто постарше — по имени-отчеству, к молодым по имени или фамилии. «Ты» начальника означало, что он считает человека своим. Когда он переходил с новым сотрудником на «ты», это воспринималось как серьезное повышение по службе. Те, с кем он оставался на «вы», долго в Интерполе не задерживались.

— Мы уже объявляли эту даму в розыск, — недовольно проговорил он. — Она была арестована в Риме и экстрадирована в Россию. Я не ошибаюсь?

— Нет, Владимир Сергеевич, — подтвердил Игорь. — Ее судили в Красногорске, присяжные признали ее невиновной.

— Почему снова отправляем запрос?

— Верховный суд отменил оправдательный приговор. Дело возвращено на доследование. На вызовы в прокуратуру она не являлась. В офисе следователю сообщили, что обвиняемая за границей. Это заставило его обратиться к нам.

— Что ты знаешь об этом деле?

— Так, кое-что, — неопределенно ответил Игорь.

— Почему оно тебя заинтересовало?

— Дело напрямую связано с самоубийством Сергея Старостина.

Сибирцев нахмурился.

— Я же сказал тебе, что эта тема закрыта.

— Для вас закрыта. Для меня не закрыта. Сергей был моим другом.

Игорь был готов к тому, что Сибирцев наорет на него и выставит из кабинета, но он лишь провел обеими руками по стальному ежику волос, тяжело откинулся в кресле и приказал:

— Докладывай. Со всеми подробностями.

Слушая, Сибирцев все больше мрачнел. Когда доклад подошел к концу, долго молчал, как бы с недоумением покачивая тяжелой головой. Наконец, сказал:

— Поразительно. Сразу поверить в то, что она невиновна? И ведь не мальчик, опытный человек. Почему?

«Потому что он ее любил», — хотел сказать Игорь, но промолчал. Сибирцев ответил сам:

— Я тебе скажу почему. Плоды демократии — вот почему. Доигрались в свободу слова, твою мать. Если каждый день слышишь, что все воруют, везде коррупция, суды куплены, как молодежь будет смотреть на жизнь? Во что она будет верить?

— Но ведь воруют, — осторожно заметил Игорь. — И коррупция, говорят, есть.

— Я ворую? Нет. Ты воруешь? Нет. Значит, не все. Я говорил его отцу, когда он был еще не в полном ма-разме. Что ты делаешь, Николай Степанович? Ты же уродуешь психологию сына. Твое оголтелое критиканство убивает в нем веру в жизнь. Скажу больше —

в Россию. Она переживает не лучшие времена, а других не будет, если так и дальше пойдет.

— Вы знаете его отца?

— Я дружил с ним двадцать лет. Сейчас я бы ему сказал: это ты убил своего сына!

Он снова надолго угрюмо замолчал, потом подвинул к себе бумаги и размашисто расписался. Игорь уточнил:

— Красный угол?

— Какой же еще? Добавь: «Ургент» — «Срочно». Мы не очень многое можем сделать, но что можем, сделаем. Отправь немедленно. Свободен.

Через час документы ушли в Лион, в тот же день в информационном вестнике «Разыскиваются Интерпол» появилось новое имя: «Ирина Керженцева, гражданка России, 28 лет, обвиняется в убийстве». В ста семидесяти девяти национальных бюро ордер был помечен значком «Красный угол» и отметкой «Urgent».

Одно дело было сделано. Но что делать дальше, ни Панкратов, ни Игорь Касаев не имели ни малейшего представления.

III

— Давай порассуждаем, — предложил Панкратов, когда Игорь заехал к нему за ноутбуком Сергея Старостина, который давно пора было вернуть его матери. — Как Интерпол может найти человека?

— Вы об Ирине? Или о Лежнёве?

— Об обоих. Они расплачиваются банковскими карточками в магазинах, в ресторанах. Это фиксируется вашими машинами?

— До этого техника еще не дошла. Если купят билет на самолет и заплатят карточкой, это отлеживается.

— А если заплатят наличными?

— Нет. Разве что сдуру назовут свое имя. Но на это трудно рассчитывать. Имя можно назвать любое. А они оба очень не дураки.

— Адвокат, — подумав, сказал Панкратов. — Вот кто может знать адрес или телефон Ирины.

— Не скажет.

— Это как спросить.

— А с чем мы к нему придем? Дайте нам адрес вашей подзащитной, мы хотим вытащить ее в Москву и посадить в кутузку?

— Да, не очень, — согласился Панкратов. — Посиди, я заварю чай.

Пока он возился на кухне, Игорь сначала хотел сунуть ноутбук Сергея в спортивную сумку, но потом передумал и включил его в сеть. Он не знал, почему это сделал. Все файлы он внимательно изучил, ничего нового в них быть не могло. Но они еще как бы связывали его с другом. Когда компьютер вернется к его матери, эта ниточка оборвется.

— У тебя девушка есть? — спросил Панкратов, внося поднос с чаем.

— Есть.

— Москвичка?

— Приезжая, из Саратова. Учится в Институте культуры в Долгопрудном. Заезжать за ней целое дело.

Пробки жуткие. На кольцевой и на улице Свободы. А что делать? Приходится.

— Жениться не собираешься?

— Пока нет.

— Что так? Не любишь?

— Знаете, Михаил Юрьевич, я сейчас от этого слова вздрагиваю. Как подумаю, что делает с человеком любовь, становится не по себе. Говорят, что любовь — страшная сила. Раньше я этого не понимал. Сейчас тоже не до конца понимаю. А вы знаете, что такое любовь?

— Догадываюсь, — усмехнулся Панкратов. — Любовь — этот как жираф. Один раз увидишь и уже ни с чем не спутаешь. А многие ли видели живого жирафа? Не многие. И вот подумаешь — повезло им или не повезло? Мне повезло, я не видел. Пей чай, остывает.

Игорь посмотрел на ноутбук, на иконки рабочего стола на мониторе и озабоченно проговорил:

— Даже не представляю, что я скажу Нине Яковлевне. А она обязательно спросит, что мы узнали.

— Ничего, — ответил Панкратов. — Так и скажи: к сожалению, ничего узнать не удалось. Не нужно ей ничего знать.

— Может, вы сами отвезете компьютер? А, Михаил Юрьевич?

— Нет, Игорь, придется тебе. Я ей чужой человек, а ты друг ее сына. Расскажешь, какой у нее был замечательный сын. Ей будет приятно это услышать.

— Да, придется мне, — со вздохом согласился Игорь и рассеянно ткнул курсором в иконку «Outlook Express». Компьютер мелодичным звонком известил,

что принято новое сообщение. Игорь удивился: — А это еще что?

Письмо было на французском языке. Он пробежал глазами текст и с недоумением посмотрел на Панкратава.

— Ничего не понимаю!

— Я тем более. Переводи, чего ты ждешь?

Игорь перевел:

— «Серж, ты не забыл напомнить Ирэн, что за ней остался небольшой должок? До меня дошли слухи, что она уже на свободе. Рад за нее. На мои письма она не отвечает, на встречи не приходит. Это наводит меня на мысль, что она забыла старых друзей. Намекни ей, что это очень неосмотрительно, я могу создать ей много проблем. Чао, малыш». Без подписи.

— Лежнёв? — спросил Панкратов.

— Он. Адрес его: «Тулон 68».

— Когда послано письмо?

— Месяц назад. Принято только сейчас, ноутбук был все время выключен.

— Значит, он знает, что суд ее оправдал, но не знает, что приговор отменен. Так?

— И еще он не знает, что Сергей погиб.

— Это понятно. Откуда бы ему знать? По телевизору об этом не говорили, в газетах не писали. Нельзя определить, откуда отправлено письмо?

— Нет. Мог послать из любого интернет-кафе. А они сейчас есть везде, даже в Африке.

— Очень интересно, — проговорил Панкратов. — Давай подумаем, что это нам дает.

— Что?

— Вот что: хороший повод для визита к адвокату.

IV

Юридическая фирма «Захаров и сын» арендовала офис в многоэтажном здании «Ингосстраха» неподалеку от проспекта Мира, рядом с троллейбусным парком. В фойе вахты не было, но на этажах дежурили вежливые охранники с наметанным глазом. Внешний вид Панкратова и его молодого спутника никаких подозрений у дежурного не вызвал, он назвал номер комнаты приемной адвоката Захарова, но проследил, чтобы посетители зашли именно туда, а не начали шастать по этажу.

За компьютером в современной и довольно безликой приемной сидел очень молодой человек, лет девятнадцати, с бледным лицом и жиденькой бороденкой. Как понял Панкратов, это был сын адвоката, набирающийся опыта в фирме отца, чтобы со временем стать его полноправным партнером.

— Господа, что вам угодно? — спросил он с ледяной вежливостью.

— Хотелось бы поговорить с Ильей Иосифовичем, — ответил Панкратов.

— Вы записаны на прием?

— Нет.

— Отец не сможет вас принять. Он принимает только по предварительной записи.

— А вы спросите, — посоветовал Панкратов. — Вдруг сделает исключение?

— Как вас представить?

— Советник по безопасности Национальной алкогольной ассоциации Панкратов.

— Старший уполномоченный Российского национального бюро Интерпола Касаев.

— Могу я взглянуть на ваши документы?

Он старательно переписал фамилии и должности посетителей на отдельный листок.

— Подождите, спрошу.

Через несколько минут появился из кабинета адвоката:

— Заходите.

Знаменитый адвокат Илья Иосифович Захаров недовольно оторвался от документов, загромождавших его стол, сухо предложил:

— Прошу садиться.

Захарову было лет пятьдесят. Осанистый, с выразительным смуглым лицом и седой прядью в длинных волосах, с глубоким звучным голосом, он часто мелькал в телевизоре, клиентами его фирмы были очень известные VIP-персоны. Их фотографии с дарственными надписями висели в простенках его кабинета между книжными стеллажами, там же были дипломы международных юридических ассоциаций, членом которых он состоял, на видном месте красовалась золотая медаль с дипломом премии имени Плевако, высшей награды Гильдии адвокатов.

— Что привело вас ко мне? — сухо поинтересовался адвокат. — Ни Национальная алкогольная ассоциация, ни Интерпол в чисто моих клиентов не входят. Касаев. Знакомая фамилия, — отвлекся он. — Вы имеете отношение к Аслану Касаеву, владельцу компании «Мегаполис»?

— Некоторое, — скромно ответил Игорь. — Это мой отец.

— А он мой давний клиент. И так, господа?

— Вы защищали Ирину Керженцеву в Красногорском суде, — начал Панкратов. — Очень умело защищали, я читал протоколы заседаний. Ее оправдание присяжными ваша заслуга.

— Я сделал свою работу.

— Вы сообщили своей подзащитной, что Верховный суд отменил приговор?

— Разумеется, это моя обязанность.

— Как вы сообщили?

— Что значит как?

— По телефону, по электронной почте, телеграммой, письмом?

— Не понимаю, почему вы об этом спрашиваете. По телефону.

— У нас есть для нее важное сообщение. Но мы не знаем, как с ней связаться.

— Вы хотите, чтобы я дал вам ее телефон? Я правильно понял?

— Правильно.

— Какое сообщение?

— Она недоплатила Лежнёву 200 тысяч евро. Он попросил напомнить ей об этом. Дал понять, что иначе у нее могут появиться серьезные проблемы. Павел Лежнёв. Вы поняли, о ком идет речь?

— Обвинение пыталось сделать его сообщником моей подзащитной.

— Он и был ее сообщником, — подтвердил Панкратов.

— Уважаемый Михаил Юрьевич, — сказал адвокат, заглянув в принесенную сыном бумажку. — Вы ставите меня в двусмысленное положение. Вы уверены, что

моя подзащитная преступница. Я уверен в обратном. И речи не может быть о том, чтобы я сообщил вам ее телефон. Это сугубо конфиденциальная информация. Если это все, что вы имели мне сказать, не смею более вас задерживать.

— В общем, все, — кивнул Панкратов, вставая. — Вы знаете, что ей передать. Можете добавить, что ее разыскивает Интерпол.

— Минутку, — вмешался Игорь. Он набрал на мобильнике номер. — Отец, мы с Михаилом Юрьевичем у адвоката Захарова. По известному тебе делу. Попросили его дать телефон Керженцевой. Ни в какую. Говорит, конфиденциальная информация. Не знаем, что делать. Не подскажешь?.. Дать ему трубку? Даю.

* — Приветствую, Аслан, рад вас слышать, — заговорил адвокат. — Да, я очень это ценю, таких клиентов у меня немного... Аслан, вы толкаете меня на нарушение профессиональной этики... Понял, понял. Я подумаю, как разрешить эту коллизию.

Захаров вернул Игорю мобильник и обратился к Панкратову:

— Дать ее телефон я не могу. По той простой причине, что не знаю его. Она звонит сама. Номер на АОНе не определяется. Возможно, звонит из уличных автоматов. И это очень благоразумно с ее стороны. Единственное, что могу вам твердо обещать: я передам ей ваше сообщение. Как только она позвонит. И это все, что я могу сделать.

— Врет? — спросил Игорь, когда они вышли из офиса. — Что не знает телефона?

— Может, врет. Может, не врет, — отозвался Панкратов. — Вполне может не знать. Но это нам не так

и важно. Важно, что она получит весточку от Лежнёва. И ей придется совершать какие-то телодвижения.

— Какие?

— Самое разумное — отдать ему 200 тысяч евро. Для нее это не деньги. Но их нужно будет перевести со счета на счет. Тут она и засветится.

— А что делать нам?

— Ждать.

Недели через три в квартире Панкратова раздался ночной звонок. Звонил Игорь Касаев.

— Михаил Юрьевич, вы не могли приехать ко мне на службу?

— Что случилось?

— Она совершила телодвижение. Но совсем не такое, как мы ожидали.

— Какое?

— Не по телефону.

— До утра не терпит?

— Нет. Я не могу к вам приехать, у меня ночное дежурство.

— Еду. Диктуй адрес.

— Возьмите паспорт, пропуск закажу. Записывайте...

V

Был третий час ночи, когда Панкратов подъехал к темной башне Зонального информационного центра МВД. Новочеремушкинская улица была совершенно безлюдна, в домах светились только лестничные про-

леты. Синей громадой уходило в небо здание Газпрома, подсвеченное прожекторами. В цоколе информационного центра горел сиротский дежурный свет, окна всех семнадцати этажей были непроницаемо черны, лишь на восемнадцатом освещены несколько кабинетов. Панкратов остановил машину у входа, тут же из темноты возник полицейский с автоматом Калашникова, строго предупредил:

— Отгоните на парковку, здесь не положено.

Прапорщик, дремавший на вахте, выписал Панкратову пропуск и позвонил по внутреннему телефону:

— Касаев, к тебе, спустись.

Ожил один из лифтов, Игорь Касаев озабоченно поздоровался с Панкратовым и сопровождал его на восемнадцатый этаж. Панкратов с интересом осматривался. В таинственном Интерполе не было ничего таинственного, обычная контора с длинным скучным коридором и десятком дверей. Кабинет оперуполномоченного Касаева тоже был самым обычным, только что тесным от компьютеров и оргтехники. На мониторе рабочего компьютера застыл длинный текст на английском языке.

— Сообщение из Лиона, — объяснил Игорь. — Поступило два часа назад, я сразу вам позвонил. Пока вы ехали, перевел. Читайте, — предложил он, открывая другой файл.

Панкратов прочитал:

«Информация для Российского НЦБ. Вчера около полуночи по местному времени в Центральную больницу Марсея «Hôtel-Dieu de Marseille» был доставлен человек с глубоким ножевым ранением, полученным в результате разбойного нападения на него в районе

Старого порта. При пострадавшем было обнаружено водительское удостоверение, выданное на имя Павла Лежнёва, 35 лет, гражданина Франции. Утром, после оказания ему первой помощи, он пояснил инспектору полиции Морису Фернану, что возле бара «Le Grand Marin», расположенного на rue Sainte, на него неожиданно напал молодой араб. Но он оказал сопротивление, после чего араб поспешно скрылся. Свидетелями нападения были двое молодых людей, сообщивших полиции приметы преступника. На следующий день араб был задержан. Им оказался гражданин Франции Хасан Эль-Мюрид, 22 лет, выходец из Алжира, он арестован и помещен в тюрьму Сент-Анн.

Инспектор Фернан подал рапорт о происшествии, оно попало в криминальную хронику, мониторинг которой постоянно осуществляется Интерполом. Обнаружив в ней Павла Лежнёва, находящегося в международном розыске, Центральное национальное бюро Франции оперативно связалось с полицией Марселя и распорядилось арестовать Лежнёва. Сделать это не удалось. Лежнёв скрылся из больницы, несмотря на то, что из-за ранения потерял много крови. В настоящее время предпринимаются меры к его обнаружению».

— Вы поняли? — возбужденно спросил Игорь, когда Панкратов дочитал сообщение. — Она решила сэкономить двести тысяч евро!

— Она? — переспросил Панкратов.

— А кто же еще? Адвокат передал ей весточку от Лежнёва. Через три недели на него нападает араб. Зачем? Чтобы не платить. Все сходится.

— Не спеши. Почему Лежнёв, а не Леже?

— Так у него в паспорте. Соответственно и в правах.

— Как она узнала, что он в Марселе?

— Он же назначал ей встречи. Вспомните его письмо.

— Ну, положим. Но арабы тоже не работают бесплатно.

— Не за такие же бабки. Я почему позвонил? Мне нужно срочно лететь в Марсель. Лежнёв где-то там. Тамошняя полиция активнее зашевелится, если будет знать, что их контролирует офицер российского Интерпола. Согласны?

— Опять спешишь, — недовольно проговорил Панкратов. — Нет, Игорь, здесь что-то не так. Даже если допустить, что нападение организовала Ирина, мотивация у нее совсем другая.

* — Избавиться от шантажиста? Тоже верно. Он же будет тянуть с нее деньги до морковкина заговенья.

— И это не так. Она знает, что Верховный суд отменил приговор. И знает, что без Лежнёва присяжные снова ее оправдают. Убрать его навсегда — вот это уже серьезный мотив. За это никаких денег не жалко.

— Вы правы, — согласился Игорь. — Я об этом не подумал. Значит, заказываю билет? Паспорт у меня служебный, шенгенская виза открыта. Командировку Сибирцев не даст, у нас это целое дело, командировки подписывает замминистра МВД. Неважно, возьму дня три в счет отпуска, полечу на свои, деньги возьму у отца.

— Деньги возьмешь у меня, Аслан финансировал наши расходы.

— Тем лучше. Прямо с утра еду в аэропорт, к вечеру буду на месте и возьму их за жопу... Снова что-то не так?

— Мы исходим из того, что нападение на Лежнёва организовала Ирина. А если это случайность? Обкуренный араб увидел хорошо одетого поддатого господина, решил ограбить. Обычное дело.

— Таких случайностей не бывает, — не очень уверенно возразил Игорь.

— Бывают и не такие. Вот зачем ты полетишь в Марсель. Активизировать полицию — это уж как получится. Думаю, никак не получится. Нет, главная твоя задача — допросить араба. Как его?

— Хасан Эль-Мюрид.

— Вот-вот, его. Мы должны твердо знать, кто стоит за нападением. Ирина — значит, она. Случайность — значит, случайность.

— Что будем делать, если случайность?

— Думать.

Утром Игорь выехал в Шереметьево. В тот день прямых рейсов на Марсель не было, они выполнялись по понедельникам, четвергам и субботам. Пришлось лететь через Париж. Через четыре часа он был в аэропорту Шарля де Голля, переехал на Лионский вокзал и через три часа вышел из вагона скоростного поезда TGV в Марселе на железнодорожном вокзале Сен-Шарль.

VI

Игорь Касаев часто бывал за границей. И по службе, когда его посылали экстрадировать в Россию арестованных преступников, и раньше с родителями. С отцом, когда ему удавалось выкроить хотя бы неделю

из своего рабочего графика, прилетали в Канны и плавали на его яхте «Лола» вдоль средиземноморского побережья. Мать, хозяйка художественной галереи «Лола артуа», брала его с собой на биеннале в Венеции, на вернисажи в Лондоне и Париже. В Марселе он никогда не был.

При первом взгляде город не произвел на него впечатления — замусоренный, как все южные города вроде Одессы, с кварталами скучной типовой застройки, как в Новых Черемушках. В нем наверняка было на что посмотреть, но Игорь прилетел не на экскурсию. В главном полицейском управлении на улице Сен-Ферволь его любезно принял помощник комиссара, слегка удивился оперативности, с какой Москва отреагировала на заурядное криминальное происшествие, и заверил, что делается все для поисков Лежнёва. Вся агентура сориентирована, все больницы предупреждены, они сразу сообщат, если к ним обратится с человек с ножевым ранением. Задержание его — вопрос времени. Если, конечно, он еще не покинул Марсель, что маловероятно в его состоянии. После чего чиновник деликатно сплавил московского гостя инспектору Фернану, который ведет это дело. Игорь понял, что Панкратов был прав, его намерение своим присутствием активизировать марсельскую полицию было по меньшей мере наивным. Как всякий хорошо отлаженный механизм, она функционировала по своим законам и никакого постороннего вмешательства не допускала.

Морис Фернан оказался крепким приземистым человеком с живым смышленным лицом. Он сидел в стеклянном офис-боксе в полной полицейской форме, повесив китель на спинку стула и распустив галстук.

Ремни наплечной кобуры обтягивали его широкую грудь, из кобуры торчала рукоять «Беретты», на ремне висели наручники. Он был всего года на три старше Игоря, это сразу расположило их друг к другу, они быстро перешли на «ты». Фернан показал московскому коллеге видеозапись двух допросов Хасана Эль-Мюрида, которые он успел провести в тюрьме Сент-Анн. Араб был прекрасно сложен, с красивым лицом эллинского типа. Сильно нервничал, но твердил, что не собирался нападать на Лежнёва, только хотел потребовать, чтобы он не преследовал его женщину. Но Лежнёв первый ударил его в лицо, после этого ему ничего не оставалось, как схватиться за нож. В доказательство демонстрировал синяк под глазом. На вопросы, кто эта женщина, отвечать отказался. Она занимает высокое положение в обществе, он не может ее компрометировать. Трехчасовые допросы ничего не дали.

— Врет? — спросил Игорь.

— Конечно, врет. Типичная попытка ограбления. Но не того напал, этот Лежнёв оказался малый не промах.

— Есть у вас на Хасана что-нибудь?

— Ничего серьезного. Однажды прихватили на торговле наркотой, но доказать не удалось, выкрутился. Вообще-то он жиголо. Цепляет на пляже и в барах богатых туристок. Американок и немок. Русские тоже попадают. А что? Молодой, красавчик. Находятся любительницы, платят. Но это не преступление. Теперь не выкрутится. Вооруженное нападение, получит лет пять.

У Игоря была мысль попросить инспектора разрешить ему допросить араба, но он понял, что это ни-

чего не даст. Хасан будет твердить то же, что и Фернанду, этим и кончится. Азартное возбуждение, с которым Игорь летел в Марсель, сменилось унынием и досадой.

— Ты к нам надолго? — спросил Морис.

— Нет. Мне больше нечего здесь делать.

— А зачем прилетал?

— Продемонстрировать нашу заинтересованность в поимке Лежнёва. И поговорить с тобой. Программа выполнена.

— Задержись на пару дней, покажу тебе Марсель, — гостеприимно предложил инспектор. — Это замечательный город, моя семья живет здесь уже триста лет. А ты покажешь мне Москву, если я туда когда-нибудь попаду. Увидишь замок Иф. Тот, где сидел Дантес. Есть такой знаменитый роман «Граф Монте Кристо». Не читал?

— Читал еще в детстве. Потом не раз перечитывал. И замок Иф хорошо себе представляю.

— Представлять не то. Увидеть своими глазами совсем другое.

— Лучше покажи мне бар «Le Grand Marin», — попросил Игорь. — Тот, возле которого Хасан напал на Лежнёва.

— О'кей. Только скажу начальству, что меня сегодня не будет. Сопровождаю коллегу из Москвы, укрепляю международное сотрудничество. А это очень, очень важное дело.

Минут через двадцать маленький двухдверный «ситроен» инспектора припарковался на тихой rue Sainte на пустой площадке возле бара «Le Grand Marin».

— Вот здесь это и произошло, — объяснил Фернан. — Твой парень вышел из бара, остановился закурить, тут араб на него и напал.

Игорь осмотрелся и с сомнением покачал головой:

— Не очень удачное место для ограбления, просматривается насквозь.

— Это сейчас, ночью здесь темно. И огни бара слепят.

— Зайдем? — предложил Игорь.

— Нет, коллега, этот бар мне не по карману.

— О чем ты говоришь, Морис? Я приглашаю.

— Ну, если ты сын миллионера...

Бар был отделан с вызывающей роскошью. Длинная стойка из красного дерева с мягкими кожаными табуретами. С десяток столиков с креслами оригинального дизайна, старинные морские гравюры на стенах. Обслуга в одежде, стилизованной под форму моряков. Бармен был похож на капитана, молоденькие официантки — на юнг. За спиной бармена, занятого тем же, чем занимаются бармены всего мира, когда нет посетителей — доведением бокалов до невероятного блеска, сиял зеркальный стеллаж с сотнями самых разных бутылок, собранных со всего мира. В баре были еще залы, но Игорь и Морис остались в этом, устроились за столиком неподалеку от стойки. В это время народу было немного, негромкая музыка не мешала, здесь можно было спокойно поговорить.

— Что будем пить? Виски? — спросил Игорь.

— Да ты что? — удивился Фернан. — Рано для виски. В Москве пьют виски в два часа дня?

— В Москве пьют виски в любое время. Когда оно есть. Шампанское?

— Шампанское ты будешь пить в Шампани или Пьемонте. Пино Гри Домен Марсель Дайс, — сделал Фернан заказ юнге. — Такое вино есть только у нас в Марселе.

Вино было торжественно доставлено в серебряном ведерке со льдом. Официантка разлила его по высоким бокалам и пожелала господам приятно провести время.

— За знакомство! — предложил Морис, а потом ревниво поинтересовался. — Ну как?

— Очень хорошо, — оценил Игорь. — Но я небольшой знаток вин.

— Вы, русские, ничего не понимаете в винах и в женщинах, — с сочувствием обобщил француз и начал с большим знанием предмета объяснять, чем именно ценится Пино Гри Домен Марсель Дайс. Игорь слушал, не перебивая, а сам думал, как бы получше перейти к делу.

— Так ты считаешь, что Хасан будет стоять на своем? — спросил он, воспользовавшись паузой в разговоре. — Что это было не ограбление, а ревность?

— А что ему остается? — пожал плечами Фернан. — Я не понял, тебя кто интересуется — Лежнёв или этот араб?

— Оба. Но Лежнёвым плотно занимается ваша полиция, тут я спокоен. А к арабу есть вопросы.

— Какие?

— Если Лежнёв не случайно попался ему на глаза, кто ему на него показал? Что это за таинственная женщина, если она реальность, а не выдумка?

— Не скажет.

— Это как спросить, — вспомнил Игорь Панкратова. — Ты не мог бы посадить меня к нему в камеру на пару дней? С сокамерниками люди бывают откровенными.

— Посадить тебя? К нему в камеру? — поразился Морис. — Как я тебя посажу? На каком основании? В России вы можете делать что хотите, а во Франции есть закон. Закон — это закон!

«Да чего же вы законопослушные! — с раздражением подумал Игорь. — Сами небось обходите закон, когда нужно!»

Настроение у него окончательно испортилось. Вот и слетал. С таким же успехом мог бы сидеть в Москве. Потомок аланов, блин. Которые никогда не сдаются.

«Ладно, будет тебе закон!» — решил Игорь.

— А если я нарушу закон?

— Это как? — не понял Морис.

— Например, устрою пьяный дебош в этом баре?

— С бутылки Пино Гри? — удивился инспектор.

— Можно взять еще. Будет основание посадить меня к арабу?

— Тогда будет.

— Обещаешь?

— Обещаю, обещаю, — засмеялся Морис.

— Ловлю на слове, — сказал Игорь, поднимаясь и извлекая из серебряного ведерка недопитую бутылку замечательного марсельского вина.

— Эй, что ты делаешь? — насторожился Фернан.

— Устраиваю дебош.

С этими словами Игорь размахнулся и метнул бутылку, как гранату, в сверкающий зеркальный стеллаж за стойкой бара. Зазвенели стекла, по полкам поли-

лось содержимое драгоценной коллекции. Бармен юркнул под стойку, юнги прыснули кто куда, посетители бара испуганно вскочили с мест. Игорь обернулся к Морису:

— Исполняйте свой долг, инспектор.

— Вы, русские, психи! Руки! — рывкнул Фернан.

На запястьях Игоря защелкнулись наручники, и уже к вечеру этого дня после тягомотных процедур оформления, фотографирования, дактилоскопирования, медосмотра и санобработки хмурый контролер провел его по коридорам тюрьмы Сент-Анн и втолкнул в камеру, по которой затравленным молодым зверем метался Хасан Эль-Мюрид.

VII

При появлении нового заключенного араб забился в угол и настороженно смотрел оттуда большими влажными глазами цвета зрелой маслины. Не обращая на него внимания, Игорь разложил на койке тюфяк, застелил простыни, которые выдали ему скрепленными пломбой, как в российских плацкартах, умылся в туалете, отделенном от камеры прозрачной шторой, вежливо сказал: «Бон суар». С наслаждением растянулся на койке и неожиданно для себя сразу заснул здоровым сном человека, которому выпал длинный нелегкий день.

Проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Камера была освещена тусклым синим светом, над ним нависало темное лицо араба.

— Проснись, приятель, — повторял он. — Проснись, нужно поговорить.

— Какого черта? — возмутился Игорь. — Завтра поговорим.

— Не успеем. За что тебя взяли?

— Тебе какое дело? Перебрал, устроил дебош в баре.

— Вот! Выпустят до суда под залог. Ты не француз, французы так не говорят. Итальянец? Испанец?

— Русский.

— Это хорошо, — почему-то обрадовался араб. — Ты меня поймешь.

Игорь сел на койке, недовольно кивнул:

— Давай, говори.

— Ты кого-нибудь любил?

— Ты что, шутишь? Нашел когда говорить о любви!

— Не шучу. Для меня это очень важно. Ты когда-нибудь любил — до безумия, до потери себя? Так, что тебя нет, а есть только она?

— Парень, у тебя поехала крыша.

— Что значит поехала крыша?

— Так у нас говорят. Ты спятил.

— Да-да, спятил. И счастлив. Я никогда не был таким счастливым. И никогда не был таким несчастным.

— Ну-ну, продолжай. Почему?

— Я не смог выполнить ее просьбу. Очень простую. Она попросила меня серьезно поговорить с человеком, который ее доставал. Чтобы он оставил ее в покое. А я облажался, затеял с ним драку.

— Хватит вешать мне лапшу на уши, — оборвал Игорь. — Ты хотел ограбить какого-то малого, а он оказался проворней тебя. Мне об этом рассказали в канцелярии тюрьмы.

— Я говорю правду! — запротестовал араб. — Клянусь Аллахом!

— Тебя как звать?

— Хасан.

— Вот что, Хасан. Если ты нуждаешься в отпущении грехов, тебе нужен мулла. А я православный. И на роль муллы не гожусь.

— Мне нужен ты. Только ты можешь мне помочь.

— Приятель, ты меня достал. Говори толком или иди к черту. Что нужно сделать?

— Скажи ей, что я люблю ее больше жизни. Как только выйду отсюда, убью этого подонка. Так и скажи.

— Ты выйдешь отсюда лет через пять.

— Пусть! Все равно выполню ее просьбу.

— Она твоя любовница?

— Нет, что ты! — ужаснулся Хасан. — Я об этом даже подумать не могу! Она святая. У меня было много женщин, но я даже представить себе не мог, что такие бывают!

— Давай-ка по порядку. Когда вы познакомились?

— Две недели назад.

— Где?

— На пляже Прадо. Она только посмотрела на меня и я понял: все, я пропал. Ты бы видел ее глаза. Огромные зеленые озера, в них можно утонуть.

— Давай без лирики. Как ты узнал, кого нужно замочить?

— Она мне его показала. Издали. Он часто бывал в баре «Le Grand Marin».

— Как ее найти?

— Она живет в отеле «Холидей Инн», это возле Старого порта.

— Имя?

Араб замялся.

— Звать-то ее как? — повторил Игорь.

— Нет, не могу сказать. Ты случайно проговоришься, попадет в газеты.

— Как же я ее узнаю?

— Это очень просто, — оживился Хасан. — Она по утрам спускается в холл. Ты ее сразу узнаешь. Золотые волосы, зеленые глаза...

— Слышал, слышал. Как озера. В которых можно утонуть. Ты хочешь, чтобы я заглядывал всем женщинам в лицо и смотрел, какие у них глаза? Я от тебя уже угорел. Говоришь имя?

— Не могу, — со вздохом сказал Хасан.

— Тогда спокойной ночи.

Но заснуть долго не удавалось. Мешал синий свет, мешал араб, тенью скользивший от стены к стене. Но больше всего мешали мысли.

Он почти не сомневался, что случайно вышел на след Ирины Керженцевой. Хасан оказался для нее легкой добычей. Какими же дьявольскими чарами обладает эта женщина, на раз подчиняющая мужчин своей воле? Солидный бизнесмен уходит из семьи. Молодой офицер забывает про долг и честь. Мальчишка-араб берет нож и идет убивать незнакомого человека. Непостижимо. Вот и подумаешь, не прав ли был Панкратов, когда сказал, что ему повезло не увидеть этого таинственного жирафа. Таинственного и жуткого. Как заглянуть в бездну.

Игорь Касаев в самых общих чертах представлял себе свое будущее. Женится на скромной осетинской девушке из хорошей семьи, обзаведется детьми, лучше бы двумя сыновьями и двумя дочерьями. Со временем

уволится из Интерпола и войдет в бизнес отца, а потом, возможно, возглавит холдинг. Предопределенность жизни всегда казалась ему естественной, нормой. Но сейчас он подумал, что уподобляется мореплавателю, просчитывающему маршрут без учета штормов, которые ждут его на пути. А вдруг возникнет в его жизни такое вот золотоволосое чудо с зелеными глазами, глубокими, как озера, и все расчеты пойдут насмарку? Кажется, Одиссей велел привязывать себя к мачте, чтобы не ринуться на губительный зов сирен. А тянуло, неудержимо тянуло.

С этими мыслями он и заснул.

Утром загремел ключ в замке, контролер приказал:

* — Касаев, к начальнику тюрьмы.

Хасан, за всю ночь не сомкнувший глаз, негромко сказал:

— Ирэн. Ее зовут Ирэн.

— Зачем мне имя? Фамилия?

— Де Бюсси. Ирэн де Бюсси. Сделаешь что я просил?

— Постараюсь.

Кабинет начальника тюрьмы находился в отдельном здании. Пока шли к нему, Игорь с любопытством осматривался. Тюрьма Сент-Анн ничем не напоминала Лефортово или Бутырку. Если бы не высокие бетонные стены со спиралью Бруно и вооруженной охраной, и не подумаешь, что это тюрьма. Корпуса окрашены в веселенький желтый цвет, во дворе много зелени, стадион с баскетбольными площадками. Игорь даже слегка пожалел, что ему не удалось поближе познакомиться с этим французским пеницитарным учреждением. И похоже, что не удастся.

В кабинете начальника тюрьмы его ждал инспектор Фернан, затянутый в полицейскую форму, мрачный, как грозовая туча. Начальник, похожий на знаменитого французского комика Луи де Фюнеса, но тоже хмурый, положил перед Игорем пакет из плотной желтой бумаги. В нем были его бумажник, мобильный телефон, ключи от машины и московской квартиры.

— Проверьте, все ли на месте.

— Все на месте. Что это значит?

— Распоряжение помощника комиссара. Вы свободны. Инспектор Фернан, передаю этого господина под вашу ответственность. Месье Касаев, надеюсь никогда больше вас не увидеть.

— На выход, коллега, — скомандовал Фернан.

У ворот тюрьмы был припаркован его «ситроен». Фернан посадил Игоря на заднее сиденье и заблокировал переднюю пассажирскую дверцу. Объяснил:

— Это чтобы ты не сбежал.

— Куда мы едем? — спросил Игорь.

— В аэропорт. Мне приказано посадить тебя на первый московский рейс и не уходить, пока самолет не взлетит.

— Морис, что происходит? Можешь сказать?

— Я получил от начальства мощный втык. Вот что происходит. Скажи спасибо, что дело удалось замять. В интересах международного сотрудничества между нашими странами. Ну ты и кадр! Мне говорили, что русские ненормальные. Но не до такой же степени!

— Я не русский, я осетин, — поправил Игорь.

— Осетины разве не русские?

— Не совсем. Как у вас корсиканцы. Французы, но не совсем.

— Тогда понятно, тогда все понятно, — с мрачным сарказмом покивал Фернан. — Что же ты сразу не сказал? Если осетин как корсиканец, тогда нет вопросов, им законы не писаны. Вот поэтому Россия в жопе. И останется там, пока вы не научитесь уважать закон!

— Мне очень жаль, Морис, что так получилось, — искренне покаялся Игорь. — Но у меня не было другого выхода, позарез нужно было поговорить с арабом. А хозяину бара я заплачу.

— Забудь, у него нет претензий.

— Вот как? Почему?

— Договорились. Мы закрываем глаза на его грешки с налогами, а он забывает об этом случае.

— Даже не знаю, чем я могу тебя отблагодарить.

— Тем, что будешь смиренно сидеть до самолета. Где твой багаж?

Никакого багажа у Игоря не было, он вылетел из Москвы совсем налегке, а в отеле, где он провел первую ночь, осталась только его зубная щетка. Но он сказал:

— В отеле «Холидей Инн».

— «Холидей Инн»? Да там самый дешевый съют стоит триста евро! Неплохо живут русские полицейские! — прокомментировал Фернан.

Он подогнал машину к отелю, выпустил пассажира и вошел за ним в холл, так что создавалось впечатление, что он конвоирует арестованного. Игоря это устраивало. Если Ирэн де Бюсси окажется Ириной Керженцевой, будет кому ее задержать. Но ночной уверенности, что это она, уже не было. Мало ли в мире золо-

товолосых женщин с зелеными глазами, обладающими колдовской властью над мужчинами!

— Мадмуазель, могу я узнать, в каком номере остановилась мадам де Бюсси? — обратился он к служащей, сидевшей за стойкой рецепшена.

— Графиня выехала еще вчера.

— Графиня? — переспросил Игорь.

— Да, графиня. Вы не знали?

— Конечно, знал. Но между друзьями титулы как-то не приняты. Она не сказала куда?

— Этого нам не говорят.

— Еще вопрос, мадмуазель. Сколько она здесь жила?

— Три недели, месье.

— Теперь я в твоём полном распоряжении, — обратился Игорь к Фернану.

— А багаж?

— Да какой там багаж. Зубная щетка и бритва.

— Опять ты что-то темнишь, — подозрительно сказал инспектор.

Всю дорогу до аэропорта он хмуро молчал, хотя Игорь чувствовал, что он о чем-то хочет спросить. И догадывался о чем. Когда объявили посадку на московский рейс, Фернан не выдержал:

— Ну, удалось тебе расколоть араба?

— Удалось. Это оказалось нетрудно.

— Что ты узнал?

— Ты очень удивишься, Морис, если я скажу, что Хасан на допросах говорил чистую правду?

— Думаешь, я поверю?

— Очень трудно поверить. Но это так. Счастливо, коллега. Приятно было познакомиться. Если окажешь-

ся в Москве, можешь устроить дебош в самом дорогом ресторане. И будем квиты.

С трапа Игорь оглянулся. Инспектор Фернан стоял на смотровой галерее и терпеливо ждал, когда самолет взлетит. Начальство приказало, он ждет. Французские полицейские народ очень дисциплинированный.

VIII

В Шереметьево Игорь забрал с платной стоянки свой «форд-фокус». Не заезжая домой, отправился к Панкратову, злясь на плотные пробки на Ленинградском шоссе и Тверской. А в Марселе никаких пробок не было.

— Быстро же ты обернулся! — удивился Панкратов.

Не ответив, Игорь прошел в комнату, где на письменном столе стоял включенный ноутбук Сергея Старостина, вывел его из режима ожидания и открыл электронную почту. Никаких новых сообщений не было, только старый мейл от Лежнёва, в котором он просил напомнить Ирэн о долге.

— Ничего нет, — разочарованно сказал Игорь.

— А чего ты ждал?

— Письма от Лежнёва. Он должен был отреагировать на араба. Не отреагировал. Значит, не смог. Он же ранен, потерял много крови. Отлеживается где-то в Марселе. Понимает, что его ищут.

— Или уже арестовали?

— Нет, я бы знал. Французская полиция такая же, как наша. Если не задержали по горячим следам, дело затянется неизвестно на сколько.

— Давай-ка все по порядку, — попросил Панкратов. — Сварить тебе кофе?

— Не откажусь.

Пока он хозяйничал на кухне, Игорь думал, о чем нужно рассказать Панкратову, а о чем не стоит. Решил, что о том, как он оказался в одной камере с арабом, говорить не следует. Панкратов — человек старой закалки, не поймет. Или поймет неправильно. Инспектор Фернан по дружбе посадил его на ночь к арабу. Вот и все. А об остальном можно.

Панкратов слушал, не перебивая, он умел слушать. Когда Игорь закончил и взялся за остывающий кофе, немного подумал и уверенно сказал:

— Это она.

— Не она, — возразил Игорь. — Я тоже сначала решил, что она. Это в ночлежках можно назваться кем хочешь. А в дорогих отелях обязательно требуют паспорт. Ирэн де Бюссе не может быть Ириной Керженцевой.

— Может. В свое время я наводил справки. Граф Жан Батист де Бюссе — ее первый муж, дипломат. Она тогда получила французское гражданство и паспорт на это имя. Наши законы двойное гражданство не запрещают. Не поощряют, но и не запрещают.

— Но они давно развелись.

— А паспорт она сохранила. Интерпол может сколько угодно искать Керженцеву и никогда не найдет.

— В Риме же ее арестовали, — напомнил Игорь. — Она была Керженцевой.

— Не прочувствовала ситуацию. Или не знала, что ее ищут. Сейчас знает. В ордер Интерпола нужно внести Ирэн де Бюсси. Сделаешь?

Игорь даже поежился, представив, как он будет обосновывать генерал-лейтенанту Сибирцеву это предложение. Придется доложить о том, о чем докладывать очень не хотелось. Начальник Интерпола терпеть не мог самодеятельности. Сама поездка капитана Касаева в Марсель, им не санкционированная, вызовет его раздражение. И не отболтаешься тем, что летал туда для собственного удовольствия. «Ладно, как-нибудь выкручусь», — подумал Игорь и кивнул:

— Сделаю.

— Недаром ты съездил, — обобщил Панкратов. — Теперь мы твердо знаем, кто стоит за нападением на Лежнёва. От этого и будем танцевать.

— Надо же, я разошелся с ней всего на один день! — подосадовал Игорь. — Почему она так поспешно уехала?

— Вероятно, узнала, что покушение не удалось.

— Откуда?

— Может, прочитала в газете. В городских газетах печатают криминальную хронику. Ладно, давай подумаем, как нам быть с Лежнёвым. У него-то нет ни малейших сомнений, кто навел на него араба. Что он сделает, когда отлежится?

— Попытается ее достать, — предположил Игорь. — И выкатить счет.

— Как? Где она живет, он не знает. Под каким именем, не знает. На его мейлы она не отвечала. А сейчас тем более не ответит. У него только один способ связаться с ней, вот этот, — кивнул Панкратов на ноутбук Сергея Старостина. — Но нам нет резона ждать, когда он оклемается. Попробуем ускорить события.

— Как?

— Узнаешь. Налей себе еще кофе и не отвлекай меня минут двадцать.

Панкратов устроился за столом, положил перед собой лист бумаги и проверил, пишет ли шариковая ручка.

— Михаил Юрьевич, есть же комп! — удивился Игорь.

— Я привык по старинке. Не мешай.

Панкратов трудился над текстом старательно, как школьник. Зачеркивал фразы, вписывал другие. Перечитывал, снова поправлял. Наконец подсунул листок Игорю.

— Читай. Почерк у меня разборчивый.

Игорь прочитал:

«Поль, Ирэн узнала из марсельской вечерней газеты о неприятном происшествии с тобой. Она надеется, что ранение несерьезное и ты вскоре поправишься. У тебя может возникнуть мысль, что она имеет к нападению араба какое-то отношение. Это не так, произошло случайное стечение обстоятельств. Она помнит о своем долге и намерена вернуть тебе 200 тысяч евро в ближайшее время, но не знает, каким образом это сделать. Если у тебя есть какие-то соображения по этому поводу, сообщи мне, а я передам ей. Серж».

— И вы думаете, что он поверит, что это написал Сергей? — спросил Игорь. — Михаил Юрьевич, молодежь так не пишет. Так пишут интеллигенты-филологи.

— Ты хочешь сказать — старперы?

— Это сказали вы.

— Ну и нахал ты, Касаев. Никакого уважения к старшим. Ладно, садись на мое место и бери ручку. А я посмотрю, как пишет молодежь.

Игорь справился с работой за полчаса. У него все время было неприятное, царапающее чувство от того, что он пишет от лица погибшего друга. Будто с того света. Но он его отгонял. Так нужно. Письмо в его редакции получилось таким:

«Чувак, до нас дошел слух, что ты попал в передрагу. А нечего таскаться по подозрительным барам. Ирэн готова вернуть тебе бабки, все 200 штук. Как, чтобы не засветиться? Порадую тебя. Верховный суд отменил оправдательный приговор, ордер Интерпола на тебя продолжает действовать. Чао, чувак. Серж. А за малыша ты когда-нибудь получишь по морде».

— Зачем про малыша? — спросил Панкратов, внимательно прочитав текст.

— Чтобы он поверил, что писал Сергей. Об этом знал только он.

— Как по-французски будет «чувак»?

— Понятия не имею, во французском жаргоне я не копенгаген. Давайте поставим «мэн».

— Уверен, что нужно про Верховный суд?

— Он и так знает. Или узнает на сайте суда. Сейчас это не проблема для тех, кто интересуется. А он очень интересуется. Ну, годится?

— Лучше, чем у меня, — признал Панкратов. — Ладно, переводи.

Еще через полчаса французский текст появился на мониторе.

— Отправляю?

— Отправляй.

Игорь вывел курсор на «Доставить» и щелкнул мышью. Через несколько секунд письмо достигло рыбацкого поселка в восьмидесяти километрах от Марселя, где после ранения отлеживался Павел Лежнёв.

IX

Только чудо спасло Лежнёва от смерти. И мгновенная реакция пилота «Формулы-1», которая сохранилась, хотя он не садился за руль болида почти десять лет. Он не знал, что заставило его оглянуться. Нож араба вошел не в печень, а рассек мышцы спины. Не успев еще ничего почувствовать, Павел врезал ему в глаз и только тогда схватился за рану. Боль обожгла, сквозь пальцы хлестала кровь. К нему кинулась какая-то молодая пара. Парень сорвал с себя футболку и пытался заткнуть рану, девушка звонила по «911». В машине «скорой помощи» Павел потерял сознание, очнулся в больнице.

— Тебе повезло, парень, — сказал хирург. — На пять сантиметров правее и тебя отвезли бы в морг. Сестра, укол обезболивающего и снотворного. Пусть спит.

Утром в палату пришел коренастый полицейский инспектор, записал показания. Лежнёв ничего не скрывал, что ему было скрывать? Вышел из бара, остановился закурить, что-то заставило обернуться. Нападавшего не разглядел. Вроде бы молодой, смуглый. Никогда раньше его не видел.

— Его приметы у нас есть, — сказал инспектор. — Найдем.

Он переписал фамилию Павла с его водительского удостоверения. А вот это Лежнёву не понравилось. Он знал, что объявлен в международный розыск. В пансионате в припортовом квартале он назвался Полем Леже, настоящее имя старался не засвечивать. Черт его знает, насколько оперативно работает Интерпол, но рисковать не стоило. Дождавшись ухода полицейского, он как был, в больничной пижаме, вышел из палаты, на служебном лифте спустился вниз. На улице остановил такси и назвал адрес пансионата. В машине старался не шевелиться. Действие обезболивающего кончилось, от каждого движения будто снова резало ножом. В номере переоделся, собрал вещи. Их было немного — лэптоп, рубашки, кое-что из белья.

Его машина стояла на парковке пансионата. Машина была классная, спорткар фиат гранд пунто цвета светлый металлик. Он купил ее, когда вернулся из России и перевел с Кипра 800 тысяч евро. Впервые в жизни он чувствовал себя богатым, мог позволить себе все — дорогие машины, дорогую одежду, дорогих женщин.

Но машину забирать не стоило. С раной трудно вести, да и могут проследить тачку, слишком приметная. Он вызвал такси, доехал до квартала Прадо, пересел в другую машину, на северной окраине города снова сменил такси и приказал ехать по автодороге А55. Километров через восемьдесят мелькнул указатель: «Сен-де-Пре, 27 км».

- Что это за Сен-де-Пре? — спросил Лежнёв.
- Рыбацкий поселок, месье.
- Сворачивайте.
- Там же ничего нет, — удивился таксист.

— Мне ничего и не надо.

На поселковой почте Лежнёв узнал, кто сдает жилье, и через час облегченно улегся на кровать в просторной комнате с окном на море. Дом принадлежал неразговорчивому пенсионеру, бывшему капитану рыболовного сейнера. Его восьмилетний внук сбегал за поселковым врачом. Тот снял повязку, осмотрел рану и сказал то же, что и хирург в больнице «Hôtel-Dieu de Marseille»:

— Вам повезло, месье. Чуть правее, и никто бы вам не помог. Болит?

— Есть немного.

— Потерпите, сейчас пройдет.

Он промыл рану, сменил повязку, вколол промедол.

— Постарайтесь поменьше двигаться. На днях рану зашьем, через пару недель будете, как новый. Ваше имя, месье?

— Поль.

— Фамилия?

— Зачем вам фамилия?

— Нужно сообщить в полицию. Серьезное ножевое ранение. Такой порядок.

— Без этого не обойтись? — спросил Лежнёв, вкладывая в руку доктора банкноту в 500 евро. — Какая там рана! Так, царапина. Стоит ли беспокоить полицию?

Доктор был молодой, практика в небогатом поселке небольшая, 500 евро для него были деньги.

— Пожалуй что и не стоит, — подумав, согласился он. — Вот если бы огнестрельная рана...

Лекарство подействовало, боль ушла. На смену ей пришла лютая, опаляющая злоба, от которой раздува-

лись ноздри и до скрежета сжимались зубы. Ну, сука! Ну, тварь! Ты за это заплатишь!

Он включил лэптоп и быстро набрал:

«В Генеральную прокуратуру России...»

Ему было о чем рассказать московским прокурорам.

Х

Дед Павла Лежнёва, воевавший в Добровольческой армии генерала Врангеля, последний раз видел русские берега в ноябре 1920 года с борта одного из судов, на которых бежали от захвативших Крым большевиков остатки белогвардейских частей и гражданские с до смерти перепуганными домочадцами. Но до конца жизни он считал себя русским патриотом, активно работал в Русском общевоинском союзе, в семье говорили только по-русски, детей учили русскому языку, читали русские книги.

Отец Павла окончил в Париже военное училище, во время оккупации Франции немцами умело воевал в маки, за что был награжден орденом Почетного легиона. Он и сына хотел определить по военной части, но Павел решительно воспротивился. Он с детства увлекался машинами, сам ремонтировал «пежо» отца. В семнадцать лет устроился учеником автослесаря в гараж «Рено», уже через три года ему доверяли регулировку двигателей, а потом и обкатку болидов. Один из тренеров команды заметил бесстрашие и молниеносную реакцию Павла и начал готовить из него гонщика. И вот наконец свершилось то, о чем он не смел мечтать: трасса Хьюспен-Зольдер, Гран-при Бельгии,

будоражающий кровь рев болидов, стремительно летящая лента зрителей на трибунах. Десятое место. Для молодого гонщика огромный успех. У лидера команды Фернандо Алонсо обозначился соперник.

С профессиональной карьерой было все хорошо. Плохо было с другим — не было денег. Не то чтобы совсем не было, но не хватало, чтобы жить так, как должен жить пилот «Формулы-1». После гонок товарищи по команде разъезжались по домам на «ягуарах» и «мерседесах», а он садился в старый «пежо» отца. Это было унижительно. Унижительно было брать деньги у Люсьены Дюруа, бездетной вдовы богатого лавочника, на склоне лет пустившейся во все тяжкие. Она очень боялась, что молодой любовник ее бросит, и составила завещание в его пользу, чтобы привязать его к себе. Но до ее денег еще нужно было дожить, как и до гонораров Алонсо. А деньги были нужны сегодня, сейчас.

Идею, которая родилась у него, когда он проезжал по загородному шоссе мимо дорожной техники, Павел воплотил в жизнь с хирургической точностью, не задумываясь о дальних последствиях, как не задумывается о них всецело захваченный одной своей мыслью подросток. Люсьена охотно приняла приглашение покататься по пустынным ночным шоссе. В заранее намеченном месте Павел вывернул руль, «феррари» на скорости в сто километров врезалась в асфальтовый каток. Люсьену, не пристегнутую ремнем безопасности, чтобы не помять платье, выбросило через лобовое стекло и расплющило о железо. От удара Павел разбил голову о переднюю стойку, но сознания не потерял. Извлек из-под сиденья фляжку «Мартеля», влил в себя сколько смог и отшвырнул фляжку далеко в сторону.

Но оказалось, что недостаточно далеко. Ее нашел полицейский, экспертиза обнаружила на ней отпечатки его пальцев, прокуратура выдвинула обвинение в предумышленном убийстве. Суд не счел обвинение доказанным, Павлу дали два года тюрьмы, а Международная федерация автогонщиков приняла решение о его пожизненной дисквалификации.

Только теперь Павел понял, во что загнал себя по своему недомыслию. Жирный крест на карьере гонщика. Крест на всем. Наследство Люсьены оказалось совсем не таким большим, как она намекала. Едва хватило на то, чтобы купить бензозаправку в рабочем квартале Парижа и оборудовать при ней небольшой автосервис. Двадцать литров, месье? Подкачать шины? Сменить масло? Проверить сход-развал? Будет сделано, месье. Так и жил. Никакого просвета впереди. Иногда по вечерам оставлял заправку на помощника-турка и ехал на Монмартр. Там всегда было полно роскошных женщин. Но познакомиться не удавалось, в нем уже сидел комплекс неудачника, а женщины это хорошо чувствуют. Приходилось довольствоваться дешевыми шлюхами.

Однажды, это было три года назад, у колонки с бензином «Премиум» остановилась новенькая «мазда CX-5», Сидевшая за рулем молодая блондинка в темных очках и зеленой шелковой косынке, повязанной наподобие банданы, бросила:

— Полный бак.

Павел заправил машину.

— Сорок шесть евро, мадмуазель.

— Мадам, — поправила она, протягивая купюру в 50 евро. — Сдачи не нужно.

— Мерси, мадам. Счастливого пути.

Но она не уезжала, внимательно рассматривала его, потом сняла очки. Павла словно бы обожгло пронзительной зеленью ее глаз, в груди защемило от странной тоски по чему-то, чего уже никогда не будет.

— Ваше лицо кажется мне знакомым. Где я могла вас видеть? — спросила она.

— Нигде, мадам. Такие дамы на таких машинах не заезжают в наш квартал.

— Нет, видела. У меня хорошая память на лица. Господи, да вы же счастливчик Поль! Третье место в Клермон-Ферране, Гран-при Франции. Так о вас писали в газетах. Вы обошли самого Шумахера!

— Ему не повезло, подвела резина. Мадам интересуется гонками?

— Вообще-то нет, привез муж. Мне очень понравилось. Рев моторов, толпа, какая-то мощная энергетика. Так вы Поль Леже? Что вы тут делаете?

— Работаю, мадам.

— Но вы же... Ну да, помню, какая-то неприятная история. Не боитесь братья за руль?

— Почему я должен бояться? — не понял Павел.

— Бывает. Комплекс. Садитесь на мое место, отвезите меня домой.

— Вот так, в спецовке?

— Я же не в ресторан приглашаю. Хочу посмотреть, не потерял ли ты форму, — неожиданно перешла она на «ты». — Меня зовут Ирэн.

Он оставил хозяйство на турка, с удовольствием погрузился в анатомическое кресло. Очень давно он не ездил в таких машинах с такими женщинами.

— На Елисейские поля, — распорядилась Ирэн.

В подземном гараже вызвала лифт, предложила:

— Поднимемся ко мне в студию, есть разговор.

То, что она назвала студией, находилось в мансарде старого капитального дома. Просторная, богато обставленная гостиная с белыми кожаными креслами и диванами, еще какие-то комнаты. Но будто бы в студии не жили: пыль на полировке мебели, засохшие цветы в кашпо.

— Мадам здесь не часто бывает? — полюбопытствовал Павел.

— Когда приезжаю в Париж. А живу в Москве. Что будешь пить? Впрочем, что я спрашиваю? — На столе появилась литровая бутылка коньяка «Мартель Кордон Блю». — Ты же любишь «Мартель»?

• Павел насторожился. Откуда она знает про «Мартель», фляжка которого едва не погубила его?

— Ну-ну, не смущайся, — усмехнулась Ирэн и продолжала по-русски. — В то время я была замужем за французским дипломатом, жила в Париже и читала газеты. Будь здоров, Паша!

От неожиданности Павел поперхнулся «Мартелем». Откашлявшись, тоже перешел на русский, чувствуя себя так, будто переоделся в новую необношенную одежду:

— Я сразу понял, что вы не француженка. Русский акцент неистребим.

— Сколько ты в месяц зарабатываешь на заправке? Только не надо, что вопрос неприличный, мы говорим о деле.

— Когда как. Тысячи по полторы евро. Иногда две, как повезет.

— Будешь получать три. Моему мужу нужен хороший водитель. Ты подходишь.

— В Москве?

— В Москве.

— Но я совсем не знаю Москву, никогда там не был.

— Есть навигатор. И у него всего пять-шесть маршрутов, разберешься.

— А где я буду жить? Московские отели, я слышал, дорогие.

— Снимем тебе квартиру, за счет фирмы.

— Очень неожиданное предложение. Могу я подумать?

— Можешь. Минуты три. Хватит?

— Согласен, — решил Павел.

Месяца через полтора он получил рабочую визу и вылетел в Москву. Ему понравилась московская жизнь. Машина была первоклассная, «мерседес S 500 L», хозяин не доставал разговорами, за день иногда обходился всего несколькими фразами, денег хватало и на ночные клубы, и на женщин. Ирэн он видел нечасто, только когда она ехала с мужем. Она держалась с подчеркнутым безразличием, лишь изредка Павел ловил ее испытывающие взгляды. Он чувствовал, что долго так продолжаться не будет, и оказался прав.

Однажды рано утром она приехала в его однокомнатную квартиру на Патриарших прудах, велела выпроводить подружку, которую он прошлой ночью закадрил в баре на Тверской, неодобрительно осмотрела стол с початыми бутылками шампанского и армянского коньяка.

— Много пьешь, Паша. Завязывай, тебе нужно быть в форме. Ты изучил привычки мужа. Он всегда ездит на переднем сиденье и никогда не пристегивается. Так?

— Так, — подтвердил Павел.

— Ты уже понял, что нужно сделать?..

Три дня потратил Лежнёв на составление заявления в Генеральную прокуратуру России. Писал по-русски, хоть и путался в грамматике. Ничего, разберутся. Море за окном накатывалось на берег, шелестело галькой, у причала поселка раскачивались мачты рыбацких фелюг. Иногда боль заставляла прерываться, он нетерпеливо ждал врача. Тот делал укол, боль отступала.

Наконец работа была закончена. Он перечитал заявление и остался доволен. Теперь тебе, тварь, не выкрутиться. Не без труда нашел в Интернете электронный адрес Генпрокуратуры, ввел его в строку «кому». В строке «тема» не без злорадства написал: «чистосердечное признание». Письмо было готово к отправке. Он уже был готов дать команду «Доставить», но в этот момент лэптоп звякнул и во «Входящих» появилось новое сообщение.

Лежнёв прочитал:

«Мэн, до нас дошел слух, что ты попал в передрягу. А нечего таскаться по подозрительным барам. Ирэн готова вернуть тебе бабки, все 200 штук...»

XI

Игорю Касаеву не пришлось долго раздумывать над тем, как убедить генерал-лейтенанта Сибирцева добавить в ордер на арест Ирины Керженцевой ее второе имя и при этом не рассказать, при каких обстоятельствах об этом стало известно. На другой день после его возвращения из Марселя к нему в кабинет заглянула секретарша начальника Интерпола Зиночка и сообщила:

— Вызывает на ковер. Он весь, как Божия гроза. Что ты натворил, Касаев?

— Ничего такого, что вызвало бы гнев начальства, — ответил Игорь.

— Ты только не спорь. Он выкричится и остынет.

— Разве я похож на человека, который спорит с начальством?

— Смотри, я тебя предупредила, — сказала Зиночка и процокала каблучками к себе в приемную.

Она была из милицейской семьи, заочно училась в юридическом институте и была горячей патриоткой Интерпола, радовалась успехам и огорчалась неудачам НЦБ в целом и отдельных сотрудников. При том что личико ее в обрамлении белокурых кудряшек было очень симпатичным, а фигурка девичьей, стройной, никто из молодых офицеров, не очень стесненных моральными нормами, даже не пытался подбивать к ней клинья. Она было хорошим товарищем и только. Так сложилось, что саму Зиночку иногда огорчало. Но свой образ она создала сама и была обречена ему соответствовать.

Игорь закрыл программу, с которой работал, и отправился на ковер.

— Приглашали, Владимир Сергеевич?

— Вызывал! — буркнул Сибирцев. — Садись и докладывай, за каким чертом тебя понесло в Марсель.

— Хотел посмотреть замок Иф, — попытался отболтаться Игорь. — Тот, где сидел Дантес. Из «Графа Монте-Кристо». Я столько о нем читал.

— Посмотрел?

— Не успел.

— А я тебе скажу почему. Потому что попал в кузку и был выдворен из города!

— Это что, по радио передавали? — удивился Игорь.

— По телевизору! В специальном выпуске Си-Эн-Эн! Вот, читай!

Сибирцев перебрал по столу факс. Он был на французском. Помощник комиссара главного полицейского управления Марселя ставил в известность начальника Российского НЦБ о неподобающем поведении оперуполномоченного Интерпола месье Касаева, который устроил пьяный дебош в баре «Le Grand Marin», за что был арестован и провел ночь в тюрьме Сент-Анн. Не желая омрачать этим прискорбным инцидентом взаимоотношения между полициями наших стран, было решено обвинений месье Касаеву не предъявлять и отправить его в Москву первым же самолетом.

Телега — вот как это называлось во все времена.

— Так и было? — спросил Сибирцев, когда Игорь дочитал факс.

— Так и было.

— Ты же не пьешь, Касаев, никогда этого за тобой не замечалось.

— Иногда пью, под настроение.

— Что ты пил?

— Марсельское Пино Гри.

— Это сухое вино, — проявил Сибирцев осведомленность в этом специфическом вопросе. — Сколько же его нужно выпить, чтобы набраться?

— Мне хватило бутылки. На двоих, — чтобы быть точным, добавил Игорь. — Вторым был инспектор Фернан, он меня и арестовал.

— И что прикажешь ответить помощнику комиссара марсельской полиции?

Игорь пожал плечами.

— А то сами не знаете. Что вы провели со мной серьезную воспитательную работу. Я все осознал.

— Как-то легко ты к этому относишься! За такие дела раньше исключали из партии и выгоняли с работы! Знаешь, что меня останавливает? Придется объяснять в приказе, за что я тебя увольняю. Пятно на репутации Интерпола, в МВД мы станем посмешищем.

— Подать рапорт? — спросил Игорь.

— Зачем мне твой рапорт?

— Не нужно будет ничего объяснять.

— Вот что, Касаев, — нахмурился Сибирцев. — Пошутили и хватит. Сейчас ты мне доложишь все как было. И не пытайся соврать. Начинай!

Пришлось говорить о том, о чем говорить очень не хотелось. Когда Игорь закончил, Сибирцев обеими руками взъерошил стальной ежик волос и с недоумением проговорил:

— Вот странно. Генеральный секретарь Интерпола господин Рональд Ноубл назвал наше бюро лучшим по итогам года...

— Поздравляю, — вставил Игорь.

— Немцев не назвал, французов не назвал, а нас назвал. Вот я и думаю: почему? Немцы скрупулезно выполняют инструкции от и до, наши не делают что положено, зато делают то, чего делать не обязаны и о чем их никто не просил. Бардак? Да. Самодеятельность? Да. Но вот поди ж, мы лучшие!.. Я смотрю, Касаев, это история достала тебя до самых печенок?

— Сергей был моим другом, я вам об этом уже говорил.

— Помню, — кивнул Сибирцев. — Дамочка-то очень непроста. Графиня де Бюсси, говоришь? В ордер Интерпола эта фамилия внесена?

— Еще нет.

— А чего ты ждешь?

— Вашей санкции.

— Считай, что ты ее получил. Подготовь письмо в Лион, я подпишу. Работай, Касаев. Только постарайся в рамках закона. Понимаю, что это трудно, но ты все-таки постарайся.

— Жив? — спросила Зиночка, когда Игорь вышел из кабинета. — Тебе звонил какой-то Панкратов, ты ему очень нужен.

Вернувшись к себе, он сразу взялся за телефон.

— Михаил Юрьевич, что-то случилось?

— Когда ты заканчиваешь?

— В шесть.

— Давай сразу ко мне. Пришел мейл от Лежнёва. По-французски. Я смотрю на него и очень сожалею о пробелах в своем образовании.

Лежнёв написал:

«200 штук? Шутишь, малыш. 400. Передай этой суке, что за ошибки нужно платить. И пусть скажет спасибо, что я не объявил лимон».

XII

— А в самом деле, почему он не объявил миллион? — поинтересовался Панкратов.

— Не рискнул, — предположил Игорь. — Побоялся, что она подойдет к нему профессиональных убийц. От них не отмахнешься, как от араба.

— Где она во Франции найдет профи? Их и в России сейчас не так просто найти.

— Если захочет, найдет. Были бы деньги, а они у нее есть. В Европе сейчас полно разного сброда. Из Алжира, из Марокко. Даже в Марселе есть кварталы, куда туристам заходить не рекомендуется.

— Ну, допустим, — согласился Панкратов. — Так что мы имеем? Не так уж мало. Лежнёв поверил, что ему пишет Сергей и что он связан с Ириной. Он хочет получить свои деньги.

— И бонус за рану, — добавил Игорь.

— И бонус. Что ответим?

— Нужно подумать.

— Я примерно представляю, — сказал Панкратов, усаживаясь за письменный стол.

— Михаил Юрьевич, не парьтесь, — попросил Игорь. — Лучше скажите, а я напишу.

— Ладно, слушай. Первое. Ирэн считает твоё требование несправедливым, она не имеет к нападению на тебя никакого отношения. 200 тысяч евро, и это все. Второе. Ей удобнее перевести деньги на счет твой e фирмы на Кипре, банковские реквизиты она знает. Третье. Она надеется, что больше никогда о тебе не услышит. Подпись. Примерно так.

Игорь сел за компьютер. Первые фразы родились быстро:

«Мэн, ты оборзел. Ирэн не отвечает за спятивших арабов. 200 штук и скажи спасибо».

Над продолжением пришлось задуматься.

— А если он скажет: перечисляйте бабки на Кипр?

— Для нас это было бы лучше всего, — ответил Панкратов. — Чтобы обналчить деньги, ему нужно прилететь в Никосию. Кипр не входит в Шенгенскую зону, придется предъявлять паспорт. Тут его Интерпол и прихватит, ты дашь им наводку.

— Понял, — кивнул Игорь и продолжал: «Бабки она перегонит в твою фирму на Кипре. Если после этого ты будешь снова ее доставать, крупно пожалеешь. Серж». — Посмотрите. Годится?

— Нормально, — одобрил Панкратов. — Отправляй. Посмотрим, что он ответит.

Ждать пришлось недолго. Ответ пришел через десять минут:

«400. Это тебе, малыш, пусть она впаривает, какой она ангелочек, а я эту тварь очень хорошо знаю. Никаких Кипров, все бабки налом. Передай ей, чтобы не вздумала финтить, я могу устроить ей русскую тюрьму до конца жизни».

— Не дурак, — констатировал Панкратов. — Понял, что на Кипр соваться нельзя. Она испугается?

— Задумается.

— И что придумает?

— Михаил Юрьевич, откуда я знаю? Я никогда не был блондинкой с зелеными глазами и криминальной психологией.

— Вы почти ровесники. Современную молодежь ты знаешь лучше меня, ты и есть современная молодежь.

— Думаю, согласится. Эти проблемы ей ни к чему. Но сначала поторгуется.

— Отлично. Пиши: «300». Можно без подписи.

Лежнёв ответил мгновенно:

«400 и ни центом меньше. Не разорится».

Игорь набрал:

«Мэн, ты подонок, но Ирэн согласна. Иначе от тебя не отвяжешься. Налом так налом. Как передать бабки? Можно в Шереметьево, но ты же засышь прилететь»

в Москву. И как ты пронесешь их через таможню? Предлагай свой вариант. Серж».

— Отправляю?

— Рано, — возразил Панкратов. — Тебе же нужно время, чтобы связаться с ней. Пошлешь завтра.

— Нужно, чтобы мейл ушел с этого же компа. Разные IP-адреса могут его насторожить.

— Возьми компьютер с собой, мне он все равно не нужен. И держи меня в курсе.

Игорь засунул ноутбук в сумку. Уже в прихожей спросил:

— Вы верите, что нам удастся его прихватить?

— На золотой крючок и не такие рыбы попадаются, — ответил Панкратов. — Только рыбак не должен спешить.

Игорь уехал. На следующий день позвонил с работы:

— Вот что он ответил, перевожу с листа: «Разумно, она всегда хорошо считала. Предложи свой вариант, оценю. Мне не улыбается вместо бабла получить пулю». Ключнул?

— Пока не очень, принохивается. Осторожный малый, — оценил Панкратов.

— Знает, с кем имеет дело, — согласился Игорь. — Что ответим?

— Сразу не сообразишь, нужно подумать.

— Я кое-что набросал, послушайте. «Вариант предлагаю такой. Встречаемся на белорусско-польской границе на погранпереходе «Варшавский мост». Нал привезу, это мои трудности. Дальше твои проблемы. Польша входит в Шенген, решишь. Лучше, если ты будешь на машине, их не шмонают». Как, Михаил Юрьевич?

— Что за ерунда? — удивился Панкратов. — Откуда взялся «Варшавский мост»?

— Не ерунда. Он же будет думать за нас. Довезти 400 тысяч до границы реально? Реально. Вывезти их из Польши реально? Реально. А нам без разницы, кто его арестует, польский Интерпол или какой-то другой.

— Не клюнет.

— Пусть предложит свой вариант. Мы свой ход сделали.

— Ладно, отправляй, — согласился Панкратов.

В последующие дни электронная переписка между Францией и Россией носила оживленный характер.

Лежнёв — Сержу:

«Варшавский мост» не подходит, стремное место».

Серж — Лежнёву:

«Варшава подходит?»

Лежнёв — Сержу:

«Польша вообще не годится, только Франция».

Серж — Лежнёву:

«Мэн, ты как целка. Все тебе не годится. Бабки кому нужны — тебе или мне? Ты и думай, как передать».

Лежнёв — Сержу:

«Деньги обналичены?»

Серж — Лежнёву:

«Не проблема, обналичу в любой день».

Лежнёв — Сержу:

«Обналичь и покажи мне».

Серж — Лежнёву:

«Мэн, ты рехнулся. Как я тебе их покажу?»

Лежнёв — Сержу:

«Сфотографируй и фотку пришли».

— Тут он нас и поймал, — сказал Панкратов.

— Ничего не поймал! — возразил Игорь. — Этот вопрос я решу.

— Как?

— Знаю. Какой смысл быть сыном миллионера, если от этого ни пользы, ни удовольствия?

На другой день он позвонил в офис отца и узнал, когда у того нет переговоров и совещаний. Аслан пригласил его в кабинете с огромным столом на львиных лапах. Сразу заметил в лице сына нервную возбужденность, заинтересовался:

— Что-то не так?

— Отец, мне нужно 400 тысяч евро, — сказал Игорь. — Налом.

— Когда?

— Сегодня.

Аслан вызвал финансового директора, распорядился:

— Свяжитесь с нашим банком, пусть приготовят 400 тысяч евро для моего сына. Наличными. Сегодня.

— Как скажете, шеф.

— Ты не спросил зачем, — напомнил Игорь, когда финансовый директор вышел.

— Вот что я тебе на это скажу. Когда твой сын придет к тебе и попросит денег, ты сначала дай денег, а потом спрашивай зачем. Зачем?

— Мне они нужны всего на десять минут. Чтобы сфотографировать.

— Зачем? — повторил Аслан.

— Долго объяснять. Это по делу, о котором ты знаешь.

— Панкратов в курсе?

— Да.

— Добро, действуй.

— И вот что еще. Мне может понадобится твоя яхта «Лола». Та, что в Каннах. Дня на три. Пройду до Марселя и обратно.

— Женщина?

— Можно сказать и так.

— Гони ее к черту, — посоветовал отец. — Если ты ей не нужен без яхты, ты ей вообще не нужен.

— Не та женщина. Ирина Керженцева.

— Эта сука еще на свободе?

— Пока да. Если ты поможешь, то не очень долго.

— Помогу, как не помочь? Святое дело. У тебя все?

— Все.

— Поезжай с финансовым директором в банк. В Канны позвоню. Я смотрю, вы уже глубоко влезли в это дело?

— Глубже не бывает, — подтвердил Игорь.

Служащий банка выложил на стол в охраняемой комнате в хранилище пачки купюр по 500 евро, Игорь сделал мобильником несколько снимков и распорядился вернуть деньги на место. Финансовый директор удивился:

— Вы их не берете?

— Они мне не нужны.

На следующий день отправил снимки Лежнёву. В мейле написал:

«Последний вариант. Могу придти на яхте в Марсель. Бабло привезу, чартеры не досматривают. На борту яхты все получишь. Если и это не устраивает, иди в жопу, надоел. Серж».

Лежнёв ответил:

«Сообщи число и время».

— Вот сейчас клюнул, — сказал Панкратов.

XIII

Игорь Касаев не понимал отца: какой смысл держать в Каннах яхту, платить за стоянку, платить команде, если пользуешься яхтой хорошо если раза два в год? Можно же арендовать яхту, когда она нужна. Аслан отмахивался: ну вот еще, только этим мне и заниматься, пусть будет. Но теперь кавказская широта отца оказалась очень кстати. Из аэропорта Игорь приехал на причал возле набережной Круазетт, известной тем, что там проходил Каннский кинофестиваль и перед Дворцом фестивалей расстилали красную ковровую дорожку, оказаться на которой было мечтой всех киноактеров и режиссеров мира. Без праздничной мишуры фестиваля Канны выглядели заурядным прибрежным городком. Яхта «Лола», названная отцом по имени жены, уже ждала его. Команда была небольшой: капитан, моторист и палубный матрос.

— Я получил приказ месье Касаева выполнять все ваши распоряжения, — доложил капитан. — Баки заправлены. Куда идем?

— В Марсель.

— Сто миль, будем там ночью. Ничего?

— Нормально, — ответил Игорь.

— Отдать швартовы, — скомандовал капитан.

Яхта была небольшая, всего двенадцать метров длиной, финской постройки. В ней было две каюты, одна совсем маленькая, другая побольше. На шутки сына, что такая яхта его компрометирует, Аслан отмахивался: «Она нужна мне не для понтов, а для отдыха. Это Абрамович пусть выебывается». «Лола» развивала скорость до двадцати узлов. Море было спокойным, яхта шла вдоль берега, капитан называл проплывающие мимо городки: Фрежюс, Коголен, Йер. За Тулоном стемнело, Ла-Сьета обозначилась россыпью огней. Трасса по мере приближения к Марселю заметно оживилась, заполнилась контейнеровозами, танкерами и лесовозами, как при близости к большому городу дороги заполняются большегрузными фурами. Порт Марселя встретил прожекторами, движением кранов, мельтешением погрузчиков.

— Встанем на внешнем рейде? — спросил капитан.

— Нет, пришвартуйтесь к набережной.

— Стоянка дорогая.

— Не разорюсь.

После долгих переговоров с диспетчером «Лола» вошла в Старый порт и втиснулась между парусными и моторными яхтами. Был третий час ночи. Никогда еще время не тянулось так медленно. С трудом дождавшись рассвета, Игорь выпил кофе в баре на набережной и потом еще часа два дежурил возле полицейского управления, ожидая когда к нему подъедет «ситроен» Мориса Фернана. Он не рассчитывал, что инспектор встретит его с распростертыми объятиями, и оказался прав.

— Опять ты? Что придумал на этот раз?

— Морис, я чувствую себя перед тобой очень виноватым и хочу загладить свою вину. Тебе же не повредит, если ты задержишь опасного международного преступника?

— Не повредит. Если это будет в рамках закона. Кого?

— Павла Лежнёва.

— Вы, русские, очень настырный народ. Дался тебе этот Лежнёв. Больше ловить некого?

— Дался. Если я его не поймаю, буду презирать себя до конца жизни.

— Даже так?

— Даже так, — подтвердил Игорь.

— Чем я могу тебе помочь? Только в рамках закона!

План у Игоря был такой. Фернан берет с собой пару полицейских, устраивает засаду на яхте и когда Лежнёв явится за деньгами, арестовывает его по ордеру Интерполу в полном соответствии со всеми законами. Но все оказалось не так-то просто.

— Как я объясню начальству, что мне нужен наряд полиции? На каком основании? Что делает здесь русский полицейский? У тебя есть разрешение нашей полиции производить следственные действия? Это все равно что я прилетел бы в Москву и начал арестовывать кто мне не нравится. Вам бы это понравилось? Нет. Вот и нам не нравится. А еще меня спросят, что делает в Марселе этот хулиган, которого отправили в Москву? Что я отвечу?

— Ладно, забудь, — проговорил Игорь. — Как-нибудь сам справлюсь.

— Как ты справишься? — заинтересовался Фернан.

— По обстоятельствам. Оглушу и выброшу за борт. А ты потом выловишь его и получишь орден Почетного легиона. Мы провели очень сложную комбинацию, чтобы выманить его, а ваша бюрократическая машина мешает довести дело до конца. У нас полиция не очень разворотливая, но вы ей даете сто очков вперед. Будь здоров, Морис!

— Сядь! — рывкнул Фернан. — Сядь и рассказывай. Все рассказывай. Я втемную не играю.

Очень не хотелось Игорю посвящать инспектора во все детали операции, но выхода не было. Без полиции было не обойтись. Пришлось рассказать. Фернан сначала слушал недоверчиво, потом начал задавать уточняющие вопросы. Когда Игорь замолчал, подвел итог:

— А что, может получиться. 400 тысяч евро — хорошая приманка. Сделаем так. Я пойду на яхту один. По оперативной надобности. У меня знаешь сколько этих надобностей? Как на собаке блох. И начальство это хорошо знает. Он вооружен?

— Не исключено.

— Значит, придется действовать жестко.

— У тебя, Морис, в роду корсиканцев не было? — поинтересовался Игорь.

— Ты бы еще про осетин спросил.

— А что? Аланы доходили до Скандинавии. Чего им стоило завернуть в Марсель?

Вернувшись на яхту, Игорь послал мейл Лежнёву: «Жду. Яхта «Лола». Стоит у набережной в Старом порту».

Лежнёв ответил:

«Будь все время на связи».

Расчет был на то, что Лежнёв не рискнет подняться на яхту днем. К тому же в городе, где его ищут. Пришлось ждать вечера. Появление на борту Фернана в полной полицейской форме встревожило капитана, но Игорь его успокоил — так надо, ничего противозаконного. Фернан занял маленькую каюту, Игорь разместился в большой. Ноутбук Сергея Старостина был постоянно включен и открыт на электронной почте. В начале одиннадцатого пришел мейл от Лежнёва:

«Иди на север вдоль берега. В восьмидесяти километрах рыбацкий поселок Сен-де-Пре. Брось якорь на внешнем рейде, посигналь бортовыми огнями. Жду».

XIV

Не нравилось Павлу Лежнёву все это дело. Очень не нравилось. От этой суки можно было ожидать всего. Она не пожалеет никаких денег, чтобы избавиться от сообщника. 400 тысяч евро для нее не деньги. Она получила миллионы наследства и переправила их на Запад. Ей ничего не стоило отдать 400 тысяч и закрыть тему. А эти деньги ему были очень нужны. 800 тысяч евро таяли с ужасающей быстротой. Может, все-таки взял в ней верх здравый смысл и она решила закончить дело миром?

Серж. Что это за Серж? Лежнёв видел его единственный раз в баре «Парадиз» на Монмартре и не составил о нем никакого представления. Интеллигентный мальчик из приличной семьи. Что заставляет его из кожи вон лезть, выполняя ее поручения? Она умеет подчинять людей своей воле, этого у нее не отнять.

Хватит ли у этого Сержа решимости прикончить его и тем самым решить все ее проблемы? Пожалуй, не хватит, слишком мягкотелый. Передать деньги — это он может, но не больше.

Но на всякий случай не мешало подстраховаться. Лежнёв позвал внука хозяина дома, дал ему 20 евро и объяснил, что от него требуется:

— Я сегодня ночью уеду. Вернусь часа через три-четыре. Если меня не будет до завтра, отправь это письмо. Оно в «Исходящих». Тебе нужно только нажать кнопку «Отправить». Письмо на русском языке, тебе не нужно его читать. Сделаешь?

— Вы меня учите отправлять мейлы? — оскорбился мальчишка. — У нас это все давно умеют.

— Я на тебя рассчитываю, — сказал Лежнёв.

Он несколько раз выходил из дома и вглядывался в темное море, хотя и знал, что рано. Даже быстроходной яхте нужно не меньше трех часов, чтобы дойти от Марселя до Сен-де-Пре. Наконец, появились бортовые огни, прогрохотала якорная цепь, яхта встала у входа в бухту. Лежнёв спустился к берегу, где в весельной шлюпке сидел нанятый матрос.

— Давай к яхте, зайди с кормы.

Когда шлюпка поравнялась с яхтой, окликнул:

— Эй, на борту! Серж у вас?

— Месье, вас ждут, — ответил матрос, подавая трап.

Морщась от не вполне зажившей раны, Павел поделился на борт. Матрос предупредительно открыл ему дверь каюты. На столе в каюте стоял работающий ноутбук, но человек, поднявшийся ему навстречу, был не похож на Сержа: чернявый, с жесткими чертами лица.

— Вы не Серж, — сказал Лежнёв.

— Я вместо него, он не смог приехать по очень серьезной причине.

Лежнёв сразу понял, что происходит что-то не то, сработала его молниеносная реакция, но с небольшим запозданием. Он рванулся к двери, но там уже стоял коренастый полицейский в полной форме, он умело заломил Павлу руки и защелкнул на них наручники. И только после этого спросил:

— Павел Лежнёв? Вы арестованы...

Дело об экстрадиции Лежнёва рассматривал городской суд Марселя и не нашел никаких причин отказать России в выдаче опасного уголовного преступника. Лежнёва доставили в Москву и поместили в одиночную камеру СИЗО «Лефортово». Недели через две, в течение которых с ним не производили никаких следственных действий, его привели в комнату для допросов, где его ждал молодой человек в заурядном костюме и немодном галстуке. Он представился:

— Следователь Молчанов. Я буду вести ваше дело. Из Генеральной прокуратуры мне переслали ваше письмо, которое вы назвали чистосердечным признанием. Значит ли это, что вы готовы сотрудничать со следствием?

— А у меня есть выбор? — спросил Лежнёв.

— Есть, — ответил следователь. — Получить пожизненное заключение или лет десять или пятнадцать. Без разницы, если бы вам было семьдесят. Но вам тридцать пять, и это меняет дело.

— Я все написал.

— А теперь повторите под протокол. И не пропускайте подробностей.

Часть третья

ЦЕНА ВОПРОСА

I

Панкратов ошибся, когда предположил, что о неудачном покушении на Лежнёва Ирина Керженцева узнала из городской газеты. Нет, за событиями возле бара «Le Grand Marin» она следила из нанятой машины, припаркованной в стороне. Когда араб убежал, она дождалась приезда «скорой помощи» и только после этого велела водителю ехать в отель.

Она не была огорчена неудачей. Лежнёв получил хороший урок, у него надолго пропадет желание ей угрожать. Она и не рассчитывала на то, что покушение удастся. Страстные клятвы Хасана убить подонка, который отравляет ей жизнь, она воспринимала скептически. Он не убийца, слишком молод, слишком импульсивен, не контролирует себя. Она показала ему Лежнёва, входящего в бар, но к нападению не подталкивала. Просто доверительно пожаловалась в лирическую минуту, что этот человек шантажирует ее. Этого оказалось достаточно.

На следующее утро она выехала из отеля и вернулась в Париж. В Марселе ей больше нечего было делать.

Если бы Ирине Керженцевой сказали, что она безнравственна, она бы очень удивилась. Что такое нравственность или безнравственность? В ее сознании на месте этих понятий было пустое место. Она знала эти слова, но для нее они ничего не означали, как для ребенка ничего не значит незнакомое слово. Это просто слова, которыми привычно пользуются люди, чтобы обозначить то, что им нравится или не нравится. В чем ее безнравственность? В женственности, перед которой не могут устоять мужчины? В том, что она спит, с кем хочет? А с кем же ей спать — с кем не хочет? Или в том, что она использует мужчин так, как ей нужно? Но ведь она не делает это насильно, не приставляет им к голове пистолет. Они сами рады стараться. И счастливы. Безнравственно быть нищей и уродливой. Вот это беда. А получать проценты со своей молодости и красоты, это естественно, как естественна сама жизнь.

Да, она знала, какую струну тронуть в душе мужчины, чтобы она отозвалась. Ну и что? Все женщины это знают и пользуются, как умеют. Она умеет лучше других. Значит, она безнравственна? Пустое слово. Такое же пустое, как любовь. Ей нравился старый анекдот о том, что любовь придумали русские, чтобы не платить женщинам. Что такое любовь? Она привычно пользовалась этим словом, но не понимала его смысла. Это было просто слово, которое могло означать что угодно. Чаще всего согласие между мужчиной и женщиной о сожителстве, которое обоих устраивает. Когда перестает устраивать, они расходятся. Нормальные люди расходятся мирно, ненормальные устраива-

ют драмы, портят жизнь себе и своим близким. Но кто же виноват в том, что они хотели получить от другого человека больше, чем он может дать?

Ирина никогда не переоценивала душевный потенциал мужчины, которым она может распоряжаться. В юности ей очень нравилось быть графиней де Бюссе, жить в Париже и быть принятой в аристократических домах, куда вводил ее граф Жан Батист де Бюссе и где она всегда производила впечатление. Но скоро выяснилось, что все достоинства графа ограничиваются умением носить фрак. Он оказался прижимистым, как все французы, умел тратить деньги, но не умел их зарабатывать, они разошлись. Второй ее муж, московский банкир, умел зарабатывать деньги, и это все, что он умел. Но потом вдруг решил, что Ирина ценит его только за это умение. Несколько рискованных операций привели банк к краху, он превратился в неудачника, который ничего не мог дать любимой женщине.

В Павле Лежнёве она сразу угадала человека, который пойдет на все ради денег. Ей недолго пришлось пожить в бедности, но она хорошо запомнила это состояние. Нищета и неудовлетворенные амбиции — мощная взрывчатка, только нужно знать, куда ее заложить. Ирина знала. Не умом, а интуицией. Она ничего не просчитывала, просто знала, и все. И это тоже не было безнравственностью. Когда она поняла, чем ей грозит развод с Григорием Вознюком, муж как бы перестал для нее быть человеком, а превратился в средство достижения своих целей. Средство же всегда безлично, и понятия нравственности или безнравственности к нему неприменимы.

Она знала в муже струну, на которой нужно сыграть. Эта струна была сын. Две дочери от первого брака и внук не могли его заменить. Сын как продолжатель рода был для Григория самым больным местом в его душе. Ирина это поняла в самом начале их брака, но умело избегала беременности. Она искренне не понимала, зачем нужны дети, уродующие фигуру, безжалостно сокращающие и без того короткую пору молодости. Но теперь пришло время сыграть на этой струне.

Все сборища в их особняке в Князьем озере прекратились, Ирина все чаще оставалась дома, ссылаясь на нездоровье. Она бросила курить, что было для нее самым трудным испытанием, бутылки в домашнем баре оставались нетронутыми. В спальне и в столовой появились журналы о здоровье, в том числе и те, что выпускал медиахолдинг Григория. Занятый делами, он не сразу обратил на это внимание, потом заинтересовался, что с ней такое. Ирина сначала отговаривалась: «Ничего особенного, просто немного устала». Потом призналась, что беременна. Показала справку из женской консультации и анализ УЗИ. Из них следовало, что она на третьем месяце и носит в своем чреве сына. Эти справки стоили ей немалых денег, но свое действие оказали. Мужа как подменили. Он перестал ездить в Кратово, старался больше бывать дома и доставал Ирину неумелой опекой. Она даже сердилась: «Займись делами, сама справлюсь. Я не первая женщина, которая рождает. И не последняя». «Если что, сразу вызывай «скорую» и звони мне», — отвечал он. События развивались так, как она предполагала.

Все было готово. Однажды поздно вечером Ирина позвонила мужу в офис: «Григорий, мне плохо. Боюсь, как бы не было выкидыша. Но ты не беспокойся, я вызвала “скорую”». Он ответил: «Еду, жди». Через пять минут позвонил Лежнёв: «Выезжаем». Оставалось ждать. От Москвы до поселка было около часа езды. Через час никого не было. Через полтора часа Ирина набрала номер мужа. Телефон не ответил. Набрала номер Лежнёва. Снова длинные гудки и бесполый голос: «Абонент не отвечает или находится вне зоны действия». От волнения она не находила себе места. Что произошло там, на ночном шоссе? Что-то произошло, раз телефоны не отвечают. Но что, что? Остро хотелось курить. Остро хотелось выпить чего-нибудь крепкого, коньяка или виски. Она сдержалась, боялась сглазить. Ходила по пустому дому, кутаясь в махровый халат, вглядывалась в черные окна. За ними были только садовые фонари на участке с соснами.

В третьем часу ночи у калитки остановился полицейский «форд» с включенными проблесковыми огнями. Ирина выскочила из дома как была, в халате.

— Гражданка Вознюк? — спросил капитан в форме дорожно-патрульной службы. — Вам придется проехать со мной.

— Что случилось?

— Авария на Ново-Рижском шоссе. «Мерседес» вашего мужа врезался в бульдозер. Пассажир погиб, водитель отправлен в больницу. Вам нужно опознать погибшего.

Позже Ирина поражалась собственному спокойствию. Спокойно оделась, спокойно села в «форд». На месте аварии осмотрела изуродованный страшным

ударом автомобиль. Какой-то полицейский чин снял черную пленку с того, что было извлечено из машины и лежало на носилках.

— Посмотрите внимательно. Вы знаете этого человека?

— Да, — сказала она. — Это мой муж Григорий Вознюк.

На том же «форде» ее отвезли домой. Не раздеваясь, она прошла в гостиную, выпила полный фужер виски, закурила «Мальборо» и только тогда поняла: все кончилось, все получилось, можно расслабиться.

II

Телефонный разговор с адвокатом Захаровым, в котором он сообщил, что Верховный суд отменил оправдательный приговор по ее делу, очень обеспокоил Ирину. Она не понимала, почему это произошло. В деле ничего нового не появилось и не могло появиться, Мосгорсуд утвердил вердикт присяжных и оправдательный приговор, Захаров был уверен, что решение Верховного суда будет в ее пользу. Впервые в его голосе Ирина уловила нотки растерянности. Он тоже не понимал, что происходит. Единственное, что он смог посоветовать, это ждать и пока не возвращаться в Россию. Совет не стоил тех денег, которые она ему платила.

— Чего ждать? — спросила Ирина.

— Пока ситуация не прояснится, — ответил адвокат и поспешил ее успокоить. — Вам не о чем волноваться. С этой доказательной базой прокуратура не рискнет снова выйти на суд. Кончится тем, что дело закроют.

Не могу сказать, когда это произойдет, но произойдет обязательно, у них просто нет другого выхода. А пока наберитесь терпения.

— Спасибо за ценный совет, — съязвила Ирина и повесила трубку.

Ждать. Это нарушало все ее планы. Она ожидала решения Верховного суда, чтобы вернуться в Москву и заняться делами медиахолдинга. После дополнительной эмиссии, которую она успела провести до ареста в Риме, у нее было 75 процентов акций. Они стоили не меньше трехсот миллионов долларов. Она решила продать эти активы. Наигралась в бизнес-вумен, хватит. Руководство холдингом требовало слишком много времени, а времени было жалко. Ирине было уже двадцать восемь лет, она остро чувствовала, что кончается молодость. С нее довольно и радиостанции «Весна», чтобы быть в центре светской жизни Москвы. А покупатели найдутся. Ей и раньше предлагали продать сеть кабельных телеканалов, занимавших все больший сектор рекламного рынка.

Но придется ждать. Самое противное — неизвестно сколько. В другом телефонном разговоре адвокат Захаров намекнул, что ее, возможно, объявили в международный розыск. Это оставило ее равнодушной. Пусть ищут. Ирины Керженцевой нет, есть Ирэн де Бюсси, о которой никто не знает. Она спокойно жила в своей студии на Елисейских полях. Студия была куплена Григорием Вознюком на имя де Бюсси по ее французскому паспорту, так было удобнее, меньше формальностей. Сейчас это оказалось очень кстати. Когда она уезжала отдохнуть на море или, как недавно, по делам в Марсель, за порядком в студии присматривала

дочь интенданта дома, студентка Сорбонны Мишель. Ирина хорошо ей платила, она была рада всячески ей услужить.

В один из вечеров, когда Ирина возвратилась со скучнейшего приема в аристократическом доме Парижа, куда ее когда-то ввел первый муж, Мишель перехватила ее в холле у лифта. Вид у нее был очень встревоженный.

— Мадам, это, возможно, не мое дело, но хочу предупредить, что приходили два полицейских, спрашивали вас.

— Чего они хотели?

— Не сказали. Спросили, когда вы бываете дома. Я ответила: когда как. Они обещали придти завтра.

— Как они называли меня?

— Ирэн де Бюсси.

Ирина насторожилась:

— Ты уверена?

— Да, они повторили несколько раз, что им нужна мадам де Бюсси. Я правильно сделала, что предупредила вас?

— Спасибо, Мишель. Очень правильно. Я уеду на несколько дней, присмотри за квартирой.

— Конечно, мадам. Если они снова придут, что сказать?

— Что я уехала. Куда, ты не знаешь.

Де Бюссе. Это было очень опасно. Полиция не могла знать этого имени. И все-таки знала. Откуда? Но думать об этом было некогда.

Ирина поднялась в студию, поспешно собрала в спортивную сумку самое необходимое, документы, деньги и лэптоп, по которому она всегда смотрела но-

ности из России, и спустилась в гараж. Но машину решила не брать. Она тоже была оформлена на де Бюсси. Случайно остановит дорожная полиция, и это может плохо кончиться. В ее памяти были еще слишком свежи воспоминания об аресте в Риме, унижительные подробности экстрадиции и гнетущее ощущение безнадежности, которое она испытала в СИЗО «Лефортово». Будто попала в шестерни бездушной машины, перемалывающей людей, как дрова. Ей очень повезло встретить трогательного Сержа, который помог ей вырваться из этой машины. Странно, что он исчез сразу после суда. Она была бы искренне рада его увидеть, его самоотверженность заслуживала награды. Пыталась ему позвонить, его мобильник не ответил. Послала ему два письма по электронной почте, адрес которой он дал ей в Лефортово, они остались без ответа. Ирина понимала, что в эту страшную машину попала сама, недооценила опасность. Больше такой ошибки она не повторит.

На Елисейских полях она остановила такси и велела ехать в селение в тридцати километрах от Парижа, где у нее был знакомый фермер-винодел, у которого она останавливалась, когда хотела отдохнуть от города. Возле уличного таксофона попросила тормознуть и набрала номер адвоката Захарова.

В Париже было около десяти вечера, в Москве полночь. Но адвокат не выразил никакого недовольствия неурочным звонком.

— Очень хорошо, что вы позвонили, — сказал он. — Есть важные новости.

— Какие?

— Не по телефону. Нужно встретиться. Я смогу прилететь в Париж завтра вечерним рейсом.

— Вы прилетите в Париж? — поразила Ирина. — Это так серьезно?

— Боюсь, что да. Как мне вас найти?

— Я встречу вас в аэропорту.

— Будьте внимательны, — попросил адвокат. — Будет крайне досадно, если мы разминемся.

— Не разминемся, — заверила его Ирина.

Всю дорогу до фермы она пыталась понять, что все это значит. Чтобы адвокат Захаров, у которого каждый день расписан до минуты, бросил все дела и прилетел в Париж встретиться с нею — для этого должно было произойти что-то чрезвычайное. Что же случилось в Москве, в этом холодном опасном городе? Какая цепочка событий привела к тому, к чему привела?

У нее появилось ощущение, что и Париж стал опасен. Она сидела, вжавшись в угол такси и напрягаясь, когда по пути попадались машины полиции. И только в гостевом доме, который фермер сдавал знакомым, успокоилась. Никто не знает, где она. Она исчезла, ее нет. Здесь она в безопасности.

III

Первым, кто понял, что в деле Ирины Керженцевой происходит что-то не то, был красногорский следователь Молчанов. Второй месяц он ездил в СИЗО «Лефортово» и допрашивал Лежнёва. Тот был откровенным и ничего не скрывал. Протоколы допросов наполнялись подробностями, которые могли убедить любой состав присяжных в обоснованности обвинения. В деле появилась судебная перспектива. Не беда, что Ири-

на Керженцева не арестована, она будет осуждена заочно, что успешно практиковалось последние годы. Главное, что решение Верховного суда выполнено, дело доследовано и доведено до логического завершения. О ходе допросов Молчанов регулярно информировал прокурора, тот воспринимал доклады благожелательно и даже с некоторым воодушевлением. Успешное завершение этого дела, которое началось с позорного провала обвинения, реабилитировало красногорскую прокуратуру в глазах начальства. За этим могли последовать карьерные изменения и для прокурора, и для молодого следователя.

И вдруг, когда все шло к завершению, поступило распоряжение сверху: передать дело в Следственный комитет. Молчанов почувствовал себя ограбленным, у него отнимали его тяжело выстраданный успех. Прокурор тоже был недоволен решением, но прореагировал сдержанней: имеют право, на то они и начальство. Он высказал осторожное предположение, что кто-то там, наверху, увидел в деле Ирины Керженцевой возможность укрепить свое положение и продвинуться по службе. Не исключено, что это следствие ведомственной борьбы, которая как началась с решения выделить Следственный комитет из Генпрокуратуры, так и не прекращалась, иногда выплескиваясь в СМИ, но больше проходила невидимо для посторонних, под ковром. Так было на самых верхах, внизу же прокуратура и следователи работали как и раньше, согласовывая свои действия.

Молчанов выполнил приказ, отослал с курьером все материалы дела в Следственный комитет в Техническом переулке, но с обидой не смирился. Голос его сры-

вался от возмущения, когда он рассказывал о решении начальства Панкратову, который регулярно звонил, интересуясь ходом расследования. Панкратова сообщение Молчанова очень заинтересовало. Он приехал в Красногорск и подробно расспросил следователя о том, как все происходило: в какой форме поступил приказ, кто его подписал. Подумав, согласился с предположением прокурора о том, что это может быть результатом борьбы между Генпрокуратурой и Следственным комитетом, но чувствовалось, что это объяснение его не устроило.

— Кому передано дело? — спросил он.

— Полковнику юстиции Маркову, — ответил Молчанов. — Знаете его?

— Когда-то знал. Но тогда он еще не был полковником.

— Что он за человек?

— Исполнитель. Ничего никогда не делает по собственной инициативе, только по приказу начальства. Он продолжает допросы Лежнёва?

— Откуда я знаю? Дело у нас забрали. Продолжает. А что ему остается? Михаил Юрьевич, что за блядство у нас творится? Если с людьми обращаться как с пешками, они и будут пешками. Чего от них ждать?

— Это смотря какие люди. Некоторым удобно быть пешками. Другим не очень. Других всегда мало. Но ими движется жизнь. Банальность, конечно. Но ничего другого сказать не могу. Потому что не знаю.

— А кто знает? — запальчиво спросил Молчанов.

— Никто. Это знание не получают из книг. Только из наблюдений за жизнью. Чем мы и занимаемся. Получая от этого очень сомнительное удовольствие.

Попрошавшись со следователем, Панкратов позвонил Игорю Касаеву:

— Когда ты заканчиваешь?

— В шесть.

— Подъезжай, жду...

Полковник юстиции Марков. Последний раз Панкратов видел его лет пятнадцать назад, когда выручал знакомого водкозаводчика, который неудачно попытался минимизировать налоги. Марков был помощником тогдашнего Генерального прокурора Скуратова и считался надежным, исполнительным работником. После того как на федеральном телеканале показали видеопленку, на которой человек, похожий на Генерального прокурора, развлекался с двумя проститутками, Панкратов ожидал, что карьера Маркова на этом прервется. Он ошибся. После отставки Скуратова Марков стал главным специалистом Генпрокуратуры, из чего Панкратов сделал вывод, что к появлению видеопленки Марков имел, возможно, какое-то отношение. Он всегда выполнял волю начальства, но Скуратов просчитался, решив, что начальник для Маркова он. Оказалось, не он.

И вот — полковник юстиции, следователь по особо важным делам Следственного комитета. То, что именно ему поручили доследовать дело Ирины Керженцевой, говорило о многом. О том, что делу придаётся особое значение. В чем это значение, Панкратов не понимал, но нутром чувствовал, что в деле появилась какая-то новая сильная сторона. Быстро понять, что это за сторона, было очень важно, если он хотел довести дело до конца. А он этого хотел. И когда же-

вание слабело, затираясь мелочами быта, вспоминал овальную фотографию майора Сергея Старостина, укрепленную на дубовом кресте на Троекуровском кладбище.

Когда Игорь Касаев выслушал, какой оборот приняло дело Ирины Керженцевой, Панкратов напомнил давний их разговор:

— Ты говорил, что сотрудники Интерпола имеют право вмешиваться в уголовные дела на любой стадии. Можешь затребовать в Следственном комитете протоколы допросов Лежнёва, которые ведет Марков? О чем его допрашивал Молчанов, мы знаем. А чего добивается Марков, нужно узнать.

Игорь с сомнением покачал головой.

— Затребовать-то могу, но без толку, пошлют. Не тот уровень. Будут они разговаривать с каким-то капитаном полиции!

— А если подключить Сибирцева?

— И его пошлют. Следственный комитет и Генпрокуратура никого не подпускают к своим делам. Сибирцев, конечно, может настоять, но придется действовать через замминистра МВД. Сразу пойдут вопросы: а зачем вам это надо, а что вы хотите узнать? Не пойдет на это Сибирцев. Он хоть и генерал-лейтенант, но прежде всего чиновник, лишняя головная боль ему ни к чему. А что мы хотим узнать, Михаил Юрьевич?

— Понятия не имею, — признался Панкратов. — Но чувствую, что это может быть важным. В дело вмешалась какая-то третья сила. Если наши цели совпадают, все в порядке. А если нет?

— Сколь времени Марков допрашивает Лежнёва?

— Недели две.

— Нам нужны все протоколы допросов?

— Хватит и одного. Я вижу, у тебя родилась какая-то мысль. Не стесняйся, выкладывай.

— Мысль вот такая, — проговорил Игорь. — Камеры для допросов в Лефортово оборудованы звукозаписью. На предмет пресечь злоупотребления следователей, если они вдруг начнут силой выбивать признания из подсудимых. Записи хранятся недели три, потом стираются. У меня хорошие отношения с заместителем начальника СИЗО, мне приходилось там бывать по работе. Нормальный мужик, с ним можно договориться. Даст переписать пленку. Не даром, конечно. Но это, как вы понимаете, незаконно.

— С каких пор ты стал таким законопослушным? — удивился Панкратов.

— Тлетворное влияние Запада, — буркнул Игорь. — Побыл в Марселе и сразу зауважал закон. Вам не нравится?

— Очень нравится. Но закон тогда закон, когда он закон для всех. Когда одни поступают по закону, а другие как выгодней, это уже не закон, а российская реальность. В которой нам приходится выживать. Договаривайся. Сколько нужно заплатить твоему кадру?

— Думаю, штуки две баксов хватит.

Панкратов достал пачку долларов из ящика письменного стола, отсчитал две тысячи. Напутствовал Игоря:

— Действуй. Жду с хорошими новостями.

— Это уж какие получатся...

Новости, которые они получили через неделю, были не плохие, а очень плохие.

IV

Расшифровка допроса Павла Лежнёва следователем по особо важным делам Следственного комитета РФ полковником юстиции Марковым:

«МАРКОВ. Что-то не пойму я тебя, Лежнёв. Третью неделю мы толчем с тобой воду в ступе. Ты упорно суешь голову в петлю, а я никак не могу понять почему.

ЛЕЖНЁВ. Я говорю что было. Правду.

МАРКОВ. Что было и правда — разные вещи. Все зависит от трактовки. Ты что, не понимаешь, к чему приведет тебя твоя правда?

ЛЕЖНЁВ. Я сотрудничаю со следствием. Следователь Молчанов объяснил мне, что только так я могу рассчитывать на смягчение наказания.

МАРКОВ. И ты ему поверил? Это всегда говорят. У нас в ходу другая поговорка: чистосердечное признание облегчает совесть, но увеличивает срок. Ты уже наговорил себе на пожизненное.

ЛЕЖНЁВ. Значит, Молчанов соврал?

МАРКОВ. Не соврал. Тактический прием, на некоторых действует. На таких, как ты. Здесь не Франция, здесь Россия. Не стоило тебе сюда приезжать. Попал, как кур в ошип.

ЛЕЖНЁВ. Это я уже понял.

МАРКОВ. Раз понял, давай разбираться. С самого начала. Ты утверждаешь, что Ирина Керженцева наняла тебя водителем к мужу, заранее зная, что ты согласишься на преднамеренное убийство Григория Вознюка. Так?

ЛЕЖНЁВ. Так. Она мне это предложила. Прямым текстом.

МАРКОВ. Не спеши, мы до этого дойдем. Почему ты решил, что она сделает тебе это предложение?

ЛЕЖНЁВ. Она знала об аварии, в которой погибла Люсьена Дюруа. В то время она жила в Париже и читала газеты, в них об этом случае много писали.

МАРКОВ. Она прямо сказала об этом?

ЛЕЖНЁВ. Не совсем. Намекнула.

МАРКОВ. Значит, это не факт, а только твои догадки? Правильно?

ЛЕЖНЁВ. Они подтвердились.

МАРКОВ. Опять спешишь. Зафиксируем сказанное. Тебе показалось, что Ирина Керженцева имеет на тебя какие-то планы, но утверждать этого ты не можешь. Так и запишем в протокол. Нет возражений?

ЛЕЖНЁВ. Пишите.

МАРКОВ. Мы начинаем лучше понимать друг друга. Идем дальше. Ты утверждаешь, что Ирина Керженцева предложила тебе устроить аварию на Ново-Рижском шоссе. Кто может подтвердить, что такой разговор действительно был, а не является плодом твоей фантазии?

ЛЕЖНЁВ. Никто. Разговор был без свидетелей. Такие разговоры всегда без свидетелей.

МАРКОВ. Значит, и это твое заявление ничем не подкрепляется, кроме твоих слов? В протоколах допроса, проведенных следователем Молчановым, ты сказал, что этот предполагаемый разговор произошел наутро после бурной ночи в баре и ты был не вполне трезв? Сказал?

ЛЕЖНЁВ. Сказал. Так и было.

МАРКОВ. Записываю: «Находясь в то утро в состоянии не совсем адекватном из-за неумеренного упо-

требления алкоголя, я допускаю, что никакого разговора вообще не было, а он был порожден моим нетрезвым сознанием».

ЛЕЖНЁВ. К чему вы ведете?

МАРКОВ. А ты еще не понял? Вытаскиваю твою голову из петли. Твоя судьба меня не очень волнует, но я хочу уберечь наш суд от серьезной ошибки. Самоговор довольно часто встречается среди психически неуравновешенных натур. Таких, как ты.

ЛЕЖНЁВ. Вы считаете меня психопатом?

МАРКОВ. Ты и есть психопат. Живешь в мире, рожденном твоим больным воображением. То, о чем мы сейчас говорим, это доказывает. Продолжим. Ты утверждаешь, что за некоторое время до аварии на Новорижском шоссе ты обсудил с Ириной Керженцевой план намеченного преступления. Ты подробно изучил место происшествия, а она взялась организовать срочный вызов мужа.

ЛЕЖНЁВ. Так и было.

МАРКОВ. Кто может подтвердить, что такой разговор был? Никто, правильно?

ЛЕЖНЁВ. Почему никто? Есть такой человек. Ирина Керженцева.

МАРКОВ. Она сейчас вне пределов нашей досягаемости. Когда она окажется в России, мы ее обязательно допросим. Ты уверен, что на очной ставке она подтвердит твои слова?

ЛЕЖНЁВ. Она не сумасшедшая. Будет все отрицать.

МАРКОВ. Значит, что? Твое слово против ее слова. Кому поверит суд? Тебе? Очень сомневаюсь. Ты кто? Никто. А она дама с положением в обществе, хозяйка

крупного медиахолдинга. Суд присяжных уже однажды полностью ее оправдал. То же будет и на этот раз, если дело дойдет до суда. Ты, Лежнёв, думай о себе. А она о себе сумеет позаботиться.

ЛЕЖНЁВ. Что же, по-вашему, произошло на Ново-Рижском шоссе?

МАРКОВ. Скажу. Следователь Молчанов консультировался с опытными водителями-испытателями на Дмитровском полигоне НАМИ. Они заявили, что специально такую аварию не может устроить никто. Разве что Шумахер. А ты не Шумахер. С этим, надеюсь, не будешь спорить? А произошло вот что. Ирина Керженцева почувствовала себя плохо и позвонила мужу. Он приказал тебе ехать в поселок как можно быстрее. На темном шоссе ты не справился с управлением и врезался в бульдозер. Сам не погиб только по счастливой случайности. Вот это и произошло. А про сговор забудь. Не было никакого сговора.

ЛЕЖНЁВ. Есть протоколы допросов, которые вел следователь Молчанов. Там я подробно обо всем рассказал.

МАРКОВ. Следователь Молчанов увидел в твоём деле возможность сделать карьеру и вынудил тебя дать признательные показания. Он понесет за это ответственность.

ЛЕЖНЁВ. Все равно не проходит. Из Марсея я послал заявление в Генеральную прокуратуру России. В нем все рассказал.

МАРКОВ. Я читал заявление. Твое чистосердечное признание только на первый взгляд выглядит убедительно. Когда начинаешь разбираться, все оказывается бредом. Почему ты его написал?

ЛЕЖНЁВ. Она знает. У нас с ней свои счеты.

МАРКОВ. Вот и объяснение. Ты оклеветал Ирину Керженцеву на почве личных неприязненных отношений. Ты с ней спал?

ЛЕЖНЁВ. Нет.

МАРКОВ. Не дала? Такому красавцу? Это очень обидно, как я тебя понимаю!

ЛЕЖНЁВ. Вы забыли еще об одном. За это дело она заплатила мне 800 тысяч евро. Как я объясню эти деньги?

МАРКОВ. Никак. Это твои коммерческие дела. Сумел кинуть неопытную женщину на бабки — радуйся. К нашему делу это никакого отношения не имеет. Ты все понял, Лежнёв?

ЛЕЖНЁВ. Не все. Чем это для меня кончится?

МАРКОВ. Ничем. Если будешь себя разумно вести. Дело закроют из-за отсутствия состава преступления, а тебя депортируют во Францию как нежелательного иностранца. Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки. Запомни то, о чем мы сегодня говорили. И стой на этом. На следующих допросах мы подробно пройдемся по каждому эпизоду. Будь здоров, Лежнёв. Контролер, уведите подследственного!..»

— Что же это такое, Михаил Юрьевич? — возмущенно спросил Игорь, когда Панкратов дочитал расшифровку. — Он же отмазывает Лежнёва! Самым нахальным образом!

— Не Лежнёва, — возразил Панкратов. — Он отмазывает Ирину Керженцеву. Почему? Пока не знаю, нужно разбираться.

Их разговор прервал телефонный звонок.

— Михаил Юрьевич, это Файберг, — прозвучал в трубке мужской голос. — Помните меня?

— Конечно, помню. Здравствуйте, Ефим Маркович.

— Нужно встретиться. По делу, которое вас интересовало. Интерес не пропал?

— Наоборот, возрос.

— Подходите через час в кафе на Тверской, где мы с вами разговаривали прошлый раз. Успеете?

— Вполне.

— До встречи!..

— Это кто? — спросил Игорь.

— Бывший финансовый директор медиахолдинга Григория Вознюка. Он может знать то, чего мы не знаем.

* Звонок Файнберга Панкратова не удивил. Ни в какую эзотерику он не верил, но допускал, что где-то в ноосфере существует некое информационное поле, в котором, как в Интернете, есть все. И когда плотно занимаешься каким-то делом, нужные сведения притягиваются из этого поля как бы сами собой. Сейчас, похоже, это и произошло.

V

Панкратов не видел Файберга месяца три, но за это время он заметно изменился. Исчезла озабоченность, даже затравленность, вполне понятная для человека, который в немолодые годы потерял работу, в лице и манере поведения появилась некоторая начальственная вальяжность. Он подъехал к кафе в черной «ауди А8», приказал водителю отогнать машину на

парковку и ждать звонка. Войдя в кафе и увидев Панкратова, подсел к его столику, спросил:

— Вы за рулем?

— Нет, мне от дома досюда двадцать минут пешком.

— Значит, мы можем выпить? Отлично. Два коньяка, двойных, — сделал он заказ подоспевшей официантке. Пожаловался: — Когда нет работы, плохо. Когда есть, тоже ничего хорошего, некогда голову поднять.

— Я вижу, вы нашли неплохую работу, — заметил Панкратов. — Машина с водителем и правительственными номерами. Как вам удалось?

— Хорошие специалисты всегда в цене. Знаете, как говорят артисты? Сначала ты работаешь на имя, а потом имя работает на тебя. Хотите спросить, куда я устроился?

— Любопытно. Но если не хотите, не говорите.

— Вам скажу. Я навел о вас справки. Вы человек, заслуживающий доверия.

— Вы навели обо мне справки? — удивился Панкратов. — Где?

— У меня широкие информационные возможности. Я работаю советником президента очень серьезной фирмы. Фирма «Союз». Она считается частной, но связана с госструктурами. На очень высоком уровне. Я потому об этом говорю, что это имеет прямое отношения к нашему разговору. Будьте здоровы, Михаил Юрьевич! — поднял он бокал и выпил, не чокаясь.

— Будьте здоровы, Ефим Маркович! — отозвался Панкратов и пригубил свой коньяк.

— Есть какие-нибудь изменения в деле Ирины Керженцевой? — перешел Файнберг к делу.

— Есть. И они мне очень не нравятся.

— Чем?

— У меня создалось впечатление, что ее отмазывают. И силы задействованы очень серьезные.

— Примерно этого я и ожидал. Вы уже поняли, в чем дело?

— Нет.

— Медиахолдинг. То, что я вам сейчас скажу, может быть расценено как должностное преступление с моей стороны. Но не сказать не могу. Меня трясет, когда я вспоминаю о том, что мой друг на кладбище, а эта гадина раскатывает по заграницам и наслаждается жизнью. Дело вот в чем. Моя фирма хочет прибрать к рукам холдинг Григория. У мадам пакет в 75 процентов акций. Это и есть цель.

Сейчас для этого очень удобный момент. Верховный суд, как вы знаете, отменил оправдательный приговор. У мадам небольшой выбор: скрываться всю жизнь за границей или принять наши условия.

— Вашей фирме нужен весь холдинг?

— Нет. Бумажные таблоиды нас не интересуют, их век проходит. А кабельное телевидение очень интересно. Здесь уже начинается политика. Наверху поняли, что бесцензурное ТВ представляет большую опасность, подогревает общественное недовольство. Все эти белые ленточки, протестные гуляния. Не говоря уже о митингах на Болотной площади и проспекте Сахарова.

— Мне не кажется это серьезным, — заметил Панкратов. — Народ в массе инертен, а интеллигенция погоды не делает.

— Вам не кажется, а им кажется, — возразил Файнберг. — События этой зимы перепугали Кремль до икоты. С Интернетом пока ничего нельзя сделать, а все кабельные сети нужно поставить под контроль, пока не поздно. Это и поручено нашей фирме. Завтра я встречаюсь с адвокатом Захаровым и через него передам мадам предложение, от которого она не сможет отказаться. У него какая-то связь с мадам есть. Не знаю, что вы сможете сделать в этой ситуации, но должен был вам это рассказать. Чтобы вы понимали что к чему.

— Спасибо, Ефим Маркович. Ценю ваше доверие. Файнберг допил коньяк и посмотрел на часы.

— Мое время истекло.

Бросил в мобильник:

— Подъезжайте.

Потом обратился к Панкратову:

— Держите меня в курсе. Мой телефон вы знаете. Счет, пожалуйста! — попросил официантку. Дал ей тысячерублевую купюру. — Сдачи не нужно.

— Вы уж совсем держите меня за бедного родственника, — усмехнулся Панкратов. — Я в состоянии заплатить за выпивку.

— Платит фирма. Не разорится. Представительские расходы. Рад был поговорить с вами. Надеюсь, что в следующий раз новости будут лучше. Хоть и не очень в это верю.

Файнберг пожал Панкратову руку и вышел из кафе. «Ауди» уже ждала его. Панкратов проводил взглядом машину и набрал на мобильнике номер, по которому звонил только в крайних случаях. Сейчас и был такой случай.

— Николай Николаевич, нужна ваша помощь. Давайте встретимся. На нашем месте, в «Кофе Хаусе» на Неглинке.

Человек, которого все звали Николаем Николаевичем, а настоящего имени не знал никто, был таким же, как Панкратов, посредником, порожденным реалиями российской жизни последнего десятилетия. Только Панкратов был посредником между предпринимателями и госструктурами, по большей части налоговыми, а Николай Николаевич мог организовать особые услуги правоохранительных органов, которые иногда требовались серьезным людям: прослушку любых телефонов, даже самых защищенных, наружное наблюдение, контрнаблюдение с использованием, если нужно, десятка машин. Эти услуги стоили очень дорого, но когда речь идет о сохранении состояния или даже жизни, деньги не имеют значения. За много лет сотрудничества между ним и Панкратовым сложились доверительные отношения из-за одинаково богатого жизненного опыта и сходства характеров.

— Чем могу быть полезен? — спросил Николай Николаевич, когда они расположились за столиком «Кофе Хауса» с чашками капучино.

— Нужно поставить на прослушку телефоны адвоката Захарова. Служебный и домашний. Юридическая фирма «Захаров и сын». Знаете такую?

— Знаю. Вас интересуют все разговоры?

— Нет, только международные, с Парижем.

— Сделаем. Это все?

— Пока все.

Деловая часть была закончена, но Николай Николаевич не поспешил уйти и раствориться в толпе, как поступал всегда, определившись с заданием. Панкратов понял, что ему хочется поговорить с человеком, близким по духу. Он и сам с возрастом все чаще ощущал дефицит общения. Информации было море, она лезла в глаза и в уши из всех щелей, из радио, из газет, из Интернета. А вот обсудить ее было не с кем. С женой об этом не поговоришь, сверстника-соседа у него не было, деловым знакомым не до таких разговоров. Комментарии на интернет-сайтах он читал, но желания принять участие в обсуждениях не возникало, слишком много там было словесного мусора и озлобленности.

— Как вам все это нравится? — спросил Николай Николаевич.

— Что?

— То, что происходит в Москве.

— Не знаю. Что Москва оживилась, скорее нравится, чем не нравится. Но к чему это может привести?

— И я о том же. Вы знаете, что президент подписал закон о митингах?

— Слышал. Триста тысяч рублей штрафа любому участнику митинга — это круто.

— По-моему, власти не понимают, что делают. Эти бессмысленные аресты на улицах за белые ленточки, ОМОН с дубинками. А теперь вот этот закон. У вас нет ощущения, что власти специально нагнетают обстановку?

— Зачем? — не понял Панкратов.

— Спровоцировать беспорядки, жестко их подавить, а потом закручивать гайки.

— Закручивать гайки можно и без этого. Пока держатся такие цены на нефть, власти могут делать что угодно. А вот если они рухнут до сорока долларов за бочку, как четыре года назад, тогда мы и проснемся в другой стране. К чему нам, впрочем, не привыкать.

— Не хотелось бы до этого дожить, — вздохнул Николай Николаевич.

— Можем и дожить, — успокоил его Панкратов. — Какие наши годы!

Они молча пожали друг другу руки и разошлись.

Николай Николаевич позвонил через день в половине первого ночи.

— Зафиксирован разговор, который может вас заинтересовать. Звонок из Парижа. Прокрутить запись?

— Давайте.

«— Добрый вечер, Илья Иосифович, вы меня узнали? — прозвучал на пленке женский голос. — Извините, что беспокою так поздно. Но происходит что-то непонятное, и это меня очень тревожит.

— Очень хорошо, что вы позвонили, — ответил Захаров. — Есть важные новости.

— Какие?

— Не по телефону. Нужно встретиться. Я смогу прилететь в Париж завтра вечерним рейсом...»

— Вы поняли, с кем разговаривал адвокат? — спросил Николай Николаевич.

— Да, понял.

Он разговаривал с Ириной Керженцевой.

VI

Парижский рейс должен был вылететь из Шереметьево в 18.15, но задержался на десять минут. Как понял адвокат Захаров, ждали двух опаздывающих пассажиров. Когда они заняли свои места, аэродромные службы отогнали трап, самолет двинулся на взлетную полосу. Захаров слегка удивился. Эти двое не были похожи на VIP-персон, из-за которых задерживают вылет аэробуса. Оба в одинаковых серых плащах, с одинаковыми кейсами в руках, с невыразительными незапоминающимися лицами. Скорее всего, бизнесмены средней руки, как и многие пассажиры в салоне эконом-класса, сидевшие вперемежку с туристами. Они были незнакомы, заняли разные кресла и за все четыре часа полета ни разу не подошли друг к другу. Но это странность не задержала внимания адвоката, ему было о чем подумать.

Причиной, по которой Захаров бросил все дела и срочно вылетел в Париж, был разговор с советником президента московской фирмы «Союз» Файнбергом и его настоятельная просьба связаться с Ириной Керженцевой и передать ей предложение фирмы. Строго говоря, такое посредничество в обязанности Захарова не входило и даже больше того — могло быть расценено адвокатским сообществом как серьезное нарушение профессиональной этики. Адвокат обязан отстаивать интересы подзащитной всеми законными способами, а ее имущественные дела его не касаются, это юрисдикция арбитража. Но фирма, которую представлял Файнберг, была очень влиятельной, за ней стояли фигуры, приближенные к власти. Отказ Заха-

рова от сотрудничества мог иметь далеко идущие последствия. Юридическая фирма «Захаров и сын» потому и пользовалась доверием VIP-клиентов, что рассчитывала на поддержку серьезных людей, слово которых было решающим для всех судебных инстанций. Если станет известно, что она лишилась этой поддержки, а об этом сразу станет известно, дела фирмы быстро пойдут под гору.

И все же в начале разговора с Файнбергом Захаров твердо решил отклонить его предложение и думал о том, как сделать это в мягкой форме. Когда же услышал об условиях, которые он должен передать своей подзащитной, сразу понял, что уклониться от этого неприятного дела ему не удастся. И уклоняться не следует. Если бы Ирина приняла эти условия, ему самому это было бы очень выгодно. Ее дело благополучно завершится, а он получит серьезный гонорар. Но условия были такими, что у Захарова не было никакой уверенности, что Ирина на них пойдет.

— Такие предложения бессмысленно обсуждать по телефону, — сказал он Файнбергу. — Это значит наверняка получить отказ. Моя подзащитная дама с характером.

— Илья Иосифович, не мне вас учить, как вести дела, — ответил Файнберг. — Я передал вам поручение моих доверителей. Они очень рассчитывают на положительный ответ. И они не из тех, кто забывает об услугах.

На следующий день после панического звонка Ирины Захаров приказал сыну:

— Закажи билет в Париж. На завтра. И обратный, на ночной рейс.

- Но у тебя завтра три важные деловые встречи.
- Перенеси, есть дела поважней.

Все четыре часа полета Захаров думал о том, как построить разговор с Ириной, чтобы убедить ее принять условия Файнберга. Но ничего придумать не смог. Решил: «Ладно, сориентируюсь по обстоятельствам».

Аэропорт Шарля де Голля встретил его привычным многолюдьем, десятки самолетов каждый час взлетали и приземлялись, наполняя залы прилета толпами приезжих. В них было очень легко потеряться, и поначалу Захаров с раздражением решил, что произошло то, чего он боялся: Ирина что-то напутала, среди встречающих московский рейс ее не было. Он растерянно огляделся. Суетились гиды, собирая туристов, по зеленому коридору прошли и сразу растворились в толпе два бизнесмена, из которых задержали самолет. Где ее, черт возьми, искать? Ни ее адреса, ни телефона у него не было. Но через минуту он услышал сзади ее голос:

— Здравствуйте, Илья Иосифович. Вы меня потеряли?

Захаров оглянулся. Перед ним стояла жгучая брюнетка в темных очках и белой бейсболке с надвинутым на глаза козырьком, в светлом плашике, перехваченным пояском, как обычно носят француженки. Лицо без макияжа, совсем юное. Холщовая торба на плече. Она была похожа на студентку.

— Вы перекрасились? — удивился Захаров. — Зачем? Быть блондинкой вам шло гораздо больше.

— Парик, — объяснила она. — Мне приходится заботиться о своей безопасности. Сколько времени у нас есть?

— Немного. Я должен вернуться в Москву ночным рейсом. Где бы нам поговорить?

— Пойдемте, я знаю довольно спокойный бар.

Она уверенно провела адвоката по многочисленным переходам и эскалаторам в дальнюю часть аэропорта, которую не захлестывала толпа улетающих и прилетевших. В баре были свободные столики и не было музыки. Ирина взяла у стойки два виски со льдом, сняла темные очки и предложила Захарову:

— Расслабьтесь, Илья Иосифович. Какие важные новости вы мне привезли?

— Скажу. Но сначала хочу спросить: что вызвало ваш тревожный звонок?

— Ко мне в студию приходили полицейские и спрашивали мадам де Бюссе. О том, что я живу под этим именем, никто не мог знать. Даже вы не знали.

— Уже знают. Ваше второе имя внесено в ордер Интерпола.

— А вы-то откуда это узнали?

— От человека, по просьбе которого я прилетел. Это очень серьезная фирма. Называется «Союз». Они знают все, что им нужно знать. Еще вопрос. Вам известно, что Павел Лежнёв в Москве и дает признательные показания следователям?

— В Москве? — недоверчиво переспросила она. — Как он оказался в Москве? Он же был в Марселе!

— Этого я не знаю. Но факт, что оказался. Вы понимаете, что это в корне меняет ситуацию в вашем деле?

— Понимаю, я же не совсем дура.

Ирина залпом выпила виски и пошла к стойке за добавкой. Захаров рассеянно огляделся. Он был доволен тем, как пошел разговор. Ирина перепугана и не пытается это скрыть. С некоторым удивлением он обнаружил, что два пассажира, из-за которых задержали самолет в Москве, тоже сидят в этом баре с чашками кофе за разными столиками. Один работает на лэптопе, другой вертит в руках какой-то гаджет. Но он не обратил на них внимания, его больше заботило, как дальше вести разговор, чтобы закрепить успех.

— Вы много пьете, — заметил он, когда Ирина вернулась с новой порцией виски.

— Меня уже поздно воспитывать. Лучше скажите, что мне делать. Вы адвокат, я вам плачу за советы, а не за нравоучения.

— Я за этим и прилетел. Есть возможность закрыть ваше дело. За отсутствием состава преступления. Это гарантирует фирма, о которой я говорил.

— Как можно его закрыть, когда Лежнёв в Москве и дает признательные показания?

— С ним разберутся. Этот оборот для вас самый благоприятный. Но при одном условии. У вас 75 процентов акций медиахолдинга. Этот пакет вы должны передать фирме.

— Как передать? — не поняла она.

— Внести в «Фонд развития демократии». Так это называется.

— Сколько они готовы заплатить?

Захаров помедлил с ответом. Это была самая трудная часть разговора.

— Нисколько, — наконец сказал он.

— То есть? — удивилась Ирина. — Капитализация холдинга не меньше 300 миллионов долларов. Они хотят получить его бесплатно?

— Не бесплатно. У сделки есть цена. Эта цена — ваша свобода. Не спешите отвечать, подумайте. Вы обложены со всех сторон. Одна ваша ошибка, и вы снова окажетесь в Лефортово. И тогда уже не будет иметь никакого значения, сколько стоит ваш холдинг. Деньги нужны, когда человек на свободе. Когда он в тюрьме, деньги ему не нужны.

— Вы это серьезно, Илья Иосифович? Да за триста миллионов я куплю всех ваших следователей, прокуроров и судей с потрохами! Мое оправдание в Красногорске обошлось мне гораздо дешевле.

— Допускаю, — согласился адвокат. — Если у вас будет эта возможность. В чем я очень сомневаюсь. Вы получите срок, а холдинг все равно перейдет фирме. Если вы хоть немного интересуетесь событиями в России, вы должны знать, как это происходит.

— Зачем им холдинг?

— Политика. Они хотят контролировать все кабельное телевидение. Рекламные потоки их не интересуют. Интересует влияние на настроение общества. Как видите, Ирина, намерения у них очень серьезные. И у них достаточно средств, чтобы добиться своего.

— Если они такие всемогущие, зачем им договариваться со мной? Они и так могут получить холдинг. Для этого есть много способов, и все способы они знают.

— Схема, которую они предложили, самая простая. Все остальные сложнее.

— Допустим, я отдаю акции. Где гарантии, что они выполнят свои обязательства?

— Гарантий нет. Вам придется положиться на их слово.

— И с этим вы прилетели в Париж? А то сами не знаете, чего стоит слово чиновника, даже самого высокопоставленного!

— Я прилетел в Париж, потому что меня об этом попросили. Я знаю этих людей. Они словами не бросаются.

— До тех пор, пока не чихнул начальник. После этого они берут под козырек и все свои обещания забывают. Скажете, не так?

— Бывает и так. Но я не вижу причин, по которым в это дело может вмешаться начальство. Руководителям фирмы важно решить проблему. Если они ее не решат, вот тогда вмешается начальство. И последствий я не могу предсказать. Вижу, что мне не удастся вас убедить. Но не спешите говорить «нет». Обещайте подумать. И вы сами поймете, что это оптимальный выход.

— Подумать обещаю. Но это все, что я могу обещать. А этим серьезным людям передайте, чтобы они подумали о гарантиях. О настоящих гарантиях, а не о пустых словах.

— Передам, — пообещал адвокат.

— Вы не обидитесь, если я вас не провожу? — спросила Ирина. — Я живу сейчас не в Париже, ехать довольно далеко.

— Не обижусь. Поезжайте. И будьте осторожны. Мне не нравится перспектива снова увидеть вас в Лефортово.

Она допила виски, надела очки и вышла из бара. Захаров еще немного посидел за столиком, обдумывая

разговор. Что ж, он не добился согласия, но выполнил все, о чем просил Файнберг. Ирина умная женщина. Она обещала подумать. Подумает и поймет, что другого выхода у нее нет. А Файнберг пусть позаботится о гарантиях. Так он ему и скажет.

До начала регистрации на московский рейс оставалось полтора часа. Захаров решил зайти в дьюти-фри купить что-нибудь домашним. Не каждый день ему приходится бывать в Париже, неудобно возвратиться с пустыми руками. Выходя из бара, он заметил, что двух странных пассажиров за столиками нет. Он не заметил их и на борту самолета. Случайно увидел уже в Шереметьево, они садились в полицейский микроавтобус.

* Через день Николай Николаевич передал Панкратову пленку с записью разговора адвоката Захарова с Ириной Керженцевой в баре аэропорта Шарля де Голля. Запись была сделана теми двумя странными пассажирами, из-за которых задержали вылет самолета в Москве. Это были опытные сотрудники службы наружного наблюдения, задействованные Николаем Николаевичем. Было очень непросто все организовать за такое короткое время: получить французские визы и успеть на рейс, которым вылетал адвокат. Но Николай Николаевич был гением логистики, у него всегда получалось то, за что он брался.

— Качественная работа, — сделал ему Панкратов комплимент, передавая десять тысяч долларов за выполненное задание. — Если бы так умела работать наша полиция, мы бы жили в другой России.

— Но мы с вами собирали бы в ней пустые бутылки, — усмехнулся Николай Николаевич. — В обзори-

мом будущем это нам не грозит. В советские времена у меня был знакомый цеховик. Он всегда говорил: чем вы недовольны? У режима огромные запасы энергии — энергии косности, бюрократизма, разгильдяйства. Только эту энергию нужно уметь обращать себе на пользу.

— Он умел?

— Научился. Хоть и не сразу. Сначала отсидел восемь лет. Зато сейчас у него банк на Урале и несколько заводов. Прослушку телефонов Захарова снимаем?

— Пока нет, — ответил Панкратов. — Пусть будет.

Вернувшись домой, он два раза прослушал пленку и позвонил Игорю Касаеву:

— Есть новости, нужно обсудить.

VII

Ферма, на которой жила Ирина Керженцева, занимала около двадцати гектаров на южном склоне местных холмов, выращивали Каберне Фран и делали из него красное вино, по качеству не намного уступающее знаменитому Шато Лафит-Ротшильд. Вино закупали лучшие рестораны и элитные магазины Парижа. Хозяйство процветало, но несколько последних лет были плохими — то нестерпимая жара, то дожди. Все разговоры за ужином в большой семье фермера с взрослыми сыновьями и дочерьми, их женами и мужьями были о погоде. Нынешнее лето никаких природных аномалий не обещало, урожай должен был получиться обильным, с виноградом высшего качества, как в самые лучшие годы.

Ирина обычно поддерживала общий разговор, но сейчас ей было не до погоды и видов на урожай. Она быстро ужинала и уходила в гостевой дом.

— У мадам проблемы? — однажды спросил фермер, хотя не в обычае французов было интересоваться чужими делами.

— Не вникайте, месье, — ответила Ирина. — У кого сейчас нет проблем?

— Да, трудные времена, — согласился он. — Французы потеряли вкус к жизни. Вместо хорошего вина пьют бурду из Калифорнии. Какое вино могут делать в Калифорнии? Слишком молодая страна. Научатся лет через двести. Но не раньше, мадам, никак не раньше.

Через три дня после разговора с адвокатом Захаровым в аэропорту Ирина взяла у внука фермера велосипед и поехала на железнодорожную станцию, где останавливались пригородные электрички из Парижа. Там были уличные телефоны-автоматы. Звонить по мобильнику она не рискнула, где-то прочитала, что они прослушиваются и можно определить место, откуда звонят.

— Вы поговорили с вашими серьезными людьми? — спросила она, когда адвокат Захаров ответил.

— Поговорил. Мне сказали, что с Лежнёвым работают, он откажется от признательных показаний. Это хорошая новость.

— Больше ничего они не сказали? Про гарантии?

— Никаких гарантий. Вы никак не поймете, Ирина, с кем имеете дело. С этими людьми нельзя разговаривать с позиции силы. Вы не в том положении. Чем быстрее вы это поймете, тем лучше.

— Лучше для кого? Для них?

— И для вас. Для вас в первую очередь.

— Мне выкручивают руки, а вы советуете довольствоваться их пустословием? Илья Иосифович, я начинаю сомневаться, что выбрала того адвоката, который мне нужен.

— Вы можете отказаться от моих услуг в любой момент, — оскорбился Захаров. — Но не забывайте, кому вы обязаны своим оправданием.

— Не обольщайтесь, не вам. Человеку, который мне помогал. Если бы он не подкупил свидетелей и присяжных, все ваше красноречие было бы потрачено впустую.

— Я не могу допустить, чтобы со мной разговаривали в таком тоне. Я не знаю и знать не хочу, кто и как вам помогал. Если вас не устраивает моя квалификация, обратитесь к этому человеку.

— Так я и сделаю. Спасибо. Это единственный ценный совет, который я получила от вас в последнее время, — вспылила Ирина и бросила трубку.

В пристанционном универсаме она купила бутылку односолодового шотландского виски «Glen Grant», дома выпила без закуски. Но напряжение не отпустило. Сукин сын. Получать многотысячные гонорары ты умеешь, а помочь своей подзащитной не можешь. Помочь делом, а не пустой болтовней. Или не хочешь?

Здесь было о чем подумать. Было понятно, что адвокат так боится не угодить этим сильным людям из фирмы «Союз», что готов даже на то, чтобы потерять очень выгодную клиентку. Они в самом деле такие могущественные?

Понимала Ирина и другое. Она для них фигура, пока у нее контроль над медиахолдингом. Как только она

передаст свои акции в «Фонд развития демократии», сразу превратится в бесконечно малую величину, которой можно пренебречь. «Фонд развития демократии». Бляди. Хотят придушить остатки свободомыслия в России и называют это развитием демократии. Она никогда не интересовалась политикой, политика существовала где-то в другой жизни и ее не касалась. Но теперь почувствовала, что готова присоединиться к многотысячным зимним митингам на Болотной площади и проспекте Сахарова. Бляди!

Но все это были эмоции. Сейчас нужно решить, как ей следует поступать. И не было никого, с кем можно посоветоваться. Ни одного человека.

Ирина никогда не тяготилась отсутствием близких людей, которым можно открыть душу. По складу характера она была самодостаточна, с женщинами не сходилась, зная, что они подруги, когда у тебя все хорошо, мужчины были любовниками и мужьями, но никогда друзьями. Так было в России, так было и во Франции, где вообще не принято плакаться другому в жилетку. И лишь теперь почувствовала, как остро не хватает ей человека, которому можно открыться и рассчитывать на его бескорыстный совет. Она перебрала в памяти всех знакомых и никого не нашла. И только потом вспомнила: такой человек есть.

Да, есть. Серж, молодой офицер Интерпола, который сопровождал ее в Москву после ареста в Риме. За время полета она сумела настроиться на его волну и произвести то действие, какое производила на многих мужчин, иногда сознательно, иногда не желая того. Он сразу поверил, что она ни в чем не виновата, и сде-

лал все, чтобы вытащить ее из тюрьмы. Вот с кем она хотела бы поговорить. Ей нужно с ним поговорить.

Но как с ним связаться? Его телефон она знала. И хотя такие разговоры по телефону не ведут, вывела на дисплей мобильного его номер и нажала опцию «Позвонить». Оператор ответил: «Набранный вами номер не существует». На два электронных письма, которые она послала ему после суда, он не ответил. Почему? Обиделся на нее? За что он мог обидеться?

Виски в бутылке убавилось. Оно наконец-то оказало свое действие. Ирина даже всплакнула, так ей стало жалко себя. Открыла в ноутбуке электронную почту, нашла адрес Сержа, набрала:

«Милый друг, куда ты пропал? Я во Франции, мне очень одиноко. Я вдруг поняла, что ты единственный человек, которого я хочу увидеть. Отзовись. Твоя Ирина».

VIII

Игорь Касаев приехал к Панкратову со спортивной сумкой, сразу выгрузил из нее ноутбук Сергея Старостина и включил в сеть.

— Зачем ты его привез? — не понял Панкратов.

— Потом скажу, — пообещал Игорь. — Вы сказали, что есть новости. Какие?

Он с напряженным вниманием прослушал пленку с записью разговора адвоката с Ириной Керженцевой в аэропорту Шарля де Голля. Прокомментировал:

— У них губа не дура! Получить бесплатно холдинг стоимостью триста 300 долларов, неплохо! А потом эти бабки попилят?

— Не думаю. Таких денег им никто не даст.

— Она потребовала гарантий. Получила?

— Нет. Я разговаривал с Файнбергом. Он сказал адвокату: никаких гарантий. А Захаров передал Ирине, она недавно звонила.

— Файберг не понимает, что она их пошлет?

— Понимает. Потому и сказал.

— Разве у него задача не устроить сделку?

— Его задача сделку сорвать. Григорий Вознюк был его другом, он не может допустить, чтобы его убийцу отмазали.

— Но он работает на фирму!

— Он работает там, где ему предложили работу. Это не мешает ему оставаться порядочным человеком и саботировать решения, которые ему не нравятся. Так, как может. Ты не задумывался, почему многие людоедские замыслы властей остаются нереализованными? Потому что в любой системе еще есть порядочные люди.

— Что в этой ситуации делать нам?

— Пока не знаю, нужно думать. Показывай, что привез. Вообще-то ноутбук пора вернуть Нине Яковлевне, он больше нам не понадобится.

— Ошибаетесь, Михаил Юрьевич. Еще и как понадобится. Смотрите!

Игорь открыл электронную почту. Панкратов прочитал:

«Милый друг, куда ты пропал? Я во Франции, мне очень одиноко. Я вдруг поняла, что ты единственный человек, которого я хочу увидеть. Отзовись. Твоя Ирина».

— Вы поняли? — возбужденно спросил Игорь. — Она тоже не знает, что Сергея нет в живых!

— Это я понял, — ответил Панкратов. — Но не понял, как нам реагировать.

— Нужно ответить!

— Что мы можем ответить? Мы даже не знаем, на «ты» он был с ней или на «вы».

— На «ты». Она же с ним на «ты». Я знаю, что написать. Придумал по дороге к вам.

— Ну, пиши.

Игорь сел за клавиатуру. На мониторе появился текст:

«Очень рад, Ирэн, что ты меня не забыла. Я не пропал, был занят, тяжело заболел отец. Чем я могу тебе помочь? Всегда твой Сергей».

— Я почему так написал? — объяснил Игорь. — Про больного отца она знает? Может знать. Сергей был бы рад, что она его не забыла? Очень рад, если бы остался жив и ничего про нее не знал. И главное — коротко, она не поймет, кто ей пишет. Отправляю?

— Я бы «всегда твой» снял. Она может ему написать «твоя Ирина», а он мужчина.

— Убедили. «Всегда твой» убираю. Остальное нормально?

— Отправляй, — кивнул Панкратов.

Ответ пришел через полчаса, когда Игорь уже одевался в прихожей. Ирина написала:

«Милый Серж, как я могла тебя забыть? Ты столько сделал для меня, сколько не сделал никто. Но я снова на пороге тюрьмы. Ты знаешь, что Верховный суд отменил оправдательный приговор? Теперь я понимаю почему. У меня хотят отобрать холдинг, взамен обещают прекратить мое дело. Капитализация холдинга 300 миллионов долларов, они хотят получить его бес-

платно. Фирма «Союз». Ты знаешь что-нибудь об этой фирме, можно им доверять? Они сказали, что мое имя, под которым я жила в Париже, внесено в ордер Интерпола. Узнай, так ли это, я уже ничему не верю. Еще они сказали, что Лежнёв в Лефортово и дает признательные показания. Как он может быть в Москве, если я недавно видела его в Марселе? Мне кажется, что и это неправда, рычаг давления на меня. Вот сколько вопросов я задала. Но кроме тебя мне не к кому обратиться. С нетерпением жду ответа. Твоя Ирина».

IX

В офис компании «Мегаполис» на Садовом кольце Панкратов и Игорь Касаев приехали к концу рабочего дня, когда у Аслана Касаева закончились совещания и переговоры. Референт встретил их на вахте и проводил в зимний сад. Как и в прошлый раз, Аслан сидел в кресле, положив ноги на край письменного стола, отдыхал от людей. Та же черная рубашка апаш, расстегнутая до пупа, та же золотая цепь на груди. Лицо тяжелое, хмурое, с нестертыми следами дневных забот. Панкратов мимолетно отметил, что быть богатым человеком хорошо, но и платить за это приходится немало, всем временем жизни. Аслан был из тех людей, для которых их бизнес стал главным и единственным содержанием жизни. Отними у них необходимость каждый день решать очень непростые проблемы, они испытают ломку, как наркоман, которого лишили дозы.

Аслан усадил гостей в кресла, распорядился принести кофе и внимательно посмотрел на сына. Отметил:

— Ты повзрослел. Люди быстро взрослеют, когда заняты серьезным делом. Как успехи, Михаил Юрьевич?

— Есть трудности, — неопределенно отозвался Панкратов.

— Нужны деньги?

— Нет. Игорь, объяснишь?

— Лучше вы. У вас лучше получится. Родители никогда не воспринимают предложения детей слишком серьезно.

— Заинтриговали, — сказал Аслан. — Слушаю.

Панкратов помедлил. Накануне они с Игорем долго обсуждали, что ответить на письмо Ирины Керженцевой. Было понятно, что она в панике и готова принять предложение фирмы «Союз», если ее устроят гарантии. У «Союза» огромный административный ресурс и влияние на Генпрокуратуру и Следственный комитет. Они получают холдинг, а убийца останется безнаказанной. Допустить этого было нельзя. Но и просто сказать «Не верьте им, кинут» было недостаточно. Слова нужно было подкрепить чем-то весомым. Игорь предложил обратиться за помощью к отцу и предложил, как его можно задействовать. Панкратов согласился, хотя и сомневался, что многоопытного Аслана удастся уговорить. И теперь он думал, как подойти к делу, чтобы сразу не нарваться на его «нет».

Аслан терпеливо ждал. Молоденькая секретарша принесла кофе, но к нему никто не притронулся.

— Не хотите заняться медиабизнесом? — наконец спросил Панкратов.

— Ни малейшего. С меня и моего бизнеса хватает.

— Если бизнес не экспансивен, он деградирует. Не мне вам об этом говорить.

— А что, есть предложение? — заинтересовался Аслан.

Панкратов понял, что нашел верный тон. Ни один серьезный бизнесмен не упустит возможности захватить чужой бизнес.

— Есть, — подтвердил он. — Бывший медиахолдинг Григория Вознюка. Его капитализация около 300 миллионов долларов. Сейчас можно купить его гораздо дешевле.

— Холдинг Вознюка? — переспросил Аслан. — Но его унаследовала эта сука, Ирина Керженцева. С какой стати ей его продавать? Тем более по дешевке.

— Иначе его отберут бесплатно.

— Кто?

— Фирма «Союз». Знаете такую?

— Кто же ее не знает! Очень серьезные люди. Вы предлагаете мне потягаться с ними? Это политика. А я не занимаюсь политикой.

— Ждете, когда политика займется вами? Дождетесь. Сегодня им понадобился холдинг Вознюка, завтра они положат глаз на ваш бизнес. Не допускаете?

— И не уговаривайте, Михаил Юрьевич. Мое слово «нет».

— Отец, ты не можешь сказать «нет», — вмешался Игорь. — Ты уже влез в это дело.

— Когда это я влез?

— Когда продавил решение Верховного суда об отмене оправдательного приговора Керженцевой.

— Ничего я не продавливал. Просто посоветовал внимательнее присмотреться к ее делу. Они прислушались к моему совету. Мне не следовало этого делать?

— Я этого не сказал. Иначе она давно была бы на свободе. Но любое дело нужно доводить до конца. Не ты ли меня учил, что аланы никогда не сдаются?

— Но они не бьются головой в стену. Мне не улыбается шить варежки в Краснокаменске. Или где сейчас сидят любители заниматься политикой?

— Что ж, нет так нет, — проговорил Панкратов. — Поищем другое решение.

— Поймите меня правильно, Михаил Юрьевич. Мне очень не нравится ситуация, когда на мой бизнес могут положить глаз. Никому не нравится. Но у меня просто нет 300 миллионов долларов. Даже 100 миллионов нет. Все свободные средства забирает башня в Москва-сити. Я должен ее достроить.

— Аслан, вы неправильно меня поняли. Это я виноват, плохо объяснил. Вам не нужно покупать холдинг, достаточно проявить интерес, прицениться.

— Смысл?

— Керженцева поймет, что может послать подальше фирму «Союз». И тогда им, а не нам, придется искать другое решение.

— Это меняет дело, — повеселел Аслан. — Что от меня требуется?

— Мы сообщим ей, что есть серьезный покупатель, и дадим ваш телефон. Она обязательно позвонит и вы скажете: да, меня это интересует. Вот и все.

— Не все, — снова вмешался Игорь. — Ты скажешь, что твои интересы представляет Михаил Юрьевич Панкратов, с ним и нужно вести переговоры.

Аслан с сомнением покачал головой.

— Слишком сложную вы ведете игру. Но будь по-вашему. Надеюсь, вы знаете что делаете.

— Спасибо за понимание, — поблагодарил Панкратов. — И за кофе.

— Но вы его не пили.

— Сейчас исправим...

В тот же день в адрес Ирины Керженцевой ушло письмо:

«Очень рад, Ирэн, оказаться тебе полезным. Твои поручения выполнил. Твое второе имя Ирэн де Бюсси внесено в ордер Интерпола, тебе больше нельзя им пользоваться. Лежнёв действительно сидит в Лефортово, его допрашивает полковник юстиции, следователь по особо важным делам Следственного комитета. Как его выманили из Марсея, узнать не удалось. Справки о фирме «Союз» навел. Фирма частная, но связана с госструктурами. По сути чиновники. Доверять им нельзя. Как только они получают холдинг, на всех обещаниях поставят крест. Да ты и сама это знаешь. Есть хорошая новость. Президент компании «Мегаполис» Аслан Касаев проявил интерес к твоему холдингу. 300 миллионов он не заплатит, но ты не в том положении, чтобы торговаться. Соглашайся на его условия. Как только ты избавишься от холдинга, «Союз» потеряет к тебе интерес. Его прямой телефон: 89852375803. Он ждет твоего звонка. Будь осторожна. Твой Серж».

Ирина ответила через два дня:

«Спасибо, милый Серж. Я всегда знала, что могу на тебя положиться. Аслану Касаеву позвонила. Он сказал, что его интересы будет представлять Михаил Юрьевич Панкратов. Он может прилететь в Париж и провести со мной переговоры. Ты знаешь этого человека? Можно ему доверять? Не удержалась и позвонила адвокату Захарову. Попросила передать этим, в фирме «Союз», что их гарантии меня не интересуют. Он пришел в ужас и сказал, что я делаю непоправимую ошибку. Но я верю тебе, а не ему. Мечтаю тебя увидеть. Твоя Ирэн».

Х

Телефонный звонок Ирины Керженцевой адвокату Захарову имел последствия, которых никто не мог предугадать. Через несколько дней Игоря Касаева вызвал начальник Российского НЦБ Интерпола генерал-лейтенант Сибирцев, Обычная хмурость на его тяжелом лице была словно бы разбавлена недоумением.

— Не понимаю, — сказал он. — Что происходит с делом Ирины Керженцевой?

— А что происходит? — удивился Игорь. — Ее ищут, Лежнёва допрашивают. Что еще может происходить?

— Я об этом и спрашиваю. Ты занимаешься этим делом. Что-нибудь новое появилось?

— Только то, о чем я уже докладывал. Ее второе имя в ордер Интерпола внесено, из Лиона пришло подтверждение. А что случилось, Владимир Сергеевич?

— Не уверен, что это можно назвать случилось. Правильнее сказать — произошло.

— Что?

— Произошло вот что. Вчера меня вызвали наверх, туда, — движением головы Сибирцев показал на потолок.

— В министерство? — уточнил Игорь.

— Выше.

— Выше — это куда?

— Все-то тебе, Касаев, объясни. Выше значит выше. Сам должен понимать. Так вот, там об этом деле знают и очень им интересуются. Потребовали доложить, что делается для задержания опасной уголовной преступницы.

— Что вы доложили?

— Что мог, то и доложил. Керженцеву ищут, ее сообщника Лежнёва допрашивают в Лефортово. Мне было сказано: плохо ищите, активизируйте работу.

— А как они себе это представляют? — возмутился Игорь. — Интерпол не оперативно-розыскное управление. Мы не имеем права сами арестовать даже бандита в Москве, только через полицию. Они этого не знают?

— Неважно, что они знают, а чего не знают. Они имеют право отдавать приказы, а мы обязаны эти приказы выполнять. Ума не приложу, как мы можем активизировать поиски. Мы ничего про нее не знаем. Только то, что она жила последнее время под именем де Бюсси. И что жила во Франции. А где во Франции? Франция большая.

— Она жила в Париже, — уточнил Игорь.

— Где в Париже? Париж тоже большой. Ни одной зацепки!

Игорь решил приободрить генерал-лейтенанта:

— Одна зацепка имеется. Есть ее электронный адрес.

— Откуда он у тебя? — заинтересовался Сибирцев.

— Нашел в ноутбуке Сергея Старостина, — соврал Игорь.

— Он с ней переписывался?

Пришлось врать и дальше:

— Писем нет, ни одного. Только адрес.

— Хоть что-то. Вот что, Касаев, отложи все дела и составь план мероприятий. Что мы намерены предпринять для активизации поисков преступницы, как задействуем имеющуюся информацию, ее электронный адрес.

— А как мы задействуем электронный адрес?

— Вступим с ней в переписку. Во время войны это называлось функельшпиль — радиоигра. Вот мы с ней в радиоигру и сыграем.

— Придется писать от имени Сергея. Тут она нас и расколет. Мы же не знаем, какие отношения были между ними.

— Ничего ты, Касаев, не понял, — рассердился Сибирцев. — План нужен не нам. Он нужен там, — снова показал он на потолок. — Чтобы там поняли, что мы приняли приказ к исполнению.

— Так бы и сказали, что нужна туфта.

— Пусть туфта. Но она должна выглядеть убедительно. Иди работай.

Остаток рабочего дня Игорь промаялся над сочинением плана. Получалась туфта, фантазии не хватало.

Тогда он плюнул и передрал несколько абзацев из служебной инструкции Интерпола с рекомендациями по розыску международных преступников. Получилось убедительно.

Вечером он рассказал Панкратову о разговоре с генерал-лейтенантом Сибирцевым. Панкратов насторожился.

— Что-то происходит, — предположил он. — Такие дела просто так до верхов не доходят. Думаю, зашевелился «Союз». Нужно понять, что они намерены предпринять.

— Как мы можем это понять?

— По характеру допросов Лежнёва. Сколько ты заплатил своему кадру из СИЗО «Лефортово»?

— Две тысячи баксов. Он был очень доволен.

— Дай три. Пусть перепишет пленку с последним допросом.

— Развращаем мы служивых, Михаил Юрьевич, — укорил Игорь. — А потом удивляемся: почему везде сплошная коррупция?

— Не с нас она началась и не на нас закончится. Еще никому не удавалось на елку влезть и жопу на ободрать. Если мы хотим сделать дело, приходится играть по их правилам.

— А мы этого хотим?

— Ты давно был на Троекуровском кладбище?

— Давно.

— Сходи, посмотри на крест. Очень способствует.

— Вы ходили?

— Нет. Мне достаточно его вспомнить.

XI

«МАРКОВ. Хорошую ты выбрал тактику, Лежнёв. Не было никакого преступления, никакого сговора. Все получилось само собой. А что ты наговорил на предварительном следствии, это твои алкогольные фантазии.

ЛЕЖНЁВ. Но вы сами посоветовали на этом стоять!

МАРКОВ. Я тебе ничего не советовал. Я проверял, как будет выглядеть твоя защита, если ты ее выберешь. Слабенькая оказалась защита, не выдерживает проверки. Теперь давай оценим факты с позиции обвинения. Факт первый. Случайно ли Керженцева предложила тебе работу водителем мужа?

ЛЕЖНЁВ. Случайно. Узнала меня на заправке и предложила.

МАРКОВ. Нет, Лежнёв, не случайно. И на твою заправку она заехала не случайно, а специально. Она знала, как ты разбил «феррари» своей любовницы, читала в газетах. Поняла, что ты тот человек, который ей нужен. И ты это знал.

ЛЕЖНЁВ. Что я мог знать? Мне предложили денежную работу, я согласился.

МАРКОВ. Хорошего водителя можно найти и в Москве, для этого не нужно лететь в Париж. Она полетела и нашла тебя. Потому что имела на тебя планы.

ЛЕЖНЁВ. Я о них даже не догадывался.

МАРКОВ. Ты же неглупый парень. Богатая русская дама прилетает в Париж и предлагает тебе работу. И ты даже не задумался, не спросил себя: почему мне? Я тебе скажу, почему не спросил. Потому что знал.

ЛЕЖНЁВ. Ничего я не знал. А о чем задумался или не задумался, не имеет значения. Это не преступление.

МАРКОВ. Факт второй. Когда ты освоился и изучил привычки хозяина, Керженцева предложила тебе организовать его убийство под видом автомобильной аварии. Такой же, при которой ты убил свою любовницу на «феррари». Был такой разговор?

ЛЕЖНЁВ. Не было. Ничего мне она не предлагала.

МАРКОВ. Ты рассказал об этом разговоре при допросах следователем Молчановым.

ЛЕЖНЁВ. Я все выдумал. Следователь очень хотел получить мое признание, я пошел у него на поводу. Вы сами говорили, что он консультировался с испытателями НАМИ. Они сказали, что специально такую аварию может устроить только Шумахер. А я не Шумахер. Может быть, стал бы Шумахером. Не сложилось.

МАРКОВ. Но сам-то ты считал себя не хуже Шумахера? Смелый ты парень, Лежнёв. Так рисковать жизнью — ради чего? Только из-за денег? Или хотел доказать самому себе, что ты чего-то стоишь?

ЛЕЖНЁВ. Не понимаю, о чем вы говорите.

МАРКОВ. Что же произошло на Ново-Рижском шоссе?

ЛЕЖНЁВ. Авария. Такие бывают каждый день. Керженцева позвонила мужу и сказала, что плохо себя чувствует. Он приказал ехать как можно быстрее. Ночь, мокрая дорога. Я не справился с управлением.

МАРКОВ. Ты очень удачно не справился с управлением. Нож бульдозера пропорол правую половину машины. Ту, где сидел Вознюк. Он погиб, ты отделался телесными повреждениями.

ЛЕЖНЁВ. Мне повезло.

МАРКОВ. Твое везение было хорошо рассчитано. Накануне аварии тебя два раза видели возле бульдозера, ты изучал обстановку. Видел сторож строительной техники. На суде он отказался от своих показаний. Думаю, его подкупили. Но теперь не откажется. Уголовную статью за дачу ложных показаний никто не отменял.

ЛЕЖНЁВ. Вы хотите сказать, что будет новый суд?

МАРКОВ. Будет, Лежнёв, обязательно будет. Мы не можем допустить, чтобы безнаказанно убивали самых достойных людей России.

ЛЕЖНЁВ. Керженцева не арестована. Какой суд может быть без нее?

МАРКОВ. Арестуем. Это вопрос времени. Интерпол получил приказ активизировать ее поиски. А пока ее ищут, отправим тебя в институт Сербского на психиатрическую экспертизу. Даже не знаю, что для тебя лучше. Признают невменяемым, сгниешь в психушке. Признают вменяемым — лагерь строгого режима. Но там хоть небо иногда видно. До следующих встреч, Лежнёв!..»

Запись кончилась, Панкратов выключил диктофон.

— Потрясающе! — восхитился Игорь. — Этот Марков настоящий виртуоз, так все переиграть! На голубом глазу! И он всего лишь полковник юстиции?

— Будет и генералом, такие виртуозы сейчас в цене, — хмуро отозвался Панкратов. — Давай подумаем, что мы имеем. Сделку Керженцевой с «Союзом» мы сорвали. Но это полдела. У тебя есть мысли, как подступиться ко второй половине?

— Когда вы последний раз были в Париже?

— Никогда. Разве что в предыдущей жизни. Году в 1812-м. Почему ты спросил?

— Вы даже не представляете, как с тех пор изменился Париж. Вам понравится, — пообещал Игорь и сел за ноутбук.

«Ирэн, Михаил Юрьевич Панкратов может прилететь в Париж и встретиться с тобой. Назначь время и место. Не тяни, пока Аслан Касаев не передумал. Панкратов серьезный человек, ему можно доверять, я его хорошо знаю. Серж».

Ответ пришел на другой день:

«Милый Серж, верю тебе. Как я его узнаю? Ирэн».

— Михаил Юрьевич, придется вам попозировать, — сказал Игорь, настраивая мобильный телефон. — Фотосессия для мадам. Не будьте таким мрачным, она испугается. Улыбнитесь. Уже лучше. Еще улыбнитесь, шире. Совсем хорошо. Спасибо.

Он перенес снимки в компьютер и нажал кнопку «Отправить». С удовлетворением заключил:

— Ловушка готова. Будем ждать, когда в нее забежит крыса.

Часть четвертая

«БАЛ В МУЛЕН-ДЕ-ЛЯ-ГАЛЕТТ»

I

Когда демократическая Россия открыла границы и отменила выездные визы, Панкратов понял, что зарубежные поездки потеряли для него привлекательность. Так чувствует себя человек перед витриной современного московского универсама с сотнями колбас, ветчин и всяческих деликатесов. Деньги есть, он может купить все что хочет, поэтому ничего не хочет. Он и раньше за границу не очень-то стремился. Зачем привыкать к тому, чего никогда не будешь иметь? В советские времена побывал в Болгарии на Золотых песках и в Венгрии на Балатоне, в составе туристической группы сослуживцев из КГБ слетал в Египет. Знаменитые пирамиды в Гизе и Долина царей оставили его равнодушным, зато сильное впечатление произвел Каир, задымленный, как Садовое кольцо в час пик и замусоренный, как московская барахолка после закрытия. Больше всего восхитило то, как ездят в Каире. Из левого восьмого ряда круто выворачивают в крайний правый, даже не включая поворотников. И хоть бы кто возмущенно бибикнул. После Каира Москва показа-

лось чистой и унылой, как покойник. Это было единственным ярким впечатлением, которое он вынес от знакомства с колыбелью цивилизации.

Три года назад жена уговорила его купить двухнедельный тур в Турцию. Когда он позже говорил, что был в Турции, у него все время было ощущение, что он не то чтобы врет, но и правды не говорит. Никакая это была не Турция, а что-то средне-арифметическое от европейских курортов. Отели впритык друг к другу, теплое до приторности море, удушающая жара, от которой спасал только кондиционер в номере. Даже в многочисленной вышколенной службе не было ничего турецкого.

Они неудачно выбрали отель, автобус от аэропорта Анталии тащился да него часов шесть. Вселились поздно вечером, ресторан уже не работал. Панкратов предложил жене: «Давай поужинаем в какой-нибудь местной харчевне». Они вышли с территории отеля и оказались на пустыре, заросшем репейником. Далеко в стороне тускло светились огни в каких-то хибарах, там жила служба отелей. Вот и вся Турция.

Жене понравилось, все включено, можно встать из-за стола и ни о чем не думать. Для Панкратова эти две недели тянулись бесконечно долго. На третий день он обнаружил возле бара в ресторане дубовый бочонок с двумя кранами. Из одного лилось белое местное вино, сплошная кислятина, из другого розовое, довольно приличное. Подход к бочонку был круглосуточный. Это немного скрасило Панкратову его времяпрепровождение.

Турция окончательно отбила у него охоту к зарубежным поездкам. Жене с дочерью покупал путевки в Болгарию или Хорватию, сам оставался в Москве. На лето снимал дачу в Загорянке по Казанской дороге, это

его вполне устраивало. Равнодушие к границам не давало Панкратову оснований считать себя таким уж патриотом, к мнению которого власти должны прислушиваться с особенным вниманием. Нет, он считал, что власти обязаны прислушиваться к мнению самых обычных людей. А если они этого не делают, каждый человек вправе выражать недовольство. Так, как может, и так, как хочет. Хочет выходить на улицы с белыми ленточками? Пусть выходит. Хочет смотреть бесцензурное кабельное телевидение? Пусть смотрит.

Когда жена узнала, что Панкратову предстоит поездка в Париж, у нее загорелись глаза.

— Как я тебе завидую! Увидишь в Лувре Джоконду!

— Не уверен, что у меня хватит времени на Лувр. Но в музее Орсе обязательно побываю.

— Господи, откуда ты знаешь про музей Орсе? Хороший музей, но с Лувром его не сравнить. Что ты там хочешь увидеть?

— Картину Ренуара «Бал в Мулен-де-ля-Галетт».

— Что я слышу? — изумилась жена. — Ты начал интересоваться живописью?

— Ты же приобщила меня к искусству, — отшутился Панкратов. — Вот я и приобщился.

II

Про парижский музей Орсе и картину знаменитого французского импрессиониста Пьера Огюста Ренуара «Бал в Мулет-де-ля-Галетт» Панкратов сказал жене в шутку, но шуткой это не было. Вариант с картиной

был найден в результате непростых поисков выхода из бюрократического тупика, вызванного тем, что все зарубежные командировки офицеров Интерпола подписывал заместитель министра МВД. Игорь Касаев не понимал, почему Сибирцев не может сослаться на приказ сверху, обязавший Российское НЦБ Интерпола активизировать поиски опасной уголовной преступницы, но спросить не решился. Раз не сослался, значит так надо. Возможно, ему запретили на этот приказ ссылаться. Или генерал-лейтенант посчитал, что не следует напоминать заместителю министра, что он не самое большое начальство, есть и побольше. Никакое начальство этого не любит.

Игорь позвонил Панкратову и попросил его приехать в Интерпол, чтобы объяснить Сибирцеву устройство ловушки, которую они задумали. Он и сам мог бы объяснить, но решил, что у Панкратова это получится лучше. Не та репутация была у Игоря, чтобы начальник НЦБ отнесся к его объяснениям с полным доверием.

Как он и надеялся, Панкратов и Сибирцев понравились друг другу, оба пожившие, много чего повидавшие на своем веку. Такие люди с первого взгляда узнают друг друга и проникаются взаимным расположением. Панкратов обрисовал генерал-лейтенанту ситуацию, не вдаваясь в ненужные подробности. Немного подумав, Сибирцев одобрительно кивнул:

— Может иметь быть. Но командировать вас в Париж я не могу.

— Это не требуется, полечу туристом, — ответил Панкратов. — Загранпаспорт у меня еще действителен. Французскую визу сможете получить без задержки?

— Без проблем. Теперь, Касаев, давай подумаем, как отправить тебя. Под каким соусом просить замминистра подписать твою командировку?

— Это сложно? — спросил Игорь.

— Непросто.

— Я тоже могу туристом.

— Как турист ты там не нужен. Нужен как офицер Российского Интерпола, прилетевший со специальным заданием. Без французских коллег не обойтись. Ты даже задержать мадам не имеешь права, если она попадет в вашу ловушку. В Париж позвоню, окажут содействие. А отправим мы тебя вот как...

План, который предложил Сибирцев, выдавал в нем человека с широким кругозором, который умеет этот кругозор использовать в интересах дела. С год назад оперативники Московского уголовного розыска арестовали антиквара, торговавшего поддельными картинами знаменитых художников, все больше малых голландцев. При обыске на его даче нашли холст с картиной Ренуара «Бал в Мулен-де-ля-Галетт». Сначала решили, что это тоже подделка. Послали на экспертизу. Эксперты сказали: подлинник. Не поверили, отправили холст другим экспертам в научно-реставрационный центр, оснащенный самым современным оборудованием. Там провели исследование по полной программе, от визуального анализа под микроскопом и рентгенокопии до определения содержания в красках изотопов цезия и стронция. Если бы изотопы обнаружались, это означало бы, что картина, датированная 1876 годом, написана не раньше середины XX века, когда в результате ядерных испытаний эти изотопы рассеялись по всей поверхности земли. Никаких следов цезия 137

и стронция 90 в красках не оказалось. Заключение экспертизы: картина подлинная.

В МУРе это вызвало недоумение. Парижский музей Орсе, считавший шедевр Ренуара гордостью своей коллекции, ничего не сообщал о попытках похищения картины, когда могла произойти подмена. Из МУРа дело передали в Российское НЦБ Интерпола, в обязанности которого входил поиск украденных художественных ценностей и возвращение их законным владельцам. Сделали осторожный запрос дирекции музея. Оттуда сообщили, что «Бал в Мулет-де-ля-Галетт» после реставрации выставлен в экспозиции и привлекает большое внимание парижан и гостей французской столицы.

— Выходит, они не знают, что в музее висит фальшак, — закончил Сибирцев экскурс в темные дебри искусства. — Подменили, вероятно, во время реставрации. Вот ты, Касаев, и вернешь им подлинник. Не вижу причин, почему замминистра не подпишет командировку. А если это попадет в газеты, совсем хорошо. Российская полиция нашла и вернула музею Орсе картину Ренуара. Заметьте, Михаил Юрьевич, российская полиция, а не Интерпол, — обратился он к Панкратову. — Когда неудачи, тогда Интерпол. А успех — российская полиция. Черт знает, какой херней приходится заниматься, если хочешь сделать дело!

— А когда было по-другому? — отозвался Панкратов.

— Никогда, — согласился Сибирцев. — Это утешает. Давай, Касаев, оформляй командировку.

Через три дня Игорь Касаев и Панкратов вылетели в Париж. На складе вещественных доказательств МУРа холст Ренуара бережно упаковали в черный дермати-

новый тубус, в каких носят чертежи большого формата. Таможня в Шереметьево была предупреждена, Игорь прошел через VIP-зал без досмотра. У Панкрата нечего было досматривать, в его дорожной сумке были только бытовые мелочи и ноутбук Сергея Старостина. В тот же вечер из номера четырехзвездочного «Hôtel Le Littré» в районе Сен-Жермен-де-Пре отправили Ирине Керженцевой письмо:

«Панкратов в Париже. Назначь время и место встречи. Объясни подробно, он не знает Парижа. Серж».

Утром пришел ответ:

«Завтра в шесть вечера в «Cafe Mabillon», бульвар Saint-Germain, метро Saint-Germain-des-Pres. Ирэн».

III

На следующий день с утра Игорь Касаев уехал в НЦБ Интерпола договариваться с французскими коллегами о совместных действиях, а Панкратов отправился на прогулку по Парижу. Для тубуса с картиной хотели абонировать ячейку в сейфе отеля, где состоятельные постояльцы оставляли на хранение драгоценности, но картина в ячейки не помещалась. Менеджер заверил, что комната с сейфом постоянно находится под охраной и господа могут не беспокоиться о своем имуществе, какую бы ценность оно ни представляло. Судя по выражению его лица, он сомневался, что содержимое тубуса в потертом дерматины вообще представляет какую-то ценность и очень бы удивился, узнав, что она может составлять не один миллион евро. Но ему об этом не сказали. Ни Игорь

Касаев, ни Панкратов сами не знали, сколько стоит шедевр Ренуара.

О Париже Панкратов много читал, особенно в молодости, когда романы Бальзака, Золя и Хемингуэя были единственной возможностью что-то узнать о другой жизни. Он и не рассчитывал, что за то короткое время, которое у него было, сможет проникнуться атмосферой этого города, при одном упоминании которого у всех советских интеллигентов загорались глаза. Но если уж он сюда попал, грех было не увидеть Эйфелеву башню, Монмартр, Собор Парижской Богоматери и Большие бульвары. Но сначала он выяснил по русскому изданию путеводителя Фодорса, где находится кафе «Мабиллон», в котором завтра ему предстояло встретиться с Ириной Керженцевой. Оно оказалось недалеко от отеля, всего минутах в пятнадцати ходьбы, на оживленном бульваре Сен-Жермен с бесчисленными бутиками и барами. С десятков круглых мраморных столиков под разноцветными зонтами стояло снаружи, между ними сновали официанты в белых рубашках и черных жилетках. Внутри — просторный зал с крахмальными скатертями и цветами на столах. Над залом нависала галерея, в которую вела лестница сразу от входа. Там тоже были столы с цветами. Судя по всему, кафе было не из дешевых, поэтому, возможно, и посетителей немного. Панкратов наметил себе место у окна, с которого лучше виден весь зал и вход в кафе, и вышел на улицу.

Июнь в Москве выдался прохладный, с дождями и грозами, в Париже стояло сухое жаркое лето. Как всегда в это время, город наводнили туристы со всего мира. Парижане, у которых не было возможности

уехать из города, и туристы, даже пожилые, щеголяли в шортах, не стесняясь голых ног с варикозными венами, женщины носили маечки и рубашки, завязанные узлом на пупе. Панкратов не решился выйти без пиджака, без него он чувствовал себя не совсем одетым. И хотя пиджак был из легкой светлой ткани, он обильно потел, это мешало ему любоваться Парижем.

До Эйфелевой башни Панкратов добрался без особых трудностей, поднялся на лифте на самую верхоуру и с полчаса провел на смотровой площадке, с которой открывалась панорама города в легкой дымке. Понравилось обилие зелени. Казалось, что дома построены в огромном парке. Москва с такой высоты выглядела бы совсем по-другому, нагромождением бетонных коробок с редкими вкраплениями скверов.

Один пункт программы был выполнен, вторым пунктом значился Монмартр. Про дорогу до него пришлось расспрашивать. Прохожие доброжелательно объясняли, но поскольку они не знали русского языка, а Панкратов по французски знал только слова «месье», «бонжур» и «мерси боку», толку от их объяснений было немного. Но он все же попал на Монмартр, побродил по площади Терт, заставленной мольбертами художников, предлагавшими туристам нарисовать их портрет всего за 20 евро, поглазел на мельницу кабаре «Мулен Руж», пообедал в уличном кафе, позволив себе бутылку Шабли Гран Крю. Вино ему не очень понравилось, зато теперь он мог сказать о себе, что пил шабли на Монмартре.

А вот Собора Парижской Богоматери Панкратов так и не увидел. Не помог путеводитель Фодорса,

а спрашивать дорогу у прохожих он зарекся, было унижительно ощущать себя туземцем. Спустившись с Монмартра, окончательно заблудился, шел, куда ноги несут, отмечая удивительную обжитость Парижа. Не было ни одного дома с облупленной штукатуркой, с грязными стеклами. За этой обжитостью чувствовалась вековая история, не прерываемая разрушительными войнами. Как после Каира Москва казалась чистой и унылой, так и после Парижа она покажется запущенным бесхозным городом с парадной Тверской и грязными захламленными дворами.

Из неприятных впечатлений только обилие на улицах выходцев с Ближнего Востока, как толерантные французы называли арабов. Смуглые мужчины, крикливые женщины в халатах с кучей детей. Казалось, что они оккупировали Париж, такой стороной обернулась политика мультикультурности. В Москве тоже было много выходцев с Кавказа и Средней Азии, но все же еще не столько.

От многочасовой прогулки ноги гудели. На бульваре Клиши, на котором он непонятно как оказался, Панкратов остановил такси и назвал адрес отеля. Игорь Касаев уже ждал его в номере. Рассказал, что с французскими интерполовцами он нашел полное понимание и готовность помочь русским коллегам. Договорились, что два полицейских в штатском с ордером Интерпола заранее придут в кафе «Мабиллон» и будут наблюдать за Панкратовым и его собеседницей. Когда он встанет из-за стола, это будет для них сигналом приступить к задержанию.

— Как они меня узнают? — спросил Панкратов.

— Я показал им ваши снимки, — объяснил Игорь. — Те, что делал для мадам. На всякий случай покажу им вас в натуре.

Помолчали. Больше обсуждать было нечего.

Похоже, что операция приблизилась к завершению.

IV

В половине шестого, за полчаса до назначенного Ириной Керженцевой времени, они подошли к кафе «Мабиллон». Игорь остался снаружи ждать французских коллег, Панкратов вошел в зал. Посетителей оказалось гораздо больше, чем вчера, почти все столы были заняты, в их числе и тот, что наметил для себя Панкратов. Пришлось сесть на неудобное место. Чтобы видеть зал и вход в кафе, пришлось сесть вполоборота и постоянно оглядываться. Минут через пятнадцать в кафе появился Игорь Касаев с двумя молодыми людьми с короткими прическами, в футболках и джинсах. Мимо стола Панкратова они прошли, не останавливаясь. Игорь им что-то сказал, они бросили на Панкратова быстрые взгляды и понимающе кивнули. После чего заняли свободный стол и принялись заинтересованно изучать меню.

Панкратов читал, что в парижских кафе можно заказать чашку кофе и сидеть с нею весь вечер. Но московские привычки сидели в нем неистребимо. Как это заказать только чашку кофе? А как посмотрит на тебя официант, что он о тебе подумает? Подумает: «Ну и жлоб, сидел бы ты лучше дома». Поэтому, когда гарсон обратил на него внимание, Панкратов объяснил,

как смог, что он ждет даму, и кроме эспрессо заказал аперитив и мороженое, угадав его в меню по знакомому слову «айс». Аперитив оказался рюмкой анисовой настойки «Мари Брезар» с резким и неприятным вкусом, а шарики мороженого политы чем-то приторным.

Оставалось ждать.

Через пятнадцать минут дамы не было.

Не пришла она и через полчаса.

Через час к столу Панкратова подсел Игорь Касаев.

— Больше можно не ждать. Почему она не пришла?

— Это ты у меня спрашиваешь? — буркнул Панкратов.

— Отпускаю коллег?

— Отпускай. Скажи официанту, чтобы принес счет.

Игорь вернулся к своему столу. Один из интерполовцев позвонил по мобильному телефону, они еще немного посидели и дружески распрощались с московским коллегой. Панкратов расплатился с официантом и вместе с Игорем вышел из кафе как раз в тот момент, когда французы садились в полицейскую машину. И тут до Панкратова дошло.

— На чем они приехали? — спросил он. — На такси?

— Нет, на такой же тачке. А что?

Панкратов выругался.

— Что с вами, Михаил Юрьевич? — удивился Игорь.

— Не понимаешь? Если Ирина увидела, что два хмыря на полицейской тачке подъехали к кафе и вошли в него, она была бы последней душой, если бы пошла за ними. А она далеко не дура.

— Как она могла увидеть?

— Очень просто. Пришла пораньше и следила за обстановкой. Это называется контрнаблюдением.

— Она и слова такого не знает.

— Неважно, что она знает. Прочувствовала ситуацию. Твои коллеги тоже хороши. У нас в полиции разьебаев полно, но и здесь хватает. Но это почему-то не радует.

Ловушка не сработала.

V

Панкратов угадал: Ирина приехала к «Мабиллону» за час до назначенной встречи и следила за входом в кафе из-за столика соседнего бара. Как и при встрече с адвокатом Захаровым в аэропорту, на ней были черный парик и белая бейсболка с надвинутым на глаза козырьком, лицо закрывали большие солнцезащитные очки. Футболка с легкомысленным Микки Маусом, потертые джинсы и холщовая торба, которую она повесила на спинку стула, делали ее неотличимой от студенток Сорбонны.

В половине шестого к кафе подошли два человека. В одном она сразу узнала того, чьи фотографии переслал ей Серж. Лет шестидесяти, грузный, с очень короткими седыми волосами, с казавшимся сонным лицом и внимательным взглядом. Это и был Панкратов, которого Серж рекомендовал ей как человека, которому можно доверять. Ирине он не понравился. За время следствия и суда она насмотрелась на следователей и прокуроров. Они могли быть молодыми или пожилыми, веселыми или мрачными, но одинаковыми в одном. От них исходила властность людей, привык-

ших распоряжаться чужими судьбами. Эту властность она почувствовала и в Панкратове.

Его спутник был намного моложе, лет двадцати пяти или двадцати шести. Чуть выше среднего роста, с живым смуглым лицом и коротко постриженными черными волосами. Как говорят в России, лицо кавказской национальности. Он был той же породы, что и Панкратов, разве что по молодости властность еще не въелась в его характер. И главное — это был не Серж.

Ирина растерялась. Сергей и не обещал прилететь с Панкратовым. Но если представитель Аслана Касаева взял с собой молодого помощника, почему он не взял Сержа, которого она знает и которому полностью доверяет?

Панкратов вошел в кафе, а его молодой спутник остался у входа, явно кого-то ожидая. Через четверть часа у Мабиллона остановилась полицейская «пежо 306», высадила двух молодых французов и уехала. Они обменялись со спутником Панкратова рукопожатиями и вошли в зал. Эти двое были не очень похожи на полицейских, но простые пассажиры на полицейских автомобилях не ездят. Не Москва, где патрульную машину за деньги можно нанять, как такси.

Ирина заволновалась. Обостренное чувство опасности говорило ей, что нужно немедленно убираться подальше от «Мабиллона». Но встреча с представителем Аслана Касаева была очень важна. Сергей прав, нужно как можно быстрее избавиться от холдинга, и тогда деятели из фирмы «Союз» потеряют к ней интерес. А вдруг она напрасно паникует и эти двое на полицейской «пежо» оказались здесь случайно?

Панкратов угадал, предположив, что Ирина придет раньше и будет наблюдать за входом в «Мабиллон». Но он ошибся, сказав, что она не рискнет зайти в зал. Желание освободиться от свинцового груза, в который для нее превратился медиахолдинг, побороло осторожность. Она вошла в кафе, проскользнула на галерею и заняла свободный столик у дубовых перилец. Отсюда хорошо был виден весь зал. Она заказала чашку кофе и бутылку перье, закурила и стала ждать, как будут развиваться события.

События не развивались никак. Панкратов сидел за столом в полном одиночестве, французы и его молодой спутник расположились в другом конце зала, что-то пили, оживленно разговаривали и на Панкрата не обращали внимания. Да с чего она взяла, что этот человек прилетел с ним? Возможно, они даже не знакомы. Сергей писал, что Панкратов не знает Парижа. Вот и попросил молодого человека показать дорогу. Возможно, он и сам направлялся в кафе «Мабиллон». Случайность? Жизнь полна случайностей.

Время шло. Панкратов все чаще поглядывал на часы и через плечо осматривал зал. Аперитив и кофе он допил, в вазочке с мороженым поковырялся и отодвинул ее от себя. Те трое даже не смотрели в его сторону.

Прошел час. Нужно было на что-то решаться. Ирина расплатилась с официантом и уже хотела спуститься в зал и подойти к Панкратову. Но в это время его молодой спутник оставил французов и подсел к нему. Они о чем-то поговорили, молодой человек подозвал официанта. Пока Панкратов расплачивался, вернулся к французам и попрощался с ними. Французы вышли

из кафе. Следом за ними вышли Панкратов и молодой человек.

Ирины почувствовала, как у нее ослабли ноги. Случайность? Какая случайность?! Это была полицейская засада, и она только чудом не угодила в нее. Помедли Панкратов еще четверть часа, и она подошла бы к нему. А что потом? Наручники, экстрадиция и страшная камера в Лефортово. Господи, да за что же мне все это?!

Чтобы хоть немного успокоить нервы, пришлось заказать рюмку коньяка. Она посидела еще немного и по стеночке, стараясь быть незаметной, спустилась с галереи. Перед тем, как выйти из кафе, посмотрела через стеклянную дверь. Ни французов, ни Панкратова с его спутником не было. Она остановила такси и назвала адрес фермера-винодела. Пережитый ужас возвращался к ней волнами. Она поняла, что не сможет уснуть. Возле пристанционного универсама попросила остановиться и купила литровую бутылку шотландского виски «Glen Grant». Немного подумав, купила еще одну. Пусть будет.

Выпить пришлось довольно много, чтобы восстановить утраченное душевное равновесие. Ирина никак не могла понять, что же произошло, картина не складывалась в одно целое. Почему Серж прислал к ней этого Панкратова и сказал, что он его хорошо знает? Ну, допустим. Он полицейский и мог хорошо знать другого полицейского. Возможно, служил под его началом, пока Панкратов не вышел в отставку. Панкратов вполне мог быть доверенным лицом Аслана Касаева, бывшие менты часто возглавляют службы безопасности олигархов. Пока все было понятно. Но как объяснить появление в кафе двух французов, приехавших

в полицейской машине, наверняка полицейских. Какая роль отводилась молодому спутнику Панкратову, тоже менту? Если это была не засада, что они делали в кафе «Мабиллон»? Охраняли Панкратова? От кого? От нее? Бред, бред!

Ирина чувствовала, что у нее ум заходит за разум. Она никогда не понимала этого расхожего выражения. Теперь поняла. И посоветоваться было решительно не с кем. Единственный человек, которому она полностью доверяла, был в далекой Москве. Почему ты в Москве, Серж? Почему не прилетел с Панкратовым вместо этого лица кавказской национальности? Это бы все упростило, и ей сейчас не пришлось бы ломать голову над этой задачей со многими пугающими неизвестными.

Она включила лэптоп, открыла почту и быстро набрала, не всегда попадая пальцами по клавишам:

«Милый Серж! Зачем ты присла ко мне этого Панкратова? От него за версту несет ментом. Сегодня я должна была встретиться с ним. Не встретилась, побоялась. С ним было три подозрительных типа. Два французских полицейских и один русский, лицо кавказской национальности, тоже мент. Я уже никому не верю, верю только тебе. Передай Аслану Касаеву, чтобы он сделал своим представителем тебя. Больше ни с кем разговаривать не стану. Если бы ты знал, как я хочу тебя видеть! Всегда твоя, только твоя Ирэн».

Не перечитывая, нажала кнопку «Отправить».

— Раньше она писала без ошибок, — заметил Игорь Касаев.

— Она в панике, — предположил Панкратов.

— Что ответим?

— Ничего.

— Она дергается.

— Пусть подергается. Она хочет увидеть Сергея?

Она его увидит.

— Что вы этим хотите сказать?

— Тебя зачем командировали в Париж? — спросил Панкратов. — Вернуть музею Орсе подлинник Ренуара? Вот этим и займись.

VI

Когда-то это был железнодорожный вокзал, поезда отсюда отправлялись в Орлеан, поэтому вокзал назывался Орлеанским. Со временем составы становились все длиннее, в платформы Орлеанского вокзала не помещались, а удлинять их не было никакой возможности, так как вокзал находился в плотно застроенном центре Парижа. В 1939 году вокзал закрылся. Его хотели снести, но после войны ЮНЕСКО внесло здание вокзала в список памятников мировой архитектуры и взяло под свою охрану. После долгих споров правительство Жоржа Помпиду приняло решение превратить Орлеанский вокзал в музей изобразительных и прикладных искусств. Реконструкция велась по проекту итальянского архитектора Ауленти, она началась в 1980 году и закончилась только через шесть лет. С новым музеем поделился своей богатейшей коллекцией Лувр, экспонаты покупали во всех музеях Франции и у частных коллекционеров. Денег не жалели, музей Орсе быстро превратился в одно из крупнейших

в мире собраний живописи, скульптуры, архитектуры, мебели, фотографии, кино и театральной сценографии периода 1850—1910 годов. Среди четырех тысяч экспонатов музея особое место занимали работы импрессионистов и постимпрессионистов Ван Гога, Гогена, Дега, Эдуарда Мане и Клода Моне, Писарро, Ренуара, Курбе, Тулуз Лотрека. Одно перечисление этих имен вызвало бы священный трепет у любого знатока живописи.

Игорь Касаев и Панкратов приехали к музею около полудня в «ситроене», взятом напрокат в «Рента-кар». Глядя, как уверенно Игорь рулит по незнакомым улицам, лишь изредка заглядывая в карту Парижа, Панкратов отметил, что он на такое не способен. Свобода — удел молодых. Они уверенно чувствуют себя в Европе, как и в Москве. Но почему-то Россия так же мало похожа на Европу, как и при советской власти. Молодежь не набрала силу? Или она еще не вся прониклась духом свободы?

Они припарковались на стоянке на набережной Сены. Тубус с холстом Ренуара оставили в багажнике «ситроена». Игорь дал охраннику 50 евро и попросил присмотреть за машиной. Охранник слегка удивился, но деньги взял и заверил господ, что им не о чем беспокоиться. Заплатив за билеты по 8 евро и отстояв полчаса в очереди, они вошли в музей.

Орлеанский вокзал был полностью перестроен, но дух вокзала сохранился: огромный сквозной пролет по длине железнодорожной платформы, большие круглые часы в торце, то ли старинные, то ли стилизованные под старину. Пять этажей с экспозиционными залами нависали над пролетом в виде балконов.

Импроссионисты располагались на третьем этаже. Здесь было особенно много посетителей, но ощущения толкучки не возникало, люди как бы терялись в пространстве вокзала.

Ни на что не отвлекаясь, Игорь Касаев и Панкратов нашли по музейному путеводителю зал с картинами Ренуара и остановились перед «Балом в Муленде-ля-Галетт». Перед поездкой в Париж Панкратов прочитал в Википедии, что на выставке импрессионистов в 1877 году эта картина была названа критиками мазней, и подумал, что его вкусы остались на уровне критиков позапрошлого века. Но они пришли сюда не для того, чтобы демонстрировать свои вкусы, и потому начали вдумчиво обсуждать многофигурную композицию, платья дам, соломенные шляпы мужчин и тонко переданное художником отражение солнечных бликов, пробивающихся сквозь листву акаций. Про блики Панкратов тоже прочитал в Википедии. Их обтекали группы людей под руководством энергичных экскурсоводов, а они все стояли перед картиной, как приклеенные. Часа через полтора на необычных посетителей обратила внимание смотрительница зала, пожилая дама в строгом костюме с белоснежным жабо.

— Чем так привлекло господ именно это полотно? — поинтересовалась она.

— Прекрасная работа, — ответил Игорь. — Никогда не видел таких гениальных подделок.

— Что вы говорите, месье? — возмутилась дама. — В нашем музее нет подделок, только подлинники!

— Про другие картины ничего сказать не могу, но этот Ренуар копия, — стоял на своем Игорь.

— Подождите, я позову искусствоведа.

Она скрылась в служебном помещении и вернулась с господином лет сорока с бледным нервным лицом. Шелковый платок, синий с белыми горошинами, повязанный вместо галстука, выдавал в нем человека искусства, а бородка клинышком и подкрученные на концах усы делали его похожим на кардинала Ришелье, каким он выглядел в исполнении артиста Трофимова в старом советском фильме «Д'Артаньян и три мушкетера».

— Мне сказали, что господа сомневаются в подлинности этого шедевра. Это так? — начал он в наступательном тоне.

— Увы, так, — подтвердил Игорь. — Не хотелось бы вас огорчать, но это подделка. Правда, выполненная с удивительным мастерством.

— И вы можете это доказать?

— Могу.

— Слушаю вас с большим интересом, — не без иронии сказал Ришелье, а в выражении лица читалось: ну что ты, мальчишка, можешь мне сказать?

Мальчишка мог сказать ему многое. Недаром Игорь старательно проштудировал все тридцать страниц заключения комплексной экспертизы научно-реставрационного центра.

— Не буду останавливаться на анализе живописного слоя, — начал он. — В наше время хорошо научились старить краски и даже воспроизводить микротрещины. Копировать художественную манеру автора тоже умеют, особенно талантливые живописцы. А тот, кто сделал эту копию, был, повторяю, очень талантлив. Но чего никто не умеет — воспроизвести то, что находится на холсте под верхним слоем краски, наброски

углем или карандашом, которые делал автор, работая над картиной. Подлинник Ренуара под инфракрасным излучением обнаруживает множество таких набросков. Вот эти дамы на первом плане. Как известно, это две сестры — Эстель и Жанна, с которыми Ренуар познакомился на Монмартре в ту пору, когда он был никому не известным нищим художником. Наброски карандашом показывают, как долго он искал для них нужные позы. Господин, который танцует, это журналист Поль Лота. Ренуару тоже не сразу удалось передать динамику его движений...

Игорь говорил по-французски, но Панкратов представлял, о чем он говорит, он тоже внимательно читал акт экспертизы. С лица кардинала Ришелье исчезло выражение скепсиса, он слушал с напряженным вниманием.

— В музее есть лаборатория с инфракрасной установкой? — отвлекся Игорь от собственного рассказа.

— Да, месье, у нас прекрасная лаборатория, — заверил искусствовед.

— Почему бы вам не проверить мои слова? Прямо сейчас? Готов держать пари, что на этом холсте вы не обнаружите ни одного наброска. Увидите просто грунт. Голый, как коленка.

— Мы так и сделаем.

— Это еще не все, — продолжал Игорь. — Чтобы окончательно решить вопрос о подлинности картины, необходимо проверить содержание изотопов цезия и стронция в краске. Такой аппаратуры в вашей лаборатории наверняка нет, но у вас будет время провести

эту проверку. Уверен, что все приборы зашкалят. Вы понимаете, что это будет означать?

— Да-да, понимаю, очень хорошо понимаю, — покивал Ришелье. — Пройдемте в мой кабинет, господа.

В просторном кабинете с антикварной мебелью он сразу взялся за телефон. Через некоторое время двое охранников бережно внесли снятую со стены картину.

— Туда, — показал им Ришелье на дверь в другое служебное помещение и сам поспешил за ними, предупредив гостей: — Вам придется немного поскучать.

— Ну что, пока все идет по плану, — констатировал Игорь.

Искусствовед вернулся через полчаса. С ним вошел человек лет пятидесяти начальственного вида. Как понял Панкратов, суперинтендант или главный хранитель музея.

— Ну, что? — спросил Игорь искусствоведа.

— Вы правы. Голый, как коленка! Это катастрофа!

— Если этот холст подделка, где же подлинник? — грозно спросил главный хранитель.

— В багажнике нашей машины, — ответил Игорь. — Сейчас принесу.

— Подлинник Ренуара в багажнике вашей машины?! — поразился кардинал Ришелье. — Да вы знаете, сколько он стоит?!

— Сколько?

— Уменьшенная авторская копия этой картины была продана в 1990 году на аукционе Сотби в Нью-Йорке за семьдесят восемь миллионов долларов! Я не разрешу вам нести ее без охраны!

Два охранника поспешивали за Игорем.

— Господа искусствоведы? — обратился главный хранитель к Панкратову по-французски, но он понял.

— Уйи, месье, — ответил Панкратов. — Мы полицейские из России.

Тяжелое молчание в кабинете продолжалось до возвращения Игоря. Холст был бережно извлечен из тубуса и развернут на письменном столе.

— Я не могу в это поверить! — вырвалось у Ришеле. — Что это значит, господа?

— Ничего особенного. Мы выполнили приказ нашего руководства, — объяснил Игорь. — В задачи Интерпола входит поиск похищенных художественных ценностей и возвращение их законным владельцам. Что мы и сделали. Вам остается дать нам бумагу, что подлинник Ренуара вами получен.

— И все? — недоверчиво спросил искусствовед.

— А что еще? — удивился Игорь. — Можете сказать нам мерси.

Дверь из зала распахнулась, под протесты смотрительницы в кабинет влетел встрепанный молодой человек с бейджем «Пресса, Франс-Суар». Увидев на столе картину, торжествующе завопил:

— Значит, это правда? В музее висела подделка?

— Никаких комментариев, — заявил главный хранитель. — Прошу вас уйти.

— Вы не имеете права скрывать от читателей информацию! — запротестовал журналист.

— Охрана, проводите этого господина, — приказал хранитель.

— Я уйду, но завтра вся Франция узнает, что администрация музея Орсе чинит препятствия французской прессе. «Франс-Суар» читают все. У нас свобода слова,

ее еще никто не отменил! Вы не разглядели у себя под носом подделку, а сейчас желаете это скрыть? Ничего не получится! Вы станете всеобщим посмешищем, месье. Таким будет мой комментарий. Вы этого хотите?

Главный хранитель этого не хотел, что и выразил безнадежным взмахом руки.

— Так-то лучше! — одобрил журналист. — С прессой не стоит ссориться. У меня нет желания компрометировать администрацию музея. Да, просмотрели подделку, с кем не бывает. Факт, что в лучших экспозициях мира каждая десятая картина подделка. Главное, что музеем Орсе возвращен подлинный Ренуар.

— Откуда вы об этом узнали? — спросил кардинал Ришелье.

— В редакцию позвонил какой-то человек и сказал, что русская полиция нашла подлинник Ренуара и сегодня он будет передан музею. Я хотел бы узнать подробности этой истории.

Ришелье показал на Игоря:

— Этот человек владеет всей информацией.

— Внимательно слушаю вас, месье!

Журналист стремительно писал в блокноте. Когда Игорь закончил, восхитился:

— Это сенсация! Завтра материал будет на первой полосе. Вызываю фотографа. Не возражаете? — обратился он к главному хранителю.

— Возражаю, — хмуро ответил он. — Фотосъемки в музее запрещены. Не вижу необходимости делать для вас исключение. Надеюсь, вы не сочтете это покушением на свободу слова?

— Но без снимка материал утратит эффект!

— Это ваши проблемы.

Панкратов достал из кармана пиджака белый конверт и передал журналисту.

— Здесь снимок, который вам нужен, — перевел его слова Игорь.

— Прекрасно! — обрадовался журналист и обратился к Игорю. — Я чуть не забыл главное. Назовите себя, месье.

— Майор российского Интерпола Сергей Старостин.

На первой полосе свежего номера популярной газеты «Франс-Суар» читателя встречала крупная «шапка»: «Русский полицейский Сергей Старостин вернул музею Орсе подлинник картины Ренуара «Бал в Мулет-де-ля Галетт». Под ней снимок молодого офицера в парадной форме. Такой же, какой был в овальной рамке на дубовом кресте на Троекуровском кладбище.

VII

Ирина Керженцева обладала счастливым свойством характера — умела бесследно стирать из памяти, как ненужный файл, все неприятное, что может отравлять ей жизнь. Она никогда не вспоминала Григория Вознюка, его труп с разбитой головой, лежащий под черной пленкой на мокром асфальте Ново-Рижского шоссе. Немного труднее было избавиться от воспоминаний о камере в СИЗО «Лефортово», в которой провела несколько месяцев, но и с этим она справлялась. А вот ужас, пережитый ею в кафе «Мабиллон», все не слабел.

Третий день Ирина не знала, куда себя девать, каждый час открывала почту в надежде увидеть письмо от Сержа, но видела одно и то же: «Новых сообщений нет». Почему он молчит? Что значит его молчание? Так можно сойти с ума, неужели он этого не понимает? Не получил ее письма? Повторяла: «Отзовись, милый Серж. Отзовись, отзовись!» И снова равнодушное: «Новых сообщений нет». Да чем он так занят в этой проклятой Москве? Он писал, что тяжело болен отец. Но неужели нельзя найти минуту, чтобы ответить любимой женщине? Охладел к ней? Ирина этого не допускала. Она была не из тех женщин, к которым охлаждаются. И еще совсем недавно он принимал самое живое участие в ее делах. Всего три дня назад! Нет, здесь что-то не то. Но что, что?

Она понимала, что опасно заикливаться на единственной мысли, но поделаться с собой ничего не могла. Немного помогало отвлечься только шотландское виски. По утрам Ирина вставала с тяжелой головой, с тенями под глазами. Молча завтракала в общей столовой и сразу уходила к себе. Винодел и его домашние поглядывали на нее с любопытством, но из деликатности или равнодушия никаких вопросов не задавали. Утром четвертого дня разговор за столом зашел не о погоде и видах на урожай, как обычно. Обсуждали статью в газете «Франс-Суар» о том, что какой-то русский полицейский вернул музею Орсе подлинник картины Ренуара. Ирина среагировала на слова «русский полицейский». Винодел дал ей пухлый номер:

— Почитайте, мадам, очень интересная история.

Вернувшись в гостевой дом, она развернула газету и обмерла. С первой полосы на нее смотрел Серж, ее

Серж. В парадной форме с майорскими погонами, в какой она его никогда не видела, с насмешливым и одновременно немного грустным выражением лица. Сначала она очень обрадовалась, как радуется человек в чужом городе, увидев знакомого, который может ему помочь. Но тут же радость сменилась недоумением. Значит, Серж в Париже? Да, в Париже, раз он вернул музею картину Ренуара. Но почему, почему он не отвечает на ее письма?

Ирина схватила мобильник, нашла справочный телефон редакции «Франс-Суар» и набрала номер. Мобильник не отреагировал, она забыла поставить его на подзарядку. Пришлось звонить по городскому телефону. Она спешила. Знала, что офицеры Интерпола после выполнения задания сразу возвращаются в Москву. Но, может быть, он еще не успел улететь? Надежда была только на это.

— Редакция «Франс-Суар», — раздался в трубке молодой женский голос.

— Мадмуазель, подскажите, в каком отеле остановился русский полицейский Сергей Старостин. Который вернул музею Орсе подлинник Ренуара. Он мой друг, мне очень нужно его увидеть.

— Не отходите от телефона, я наведу справки.

В телефоне с минуту звучала песенка Эдит Пиаф, потом снова возник тот же голос:

— Вы меня слушаете? «Hôtel Le Littré», четыреста второй номер.

— Мерси, мадмуазель, вы меня очень выручили.

Еще с полчаса ушло, чтобы узнать в городском справочном номер отеля, а в отеле телефон четыреста

второго номера. В трубке прозвучали длинные гудки. «Опоздала, он уже улетел», — с отчаянием подумала Ирина. Но тут трубку взяли.

— Слушаю, — сказал по-русски какой-то мужчина.

— Это четыреста второй номер?

— Да.

— Пригласите, пожалуйста, Сергея Старостина.

— Кто его спрашивает?

— Это его знакомая.

— Ирина Керженцева? — уточнил мужчина.

Ирина похолодела. Кто он? Откуда он ее знает? Что происходит? Она не могла знать, что, пока она слушала Эдит Пиаф, французские интерполовцы пробивали ее телефон, но чувствовала, что случилось что-то непоправимое.

— Да, это я, — наконец сказала она. — Так я могу поговорить с Сергеем?

— Можете. Посмотрите в окно, он уже подъезжает.

Ирина бросилась к окну. Там никого не было.

— Никого нет, — сказала она.

— Значит, сейчас будет.

В трубке зазвучали короткие гудки. И словно бы продолжились полицейскими сиренами. В усадьбу влетели две машины, одна «пежо 306», другая пикап с решетками на окнах. Без стука открылась дверь, вошли два полицейских в форме и один штатский. Полицейские были теми молодыми людьми, которых Ирина видела в кафе «Мабиллон». Один из них спросил:

— Ирэн де Бюсси, она же Ирина Керженцева?

— Да, это я.

— Вы арестованы.

— Руки, мадам! — приказал второй и защелкнул на ее запястьях наручники.

Третий молодой человек тоже был тот, кого Ирина видела с этими двумя в кафе, лицо кавказской национальности.

— Где Серж? — закричала она. — Мне сказали, что он придет. Я хочу его видеть! Мне нужно его увидеть!

— Я вместо него. Он не смог приехать по очень уважительной причине. А теперь спросите меня, по какой.

— По какой? — послушно повторила Ирина.

— Он застрелился.

— Этого не может быть! Вы врете! Вы все врете! Когда?

— В тот день, когда вас оправдал суд присяжных.

— Так вот почему он сказал «Встретимся в аду!» Бедный мальчик! Я его любила! Он был единственным, кого я любила!

Лицо кавказской национальности посмотрело на нее с интересом и одновременно с гадливостью, как на гадюку.

— Хотел бы я знать, что вы понимаете под словом «любовь».

— Я его любила! Я буду помнить о нем всегда!

— Насчет всегда не уверен. Но лет двадцать точно. Или двадцать пять. Это смотря сколько отвесит вам суд. Делайте свое дело, коллеги, — бросил он полицейским и вышел из дома.

— Оденьтесь, мадам, — сказал первый.

— И соберите вещи, которые понадобятся вам в тюрьме, — добавил второй.

VIII

Второй суд над Ириной Керженцевой, обвиняемой в организации убийства мужа, медиамагната Григория Вознюка, начался в Красногорске в начале сентября и закончился в ноябре. Никакого внимания московской прессы он не привлек, журналисты увлеченно строили прогнозы о том, к чему приведет заметно усилившее протестное движение, пойдет ли режим президента Путина на уступки или продолжит закручивать гайки.

Как и на первом суде, на скамье подсудимых не было сообщника обвиняемой и непосредственного исполнителя убийства Павла Лежнёва. Проведенная в институте Сербского экспертиза признала его виновным, его вернули в СИЗО «Лефортово». В первую же ночь безопасной бритвой, которую он раздобыл в психушке и сумел пронести в камеру, Лежнёв перерезал себе сонную артерию. Контролеры поздно заметили, что с заключенным происходит что-то неладное, он умер от потери крови. Уголовное преследование против него было прекращено в связи со смертью обвиняемого.

Дело Ирины Керженцевой рассматривалось судом присяжных. Подсудимая своей вины не признала. Непонятно, на что она рассчитывала. Возможно, поверила следователю Маркову, что до суда не дойдет, если она передаст свой пакет акций медиахолдинга фирме «Союз». Она согласилась. Марков привел в Лефортово нотариуса, тот заверил подпись Керженцевой на распоряжении о том, что она передает акции в «Фонд поддержки демократии».

Об этом Панкратову рассказал Файберг. Он добавил, что акции «Союз» получил, но главной своей цели не добился. Многие талантливые журналисты и телеведущие ушли с кабельных каналов, а те, что остались, прежнего интереса у зрителей не вызывали. Талантливого человека можно заставить работать из-за куска хлеба, но его талант непостижимым образом быстро тускнеет. Идея взять под контроль неподцензурное ТВ закончилась ничем.

— Но мы не в накладе, — сказал Файнберг. — Фирма «Союз» задание выполнила. А там хоть трава не расти.

После этого Следственный комитет вернул дело в Красногорск, последние допросы вел следователь Молчанов. Обвинителем выступал красногорский прокурор. Он понимал, что если и на этот раз ему не удастся убедить присяжных, это будет означать конец его карьеры. Поэтому он скрупулезно выполнял все требования уголовно-процессуального кодекса, не оставляя защите ни одного шанса оспорить приговор из-за нарушения процедуры. И хотя сообщника подсудимой не было, чистосердечное признание Лежнёва, присланное в Генеральную прокуратуру, и его показания на следствии были настолько красноречивы и в такой полноте рисовали подготовку к преступлению и все этапы его осуществления, что не было сомнений, что они будут восприняты коллегией присяжных с полным доверием.

От услуг Захарова подсудимая отказалась, защищал Керженцеву молодой адвокат, назначенный судом. Он даже не пытался доказывать ее невиновность, настаивал лишь на том, что его подзащитная заслужи-

вает снисхождения, так как является жертвой всеобщей деградации нравов в современном российском обществе, где культ денег и безудержного потребления обесценил все нормы морали и даже человеческую жизнь.

От последнего слова подсудимая отказалась.

Коллегия присяжных, набранная из жителей Красногорска, культом денег не развращенных, не прониклась сочувствием к жертве всеобщей деградации нравов. Вердикт был единогласным: виновна и снисхождения не заслуживает. Суд приговорил Керженцеву к лишению свободы сроком на двадцать пять лет с отбыванием в колонии строгого режима. Мосгорсуд, а затем Верховный суд апелляцию защиты оставили без удовлетворения. Приговор вступил в законную силу, осужденную отправили по этапу в колонию ИК-9 в тридцати километрах от Тобольска.

Все кончилось, справедливость восторжествовала. Но уже во время оглашения приговора Панкратов ощутил какой-то душевный дискомфорт. Он не исчез, а только усилился после того, как Панкратов и Игорь Касаев съездили на Троекуровское кладбище, положили на могилу Сергея Старостина цветы и молча постояли с непокрытыми головами перед дубовым крестом с овальной фотографией молодого майора в парадной форме. Что-то не так было в самом устройстве жизни, при котором любовь приносит в жизнь не новую жизнь, а новые смерти, а женственность уподобляется разрушительному тайфуну. Не так, не так.

Панкратов всегда считал себя человеком не то чтобы черствым, но ни к каким рефлексиям не склонным.

Он решил, что избавиться от тревожащего душевного дискомфорта может только одним способом — встретиться с Ириной Керженцевой и попытаться понять, что такое эта женщина с ее феноменальной способностью подчинять своей воле мужчин. Является ли она, как сказал адвокат, жертвой всеобщей деградации нравов в современной российском обществе, или здесь что-то другое?

Панкратов заехал в Управление федеральной службы исполнения наказаний к знакомому генерал-майору, попросил позвонить начальнику колонии ИК-9 и отрекомендовать его как человека, заслуживающего доверия.

— За каким чертом тебя туда несет? — любопытствовал генерал. — Это же настоящий медвежий угол.

— Хочу встретиться с одной осужденной, — ответил Панкратов с ударением на втором слоге, как принято в этом цехе.

— С кем?

— Не вникай, долго рассказывать.

— Темнишь, Михаил Юрьевич, — укорил генерал. — Ладно, если не хочешь, не говори.

Но в колонию позвонил.

В середине декабря Панкратов выехал в Тобольск.

IX

В тюменский аэропорт «Рошино» он прилетел утром на «боинге» компании «Ютэйр», на электричке быстро доехал до Тобольска, а последние тридцать километров до ИК-9 добирался часа три на рабочем поезде из че-

тырех вагонов, который здесь называли бичевозкой. На нем ехали работяги в оранжевых железнодорожных жилетах и женщины с плотно набитыми сумками, по большей частью пожилые, матери заключенных, которым разрешили свидание. Поезд подолгу стоял на полустанках, только во второй половине дня Панкратов подошел к проходной ИК-9.

Колония стояла на возвышенности, была обнесена пятиметровым бетонным забором с тремя рядами колючки, с вышками по периметру и напоминала средневековую крепость. Дежурный прапорщик придирчиво проверил паспорт Панкратова и провел его в административный корпус.

Начальник колонии, полковник внутренних войск, лет сорока, встретил московского гостя доброжелательно.

— Что там творится у вас в Москве? — сразу спросил он. — Эти протестные гуляния, «оккупайАбай», «оккупайАрбат», так дойдет и до «оккупайКремль». Москвичи работают когда-нибудь или только гуляют?

— Работают. А в свободное время гуляют. Дойдет ли до «оккупайКремль»? Никто не знает. А я знаю не больше вас, один телевизор смотрим.

— Телевизор смотришь — одно, залезешь в Интернет — совсем другое. И уже не знаешь, чему верить. Что привело вас в наши края? — перешел полковник к делу, почувствовав, что гость не склонен обсуждать московские новости.

— Хотелось бы встретиться с одной осужденной.

— С кем?

— С Ириной Керженцевой.

Полковник помрачнел.

— Быстро же до вас слухи доходят! Нет Ирины Керженцевой.

— Где она?

— Погибла при попытке к бегству.

— От вас можно бежать? — не поверил Панкратов. — Из такой крепости?

— Мы тоже думали, что нельзя. Оказалось, можно. Как? Очень просто, на вертолете. Вот представьте. Стоят бригады на плацу, вдруг над ним зависает «МИ-1», с него летит трап, какая-то бригадница цепляется за него, вертолет набирает высоту. Охрана очухалась, открыла пальбу очередями. И ушел бы, да пуля перебила винт, рухнул за зоной. Понятное дело, взорвался. Три обгорелых трупа. Пилот, бригадница и наш офицер.

— Бригадница — Керженцева?

— Она.

— Кто офицер?

— Молодой парень, капитан внутренней службы. Он и организовал побег. Ума не приложу, как она сумела охмурить его всего за два месяца, И главное — никто ничего не замечал. Только потом, когда стали разбираться, узнали: замкнулся, ушел в себя. Ее не жалко, его тоже не очень жалко, сам виноват. А вот кого жалко — жену и двоих пацанов, остались сиротами.

— Когда это было?

— Неделю назад. Теперь ждем комиссию. Эта Керженцева — что она за человек?

— Она не человек, — ответил Панкратов. — Она явление природы.

* * *

Аэропорт «Рошино» был закрыт, Москва не принимала, весь северо-запад был блокирован снежным циклоном. Панкратов переехал на вокзал и взял билет на проходящий поезд Хабаровск—Москва. Ночью долго не мог заснуть, слушал перестуки вагонных пар, смотрел на чередование света и тени от пролетающих за окном полустанков, а в голове все крутилась библейская фраза:

«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою, ибо крепка, как смерть, любовь...»

Оглавление

<i>Часть первая. У беды глаза зеленые</i>	3
<i>Часть вторая. «Красный угол»</i>	94
<i>Часть третья. Цена вопроса</i>	162
<i>Часть четвертая. «Бал в Мулен-де-ля-Галетт»</i>	217

Литературно-художественное издание

Артур Борисович Таболов

VIP

*Литературный редактор М.С. Каминский
Художник-оформитель И.Г. Сальникова*

Подписано в печать 02.08.2012. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л.13.44. Заказ № 6166. Тираж 1000 экз .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007.027.06.07 от 20.06.2007

ООО «ИД «Русь»-«Олимп»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, дом 3, под. 2
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus06@rambler.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательский дом «РУСЬ-ОЛИМП»

**Артур Таболов, автор романов «Водяра» и «Кэш»,
всегда пишет о том, что хорошо знает - о российском бизнесе.
Его романы напоминают детективы.**

**Но ему нет нужды встраивать в них детективную составляющую,
потому что бизнес в России полон такими крутыми
поворотами сюжета, до каких ни один беллетрист не додумается.
Чтобы писать такие книги, нужно обладать непростым опытом
прожитой жизни.**

У Артура Таболова такой опыт есть.

**Еще на заре перестройки он занимался строительным
и водочным бизнесом в Северной Осетии,
сегодня он владелец многопрофильного холдинга в Москве.**

Он знает о чем пишет.